Абуджайская шаль

Татьяна Евгеньевна Любушкина

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В страшном пожаре погибли многие обитатели тихой, глухой деревеньки. За много лет подробности зловещего происшествия стёрлись из памяти людей, пока в деревне не появился призрак из прошлого…

- Абуджайская шаль или история о начале
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Эпилог

Абуджайская шаль или история о начале

Глава 1
Семья Перегудовых. Переезд

— Ах, душа моя, да всё как-то мне беспокойно! Сердце мается и в груди как-то все болит, болит, а то уж, словно раз… и оборвётся! Так я вся и обмираю и страшно мне, друг мой, страшно-то как! И тут же и корю себя — глупости, глупости! То-то хорошо будет Катеньке на природе, уж детки-то порезвятся, да и воздух там верно, хорош… Да хорош ли там воздух?

Невысокого роста расторопная дама в почтенных летах тревожно взглянула из-под спущенных на нос очков на своего собеседника — представительного немолодого господина с пышными седыми усами и роскошными бакенбардами, на морщинистом, обрюзгшем лице. В отличие от дамы, проявляющей такое нервозное беспокойство, он был совершенно невозмутим и едва прислушивался к её бесконечным вопросам, попыхивая длинной изящной трубочкой с перламутровой инкрустацией.

— И воздух хорош и природа на диво… полноте вам, Дарья Платоновна так-то переживать, поживёте, осмотритесь… — невозмутимый господин не торопясь, выбил содержимое трубки на низкое блюдечко из потемневшего серебра, аккуратно приминая прокуренным жёлтым пальцем дымящиеся угольки, — чай, не в Америку едем, ну не понравится, так что за беда?! Вернуться-то всегда можно!

Дарья Платоновна в ответ на его замечания только горестно качала головой, тяжело вздыхая и растерянно оглядываясь вокруг. Её нарядная, ухоженная гостиная, надёжный семейный приют во всякие времена, сегодня выглядела разорённой, пустой и сиротливой. Мебель, обряженная в чехлы, голые окна со снятыми портьерами, суетливо бегающие взад и вперёд слуги, всё говорило о скором неизбежном переезде и ввергало бедную Дарью Платоновну в страшную тоску. Не находя в себе сил принимать участие во всеобщей суматохе, она бездумно перебирала руками шёлковые нити незаконченной вышивки, словно цепляясь за единственно привычное занятие.

— Бабушка! Бабушка!!!

Краснощёкие малыши, любимые внуки-баловни, Настенька и Володя семи и шести лет подбежали к ней с двух сторон громко переговариваясь, и возбуждённо перебивая друг друга. Девочка тотчас взобралась на колени Дарьи Платоновны, бесцеремонно сталкивая на пол деревянные пяльцы и горячо шепча ей в самое ухо.

— Бабушка, миленькая! Прикажи мисс Флинт, чтобы она разрешила нам взять в поездку нашу Китти!

— Она нам запрещает, бабушка! А Китти не хочет оставаться одна! Кто же с ней будет играть?! — поддержал сестру Володя, крепко сжимая в руках красноглазую белоснежную крысу, — посмотри, какая она грустная, бабушка! Она же понимает, что мы оставляем её!

В подтверждение своих слов он поднёс зверька к самому лицу Дарьи Платоновны, чем едва не вызвал дурноту у несчастной дамы, стойко не переносившей наглого грызуна.

— Ах, Володя, уволь меня от созерцания своего любимца! — раздражённая, она ссадила Настеньку со своих колен, поднимая брошенные пяльцы, — а вы, маленькая дама, извольте вести себя прилично! Ну что это такое, налетела, всё покидала на пол! Что за манеры?! Уж если я что и прикажу мисс Флинт, так это внимательнее следить за вашим воспитанием!

Маленький Володя прижал к своей груди усатую Китти так, что она пискнула и попыталась укусить мальчика за палец.

— Бабушка! — на глазах мальчика показались слёзы, — но она же умрёт от тоски!

Настенька умоляюще сложила руки, просительно заглядывая в глаза рассерженной бабушки, тоже готовясь в любую минуту расплакаться.

Сердце Дарьи Платоновны в одну секунду смягчилось при виде печальных детских личиков.

— Ну, будет, будет плакать! Разве оставим мы такое сокровище, не ровен час, пропадёт, я первая не переживу! Ступайте, да не плачьте более, обещаю поговорить с мисс Флинт…

Погладив мальчика по пухлой щеке и рассеянно поцеловав Настеньку в пушистую кудрявую макушку, она отослала детей прочь и вновь погрузилась в свои тревожные мысли.

Размеренная, покойная жизнь навсегда осталась в прошлом для Дарьи Платоновны с того самого дня, как её супруг, действительный статский советник Дмитрий Степанович Перегудов, объявил о своём решении выйти в отставку и поселиться всей семьей в родовом имении, полученным в наследство от старой тётки Софьи Михайловны Перегудовой.

Нельзя сказать, что таковое решение явилось для Дарьи Платоновны вовсе неожиданным. Лет Дмитрию Степановичу было немало, службу нести становилось всё труднее, да и дети, кроме младшего Николеньки в жизни, слава богу, определились, так что о неизбежной отставке в семье поговаривали давно. Вот только бесконечные намёки Дмитрия Степановича о его намерении

переехать в деревню Дарья Платоновна решительно отказывалась слушать. Да и добро была бы деревня где-нибудь за городом, куда смогут приехать погостить старые друзья, да и сама Дарья Платоновна могла бы отправиться с визитом к знакомым, так нет же! Деревенька та находилась бог весть как далеко, в стороне от всяких дорог и поселений! Потому, слушая рассуждения Дмитрия Степановича о преимуществах деревенской жизни, Дарья Платоновна лишь пожимала плечами и неизменно переводила разговор на другие, более волнительные темы. Даже строительство нового дома в имении Перегудовых восприняла наивная Дарья Платоновна, как очередную блажь взбалмошного супруга и рассчитывала, что деревенская усадьба в лучшем случае будет использована, как охотничий домик для мужских забав Дмитрия Степановича и сыновей Александра и Николеньки.

Сама же Дарья Платоновна деревенской жизни всячески чуралась. С самого рождения она жила в городе, любила посещать театры и модные салоны ездила с визитами к знакомым, принимала визитёров в свою очередь у себя, и другой жизни себе не представляла. Если случалось ей бывать летом на даче, она неизменно искала достойного общества, а от созерцания красот природы скучала и жаловалась знакомым на невыносимость деревенской жизни. Оттого она до самого последнего дня не могла поверить в то, что её любезный супруг сыграет с ней такую злую шутку и заставит на склоне лет зажить отшельницей в глухой, отдалённой от всякой цивилизации деревне.

Да только как выяснилось, намерения Дмитрия Платоновича были самые, что ни на есть серьёзные, и чтобы стало ясно, как такое несчастье приключилось с Дарьей Платоновной, требуется пересказать всё с того самого времени, как молодая Дашенька дочка Платона Аристарховича Синицына повенчалась с господином Перегудовым, то есть — по порядку.

Невестою Дарья Платоновна была, что называют завидною. Миловидная, с лукавым взглядом голубых глаз и пушистой белокурой косой, барышня Синицына была из хорошей семьи, за ней давали богатое приданое, и все эти качества в совокупности вскружили голову не одному воздыхателю. Отец Дашеньки, Платон Аристархович, рассчитывал для дочери блестящую партию, пока не появился на горизонте некий Дмитрий Степанович Перегудов, господин с небольшим чином и с ещё меньшим достатком, а уж если откровенно — то и вовсе без оного! Будь Дмитрий Степанович обычным знакомцем, его и близко не подпустили бы к хорошенькой Дашеньке, но молодой человек приходился сыном старинного приятеля Платона Аристарховича и оттого в доме Синицыных был принят

благосклонно. Платон Аристархович относился к юноше как к собственному сыну, всячески поощрял его общение с семьёй и тот вскоре стал являться к Синицыным запросто, не дожидаясь особого приглашения. При таком положении вещей нечего было и удивляться, что в один знаменательный день Дашенька Синицына и Дмитрий Перегудов краснея и запинаясь от застенчивости, заявили родителям о своей любви и желании идти далее по жизни рука об руку. Ежели в тот момент Платон Аристархович и пожалел, что приласкал в своём доме безденежного юношу, то к чести своей, даже виду не подал. Поговорив серьёзно со своей дочерью и убедившись, что она души не чает в молодом Дмитрии Степановиче, счастью дочери противиться не стал, мудро рассудив, что от судьбы не уйдёшь, а приданного дочери с лихвой хватит на то, чтобы обеспечить молодым достойную жизнь. Многие недоброжелатели тогда поговаривали, что, дескать, ловко удалось Дмитрию Степановичу отхватить такой куш, обойдя более достойных претендентов на руку и сердце Дарьи Платоновны и, что де пожалеют ещё Синицыны, приняв в свой дом нищего выкормыша, да только наветы их не оправдались. С пользой использовав приданое жены, Дмитрий Степанович сумел сделать карьеру головокружительную, поскольку отличался отменным трудолюбием, почтением к начальству, да и вообще был большой умница. Через несколько лет, нажитый им капитал, всемеро превышал полученное приданое, после чего замолчали даже самые ярые ненавистники их счастья и зависимое положение Дмитрия Степановича Перегудова от полученных вместе с молодой женой денег, позабылось навсегда.

Прожили супруги в дружбе и согласии тридцать восемь лет, как дай бог и каждому прожить. Никогда сколь либо серьезная беда не касалась этого милого семейства, о чем Дарья Платоновна каждый день не забывала неустанно благодарить господа. Детей у четы Перегудовых было трое. Старший сын Александр, тридцати шести лет, с детства увлекался наукой, читал запоем толстые книги и проводил в старом флигеле не всегда безопасные эксперименты. Его детские увлечения с возрастом переросли в серьёзное изучение медицины и спустя всего пару лет по окончании университета об Александре Дмитриевиче Перегудове заговорили, как о знающем хирурге, способным исцелить всяческий недуг и даровитом учёном, подающем большие надежды. Женился Александр двадцати трех лет на младшей дочке дворянина Картеева — Машеньке и к тому времени, как ведется рассказ, их первенцу Виктору было уже лет двенадцать, а супруга Машенька снова была на сносях.

Вторым, а вернее второй по счету у Перегудовых шла дочь —

красавица и всеобщая любимица Катенька. Она отличалась на редкость спокойным и безмятежным характером, казалось, никакие жизненные передряги не смогут вывести её из себя. Сидя всегда в уголку то с шитьём, то с вязанием она ласково всем улыбалась и на любые выходки своих братьев вовсе никогда не сердилась. Некоторые злые языки за такую особенность её характера поговаривали, что она-де глуповата, но родные любили её всем сердцем и души в ней не чаяли. Семнадцати лет посватал её господин Огуреев (человек не слишком молодой, годов ему на ту пору было уж больше тридцати), но с большим достатком. Причем доставало ему не только богатства, но так же честности и порядочности, сочетание в наш век столь редкое, что Перегудов, тотчас же благословил сей союз, а послушная дочь Катенька не противилась, да и то сказать никогда о том после не жалела. В ту пору, о которой идёт речь, у них подрастали два премилых ребенка семи и шести лет — дочка Настенька и сынок Володенька.

Третий ребенок Перегудовых младший сын Николай, в жизни себя еще никак не определил. То хотел, было в военные, да жизни в казармах побоялся, потом подался по совету батюшки в университет, в студенты, но большого рвения к наукам не проявлял. Особых хлопот впрочем, с ним не было, шумных студенческих вечеринок с известными проказами он чурался, предпочитая вечера проводить дома с книгами. Правда, толку от такого чтения было чуть. Полезных да умных книг он не читал, от учебников его все чаще в сон клонило, а любил пустяковые романы по большей части иностранные про всякие небывалые приключения и путешествия. Батюшка его за то корил, да только так — для виду! Так вот потихоньку и жили.

Лет за шесть до начала нашей истории Дмитрий Степанович получил неожиданное наследство от троюродной тётки Софьи Михайловны Перегудовой. Наследство было тем более неожиданно, что Дмитрий Степанович и хоть и слыхал от покойного батюшки о существовании тётки, родственницу эту за всю свою жизнь не разу в глаза не видел. Та жила в своём имении затворницей, слыла большой чудачкой, знакомых и родни всячески сторонилась, что не помешало ей отписать в завещании незнакомому племяннику обширное имение, с лесом, речкою и даже собственным озерцом, а в имении том — деревенька, с веселым и солнечным названием — Полянка.

Сама по себе деревенька была небольшой, насчитывала всего четырнадцать крестьянских изб, в которых народишку проживало девяносто четыре души. В деревне стояла старинная церковь, добротная деревянная мельница и небольшой кирпичный

флигель, единственное строение, что осталось от господского дома, после случившегося там пожара. В этом флигеле проживал управляющий имением, обрусевший немец господин Мюллер с супругой, который начал служить ещё при покойной Софье Михайловне и после её смерти Дмитрий Степанович не счёл необходимым заменить его кем-то другим.

Несмотря на отдалённость деревни от города про пожар, случившийся в деревенском господском доме, некоторое время с ужасом передавали различные слухи один другого загадочнее. В том страшном пожаре в усадьбе погибла сама Софья Михайловна и вся её близкая обслуга, за исключением нескольких человек, в том числе управляющего, которых Софья Михайловна отослала из дома со срочными поручениями.

Перегудову, как единственному наследнику задавали всяческие вопросы, не известно ли ему подробностей, отчего произошло такое страшное происшествие, но он неизменно пожимал плечами, поскольку и в самом деле ничего не знал. Один молодой, но очень рьяный чиновник, расследуя причины трагического события, даже пытался сопоставить, внезапную смерь Софьи Михайловны и завещание, подписанное накануне её гибели в пользу Перегудова. Но едва этот слух дошёл до Дмитрия Степановича, как тот страшно осердился и ещё долгое время незадачливый следователь оставался в младших чинах, не смея надеяться на повышение.

Переживая ото всех этих толков, да разговоров, Дмитрий Степанович первое время только раздражался, когда ему напоминали про полученное наследство. Даже читая подробные отчёты о хозяйственной деятельности в имении, с приложением небольших денежных сумм от господина Мюллера, Перегудов недовольно хмыкал и сурово шевелил кустистыми бровями. Прошло целых два года, когда Дмитрий Степанович, наконец, успокоился и решился съездить осмотреть полученное имение, рассуждая при этом, что единственным правильным решением будет продать злополучную деревеньку, да и забыть о том навсегда. Но в тот год запланированная поездка не случилась. То нельзя было оставить дела служебные, то Дарья Платоновна закапризничала и велела свозить её на воды, потом Николеньку надобно было на учение определить, так что все недосуг.

Однако на третий год Дмитрий Степанович решительно собрался в дорогу на осмотр собственного имения, тем более, что случай представился более чем благоприятный. Дарья Платоновна, взяв с собой Николеньку, отправилась на месяц к своей сестре погостить (старшие дети к тому времени уже жили своими домами), а Дмитрий Степанович остался совершенно

один. Не теряя времени даром, он тотчас отослал нарочного в Полянку сообщить о своем приезде, да вскоре выехал и сам.

Укрытая от любопытных глаз высокими холмами, поросшими густым, непроходимым лесом деревенька, доставшаяся Перегудову в наследство, стояла не так далеко от города, как это себе представляла Дарья Платоновна, но её отдалённое расположение от больших дорог, действительно делало Полянку отшельницей, среди многочисленных поселений губернии.

Сначала Дмитрий Степанович ехал по большаку, где вокруг раскинулись распаханные поля, скрипели колёсами встречные повозки, и постоянно попадался народ, уныло бредущий в обе стороны. Затем, оставив большую дорогу позади, коляска свернула в сторону и, прокатив вначале вдоль полей, поехала через редкий лесок, вскоре превратившийся в дремучую чащу, такую густую, что узенькая дорожка едва виднелась среди низко склонившихся ветвей, близко растущих деревьев.

Эк, ведь, какая глушь! — досадливо подумал Дмитрий Степанович — нужды нет, в такую-то глухомань ездить. Продать — да и вся недолга! Окончательно укрепившись в такой мысли, Перегудов вскоре задремал и, проснувшись лишь к вечеру, услыхал негромкий разговор своего кучера с незнакомцем.

— Эй, Федор, что там? Далеко ли? — повелительно, хотя немного охрипнув спросонья, спросил он, высунувшись из окошка.

— Да вот, барин, — обернулся к нему кучер, — ихний-то управляющий господин Мюллер человека прислал, чтоб значица не заплутать, да и то — вовремя! Я уж битый час стою в раздумье, дорога-то — вишь, в обе стороны пошла! А куды ехать то? Ребус!

Кряхтя, Дмитрий Степанович вышел из кареты (засиделся — хоть ноги размять), махнул сердито стоявшему поодаль пареньку лет семнадцати, державшему в поводу низенькую лохматую лошадку.

— Ну, любезный, поди сюда! Отвечай — кто таков?!

Паренёк приблизился, прихлопнув открытый доселе рот (сроду не видал такого важного барина!). Сдернул потрепанную шапчонку с головы под осуждающим взглядом кучера Федора, неловко поклонился и неожиданно сорвавшимся до тонкой ноты голосом (отчего вспыхнул сразу, как маков цвет и далее говорил нарочито грубо) произнес:

— Полянские мы, мельника Захара сын — Данила. Нас господин Мюллер послал, управляющий. Сказал — езжай, встрень барина у Ползучей топи, не то дороги перепутают и непременно в болото попадут.

— Ты что же это несёшь-то дурень! — осердился утомленный

дорожными неудобствами Дмитрий Степанович, — нешто здесь дорога в болото проложена?

Данила шмыгнул носом, почесал колено и после произнес:

— Верно, барин. Вот эта дорога по правую руку — в Полянку, а по левую — на болото.

Решив больше не продолжать расспросы, Перегудов раздраженно махнул рукою кучеру:

— Езжай, Фёдор! — и повернулся к Даниле:

— А ты ступай! Показывай куда ехать! Да смотри мне, шельма, не вздумай плутать!

Колеса плавно покатились по узкой, но ровной дорожке покрытой короткой мягкой травой. К утру бы доехать, — зевнув, подумал Дмитрий Степанович, — что за сторона — болота, леса… продать! за такими мыслями Перегудов снова задремал и очнулся от толчка, когда карета стала. Пождав минуту и не услышав ни шороха, Дмитрий Степанович досадливо крякнул, засопел и громко переступил ногами, в надежде быть услышанным и получить пояснение, почто опять остановка. Но его телодвижения не были услышаны, пришлось, прочистив кашлем горла прикрикнуть:

— Федор! Что? Завез нас дурак в болото?

Немного погодя Федор откликнулся странно изменившимся голосом:

— Гляньте-ка, барин, вон она Полянка-то ваша! Приехали, стало — быть…

Перегудов вылез из коляски и, хмурясь, прошёл вперед, оставив за собою кучера и проводника.

Дорога вышла из леса, и Дмитрий Степанович заметил, что сумерки, давно наступившие в густом непроходимом лесу, здесь на открытом пространстве едва начались. Солнце, огромным алым краем ещё держалось в почерневшем сумеречном небе, бросая багровые отблески на раскинувшиеся вокруг холмы. Внизу меж холмами виднелась деревенька. Первое, что пришло Перегудову на ум, была мысль: И верно ведь — Полянка. Ехали-ехали лесом, и вдруг — невидаль, внизу-то чисто ни кусточка, вся деревня словно на ладошке.

Внизу, с левой стороны дороги выстроились в ряд крестьянские дома, Перегудов насчитал их числом четыре штуки. Первый в ряду — под самым холмом, последний — возле неширокой речушки с берегами, поросшими обычною в таких местах ветлою. С правой стороны — ещё две избы. Дорога, по которой они ехали, в аккурат проходила вниз между двумя рядами крестьянских домов, разделяя их по обе стороны. Посреди деревушки стояла церковь, небольшая, но добротная — с

красного кирпича. Маковки позолочены, не облезлые, а может сверху-то не больно и видать. С правой стороны все продолжался холм, за ним угадывалась вода. Озеро, - вспомнил Перегудов письма управляющего (тот ему подробно все доходные статьи описывал). Все увиденное Дмитрий Степанович охватил одним взглядом и вид был ничем не примечателен, кроме спокойной умиротворенной красоты, что отличает многие русские деревни. Затем взор Перегудова обратился в сторону, что с таким вниманием рассматривали Федор и Данила.

На склоне холма стояли почерневшие обгоревшие развалины старой барской усадьбы. Стены местами обвалились под напором бушевавшего здесь огня, крыша рухнула и лишь в одном месте нависала обломком над закоптелыми руинами. Причудливо разбросанные останки сгоревшего дома придавали сходство с огромным зверем, распахнувшим немую черную пасть и глядящего на мир пустыми глазницами мертвых окон. Впечатление развалины производили отталкивающее, отвратительное. Смотреть на них не хотелось, так, словно на чистом веселом лице ребенка виден был уродливый шрам и как бы ты не отводил взгляд, но вновь и вновь невольно обращаешь внимание на этот досадный недостаток.

— Что развалины? — нарушил общее молчание Перегудов, — верно барский был дом?

— Барыни, верно, — Данила замолчал, хотя, судя по всему, парень был разговорчивый, но видно продолжать заданную тему не хотел.

— Что ж не уберут? — рассердился Дмитрий Степанович, — ведь весь обзор нарушает, словно бельмо какое, прости Господи!

— Да как же? — с внезапным страхом спросил Данила.

Перегудов вопроса не понял.

— Что ты, плут, не знаешь, как и убрать? Уж, небось, всё, что плохо лежало, по избам то растащили, что ж и головёшки то не забрали? Ведь срамота! Стоит сверху этакая горелая дурында, настроение людям портит! Верно ведь — Федор? — обратился Перегудов за поддержкой к кучеру.

— Да уж, как и верно-то, барин. Ведь кажись так и по сею пору, гарью-то несет!

Внезапно подувший ветерок и впрямь принёс запах гари и неизвестно отчего расстроенный Дмитрий Степанович, пожав плечами, полез в коляску, охая и кряхтя.

— Ну, трогай, Федя. Уж и ночь наступает, а там ещё устроиться надо, да и поужинать. Разве ж дело — весь день ни крошки во рту!

Коляска мягко и неслышно покатилась с горки и вскоре ехала

меж деревенских домов. Немного времени спустя Федор внезапно обернулся:

— А посмотреть, барин, так и странная же деревня!

— Чем же она странная? — спросил снова задремавший Перегудов.

— А то странная что ни собака не забрешет, ни дитя не выскочит на дорогу. Дома стоят, а людей вроде и нет.

А ведь и верно, — подумал Перегудов, — то-то все чудится мне, что как-то тут не так, словно и не вправду!

— Эй, человек! Как тебя! Данила? Окликнул он проводника, высунувшись из коляски.

Данила неспешно приблизился, склонил голову, свесившись со спины своей маленькой лошадки (седла под ним не было) и лицо его оказалось вровень с лицом Дмитрия Степановича. Впервые при свете заходящего солнца, Перегудов рассмотрел своего проводника. Лицо его было мягким, по юношески округлым, волосы светлые, тщательно причесанные, но какие-то сероватые, верно не мытые давно. Нос чуть вздернут, растет на лице кругленькой картошиной, губы немного припухлые, лицо чистое, без прыщей и веснушек, подбородок мелковат, но при общей округлости черт облик создавался милый и простодушный.

Перегудов совсем было открыл рот, собираясь задать вопрос, как последний луч заходящего солнца осветил лицо юноши. Тот поспешно отвел взгляд, но Дмитрий Степанович успел заметить невозможную странность во взгляде, которую он долго не мог для себя уяснить и осмыслить, настолько это было неожиданно. Да уж после решил он, что привиделось в сумерках и, успокоившись, спросил:

— А что, Данила, в деревне то тихо? Аль уснули все? Ведь не ночь!

— Так все на той стороне реки, барин, в Паучьей слободке — охотно объяснил Данила, — Матвей-пасечник себе жену новую привел с Верхнеречья, так все встречать пошли, праздновать, новый житель в Полянке.

— А куда же он старую-то жену дел? — изумляясь, спросил Перегудов.

— Так тож, барин… — пробормотал Данила, — она ж у старой барыни в услужении была. Вместе с ней, стало быть, и сгорела.

— Что ж у вас в деревне то? Коровы да собаки с людьми свадьбы празднуют? — задал Федор, мучивший его при въезде в деревню вопрос.

— Почему с людьми? — озадачился Данила.

— Да потому, — в сердцах проронил кучер, — тишина у вас

ровно мы на погост въехали, коровы не мычат, собаки не лают.

— Коровы по ту сторону холма, за прудом, — пожал плечами Данила, — ребятишки, что постарше, пасут в подлеске, так все лето там и живут. Бабы туда коров доить ходят, и еду пастухам носят. Осенью-то коров назад в хлева переведут, с ними и пастухи вернутся. А собаки… так собак в Полянке отродясь не было!

— Как же так — не было? — одновременно воскликнули Перегудов и кучер.

— Не было, — твердо ответил Данила, — я собак видел, когда в город с батей ездил, да у старой барыни была собачонка, да не долго и прожила — до того паскудное создание! Кошки — это есть, они от мышей зимой спасают. А собак нет — не бывало.

Снова, как при взгляде на лицо паренька у Дмитрия Степановича шевельнулась в голове странная и неуловимая мысль, но не найдя выхода до поры до времени осталась в глубине Перегудовского сознания.

Пока они так переговаривались, коляска неспешно обогнула холм, оставив позади развалины. Новый вид предстал перед лицом Перегудова, да только не слишком было его различить в наступившей темноте. Лишь разглядел он озеро, небольшое и чистое с левой стороны от дороги, а справа, у подножия холма небольшой беленый домик. На пороге дома с фонарем в руке стоял управляющий господин Мюллер с супругою, готовые встретить долгожданных гостей.

Встреча приехавшего хозяина и управляющего оказалась короткою. После взаимных приветствий и обязательных расспросов о пройденной дороге, Перегудов наскоро отужинал и, сославшись на усталость, отправился спать, благоразумно отложив все дела на утро. Перед сном вышел во двор, выкурить трубочку и, увидев своего кучера, осведомился, как тот устроен.

— Благодарствуйте, барин. Слава богу, устроены… — в голосе Федора слышалось раздражение.

— Что, Федя? — кротко поинтересовался Дмитрий Степанович, — али не покормили тебя?

— Да уж спаси бог, барин и покормили и на постой к мельнику определили. Да я уж туточки во дворе возле лошадей переночую, к вашему превосходительству поближе…

— Чем же тебе, Федор, у мельника не глянулось?

Федор огляделся по сторонам и, приблизившись к Перегудову вплотную, отчего тот невольно отшатнулся, прошептал:

— А то, барин, что вы как хотите, а не ладно здесь. И деревня нехороша и люди… Вы глаза-то у этого Данилы видели? Это где ж это видано, чтобы глаз у человека, как у кошки по ночам светился? А я вам скажу барин, что и у отца его — мельника и у

родни ихней, всё такие глаза! Я как в избу-то вошел, так и обомлел, ровно нечисть по углам сидит, так глазищами-то и сверкают! И на голове у них — шерсть! Право слово, барин Дмитрий Степанович, не волосы это — шерсть! Не бывает у людей таких волос!

Перегудов потянул носом воздух, явно послышался сивушный запах.

— А ты ведь, Федор, выпил, — заключил Дмитрий Степанович.

— Это, барин, верно, — понурился кучер, — так ведь со страху, барин! Ей-пра, со страху! Да нешто вы сами ничего не замечаете!?

— Ступай, Федор, спать, — ровным тоном, не терпящим возражений, проговорил Перегудов, — коли у мельника не желаешь — в коляске уснёшь. Ночи нынче тёплые — небось, не замерзнешь.

Развернулся и пошёл к дому, и тут-то выползла из головы, глубоко засевшая мыслишка: А прав, Федор, прав! Глаз-то у мальчишки уж больно нехорош! Не правильный взгляд, не людской…

И слово это точно определило то смутное, неопределенное, что мучило Дмитрия Степановича последние часы.

Долго ещё, укладываясь спать в чужой неудобной постели, Перегудов вспоминал весь прожитый день и охал и вздыхал и молился потихоньку, а после не заметил, как и уснул.

* * *

Утром, Дмитрия Степановича разбудили птицы. Громкие и нахальные, они осаждали кусты сирени, росшие возле самого окна, и дрались и переругивались непонятно за что, временами заглядывая в открытое окно, с любопытством наклоняя яркие хохлатые головы. Что же за пичуги? — подумалось Перегудову, — эка, ведь век почитай прожил, а окромя воробьев да голубей и птиц-то не знаю!. Спал Дмитрий Степанович не сказать, что долго, но чувствовал себя на удивление хорошо отдохнувшим и страшно голодным. Одевшись и умывшись приготовленною с вечера водою, Перегудов пошёл осмотреться. Домик был всего в четыре комнаты, где в одной проживал господин Мюллер с супругою Анной, другая служила для гостей (коих впрочем, супруги Мюллер видели немного). Самая большая комната — гостиная, где по праздникам господин Мюллер с женою неизменно принимали семью местного священника (у

священника было шестеро детей, и бездетная чета Мюллер их баловала, хотя после посещения шумных гостей Анна Мюллер страдала мигренью). Последняя маленькая каморка была для прислуги. Там жила бабка Пелагея, женщина уже пожилая, но сильная. Была у неё когда-то семья и муж и сыновья, да только младший сын помер ещё в младенчестве лет этак трёх, хотя родился он уродцем и многие думали, что Пелагея-то, кстати, от несчастного мученика избавилась. А старший сын её с мужем погибли на том страшном пожаре, где погорела старая барыня. Муж Пелагеи служил там конюхом, а сынок-подросток ему помогал. Как сгорели они, бабка волосы на себе рвала и два дня волчицей выла. Сама-то она пожара не видела, уходила с бабами в подлесок коров доить. Ушла-то как раз ночью, под утро (ведь пока дойдёшь, а летом ночи-то коротки!), как вернулась, так уж только уголёчки и застала, ровнёхонько после её ухода и занялось, спали все в доме-то, проснуться никто не успел. Кабы она не ушла, так бы и тоже сгорела! Так вот два дня повыла-повыла, а потом замолчала и с тех пор все молчит, редко когда слово какое скажет. Мюллеры её к себе взяли по дому хозяйствовать, так она всё делает и всё-то молча. Что не скажут ей — всё молчит. Все уж привыкли.

Перегудов прошёлся по комнатам, но в доме никого не застал. Выйдя на улицу, он внезапно задохнулся от изобилия свежего воздуха и яркого солнечного света. Такой покой, да благодать бывает только в деревнях ранним утром, когда полуденный зной ещё не сушит кожу, комары уже уснули, а мухи ещё не проснулись. По дороге в сторону деревни мимо Дмитрия Степановича проходила стайка баб и девок, с любопытством на него поглядывая. Верно, возвращаются с утренней дойки, - догадался Перегудов. Самая смелая сделала шаг в сторону от толпы к Дмитрию Степановичу и звонко прокричала:

— Здоровьичка вам! Доброго утра, барин!

Остальные рассмеялись, будто их подруга сказала что-то смешное.

— И вам доброго утра! — благодарно промолвил Перегудов, покручивая с улыбкой ус.

Бабы сбились с шага, застопорились и вразброд поздоровались. Старшие покланялись.

Дмитрий Степанович сошел с крыльца и прошелся в сторону озера, оглядывая окрестности. За озером усмотрел он дом и мельницу, следом — реку, а по ту сторону реки вверх по склону высокого холма густой непроходимый лес.

Вся деревня словно уместилась на дне огромного блюда. Со всех сторон её окружали высокие, поросшие дремучим лесом

холмы, посередине протекала река, а рядышком разместилось небольшое озерцо с прозрачной и чистой водой.

Когда Перегудов вернулся с прогулки, дома его дожидались хозяева. Господин Мюллер с утра осматривал хозяйство (так уж было заведено), а Анна с бабкой Пелагеей проводили время на заднем дворе в птичнике.

Накрыли стол. За завтраком Перегудов всё расспрашивал о здешнем народе, обычаях, да чем народ промышляет. Мюллер охотно отвечал, что да, мол, народ здесь хороший, трезвый и работящий. Места богатые, охота да рыбалка знатные, грибов да ягод бабам за всё лето не перетаскать. Он то не местный, служил у помещика Синцова, да потом перешёл в услуженье к старой барыне. По личным обстоятельствам. За разговорами время пролетело быстро. Дмитрию Степановичу не терпелось продолжить смотр владений, и господин Мюллер вызвался его сопровождать. После завтрака оба двинулись в путь. Обошли кругом озеро, осмотрели мельницу, сходили за реку. Перегудов вернулся уставший и возбужденный, увиденное всё более и более нравилось ему. С утра сговорились с Мюллером на рыбалку, так что ещё один день был проведен приятно.

Незаметно для себя Перегудов прожил в Полянке целую неделю, хотя и уезжал на два дня. Собираясь в обратный путь, Дмитрий Степанович испытал внезапное сожаление. Тогда-то и зародилась у него мысль о скорой и неизбежной отставке, и что-де неплохо бы было поселиться в этаком вот тихом местечке. Всё вокруг — твоё! Красота природная, воздух, ни тебе суматохи городской, ни сослуживцев-завистников. На лето дети, внуки съедутся — уж тут им раздолье! Не казенная дача!

С такими радужными мыслями Дмитрий Степанович покидал Полянку, сидя в коляске и благодушно переговариваясь с Федором. Когда обогнули холм, взгляд Перегудова вновь наткнулся на обгорелые развалины, дохнуло в лицо гарью и сердце вдруг сжалось недобро, да махнул тогда Дмитрий Степанович рукою Убрать! С глаз долой этакую страсть! А для семьи дом поставлю у реки, в два этажа и чтоб непременно с белыми колоннами…. Так, погрузившись вновь в мысли приятные, Перегудов покатил дальше, а над развалинами молча кружили огромные черные птицы и провожали внимательным взглядом уезжавших людей…

* * *

С того времени прошло без малого три года. Мысль

обустроиться в Полянке и выйти в отставку не оставила Дмитрия Степановича ни на один день. Дарья Платоновна вначале горячо возражала, не представляя себя деревенской жительницей, но одобрительные отзывы старшего рассудительного сына Александра, съездившего в Полянку разведкою и горячие уговоры внуков, мечтавших попасть в этакую благодать, после рассказов деда, сделали своё дело, и Дарья Платоновна сдалась. Сама уж начала рассуждать с подругами о благоразумии переезда в тихое уютное место к старости и вместе с супругом строила различные прожекты об их деревенском будущем.

Миновало время, все дела были улажены, новый дом в Полянке стараниями Дмитрия Степановича готовился принять новых жителей, и вся семья принимала живейшее участие в переезде за город.

Вот собственно и всё, что необходимо было рассказать, чтобы стало понятно, как Дарья Платоновна, почтенная мать многочисленного семейства оказалась сидящей в собственной гостиной с совершенно расстроенными нервами и полном смятении чувств!

Глава 2
День первый. Несчастный случай

Большая гостиная в городском доме завалена узлами, коробками свертками, кругом снуют дети и прислуга, которых словно стало вдвое больше. Гам стоит такой, что порою никто не слышит собственного голоса. Дарья Платоновна восседает у окна на высоком деревянном сундуке, перевязанном для прочности верёвками. Она всё задаёт последние вопросы, будто вдруг услышит нечто такое, что заставит её всё поменять, прекратить эту суету и забыть навсегда о хлопотах переезда.

Но… внизу уже подъехали коляски, вот все вещи погружены и путешественники усаживаются по своим местам.

В первой коляске едут Дмитрий Степанович с сыном Николенькой и внуком Виктором. Во второй Дарья Платоновна с дочерью Катериной, внуками Настенькой и Володенькой и их гувернанткой мисс Флинт. Старший сын Александр с супругой остались в городе (ввиду интересного положение Марии), а супруга Катерины задержали дела — обещал быть позднее.

Все вещи уже давно были перевезены, новая мебель в новом доме куплена и расставлена, поэтому взяли лишь то, что не отправлено заранее, да то без чего хозяевам ни дня не обойтись. Набралось всего довольно, так что ехали в тесноте, постоянно роняя под ноги различные свертки и наступая на всевозможные узлы.

Рано утром такою ватагою выехать не удалось, потому решили заночевать в пути в последней деревне перед поворотом в лесные чащобы. Зато уж на следующий день отправились в дорогу в надежде к обеду быть на месте.

Да только скоро не вышло. Уж больно много встречалось в лесу соблазнов, зовущих соскочить с коляски. То прямо у дороги полянка с грибами, нахально выпирающими из травы, то ветки, усыпанные спелыми сочными ягодами, свешиваются точнёхонько в повозки и грех не остановиться и не попробовать ягоду на вкус, не нарвать грибочков! Словом к дорожной развилке прибыли под вечер. У развилки поджидал старый знакомец Данила — мельников сын.

— Что, Данила, — добродушно промолвил Перегудов, — в такую пору эдак далеко забрался?

— Вас вышел встренуть, барин, — с неловким поклоном отвечал подросший, за три года и окрепший в плечах юноша.

— Да нешто мы заблудимся, — удивился Дмитрий

Степанович, — чай ведь не в первый раз по этой-то дороге едем! Верно, Федор?

— Верно, ваше превосходительство, — усмехаясь, проговорил невзлюбивший Данилу с первой поездки, кучер, — ты видно, Данила, тут кралю какую глазастую поджидал, а мы тебе все карты спутали — понаехали этаким-то табором!

— Право слово, барин, тут такие у нас места чудные, что бывает и забудешь всё! Батя говорит: Пойди, встрень, не то угодят прямо в Ползучую топь!

— Экий ты право, чудной Данила, — скривился Перегудов, — ну что ты несёшь-то, братец, уж не пьян ли? — и поворотясь к кучеру: — Давай-ка Фёдор, поворачивай направо!

Коляски со скрипом повернули и поехали по уже знакомой дороге. Данила уныло последовал за ними.

Через какое-то время Дмитрий Степанович стал примечать, что сумерки превращаются в ночь, дорога давно уже идет вниз, а Полянка всё не появляется. Что за чертовщина? подумал Перегудов, и толчком в спину остановив Фёдора, молча вылез из коляски. Неожиданно под ногами чавкнуло. Дмитрий Степанович осмотрелся, и сердце его тревожно сжалось, лес впереди был не тот, что раньше. Он поредел, и вокруг росли всё больше редкие кустарники. Меж ними виднелись неровные круги, заполненные чёрною водой и кое-где поросли редкой и хилой травы. Подошёл встревоженный Фёдор.

— Беда, барин, кажись и впрямь в болото заехали! Что за напасть, ведь сколь годов мы с вами по дороге этой езживали, а тут вона что! А я уж давно еду и чую, под колёсами-то хлюпает!

Из соседней коляски высунулась Дарья Платоновна:

— Дмитрий Степанович! Скоро ль деревня?

— Да, матушка, — рассеянно и односложно отвечал Перегудов.

Из темноты бесшумно вышел ехавший поодаль Данила:

— Поворачивать надо, барин! Дальше ходу нет — трясина!

— Сам вижу, дурья твоя башка! Почто ты раньше-то молчал?

— Дык, говорил же, барин, а вы…

Дмитрий Степанович решительно пресёк дальнейшие объяснения:

— Поворачивай, Фёдор! — и к Даниле, пригрозив кулаком: — показывай дорогу-то, ирод, да смотри мне!

Коляски поворотили назад, с трудом разворачиваясь на узкой и топкой дороге. Утомлённые дети и Катерина уже уснули, Дарья Платоновна сидела притихшая, не решаясь обратиться к мужу, видя его раздражение, но убаюканная мерным покачиванием коляски, вскоре задремала и сама.

Дальнейший путь до Полянки проделали без приключений и на место приехали уже за полночь. Местные красоты было не разглядеть в кромешной темноте, да и видеть их никто и не возжелал — устали. Сонных Настю и Володеньку перенесли в приготовленные комнаты и уложили в кровати. Остальные на ночлег разбрелись сами и измученные долгою дорогой проспали беспробудно до обеда следующего дня.

На другой день первыми пробудились младшие дети. Едва раскрыв глаза они принялись бегать по дому, заглядывать во все комнаты и восторги свои выражали столь шумно, что рассерженная гувернантка мисс Флинт, была вынуждена собрать их на прогулку, пока они не подняли на ноги весь дом. Решено было прогуляться до реки, благо идти было не далеко (лишь немного спуститься по склону идущему от усадьбы), и нарвать для маменьки полевых цветов.

Речка Бездонка в Полянке протекала неширокая, но очень глубокая, с множеством подземных, ледяных ключей и прозрачной чистою водою. Тщательно закрытая от любопытных глаз раскидистыми широкими вётлами, пробегая мимо усадьбы Бездонка делала широкий и плавный изгиб, омывая пологий песчаный берег, единственное место, где не росли деревья, и только здесь позволяла разглядеть себя во всей красе. Прозрачная вода переливалась на солнце, лениво проплывая с лёгким, едва слышным журчанием. Со дна непрерывно поднимались подводные струйки, лопаясь на поверхности лёгкими воздушными пузырьками и серебристые рыбки резвясь в глубине хватали их беззвучными губами, тут же уносясь прочь.

Другой берег был мрачен и крут. Над высоким каменистым обрывом нависали высокие тёмные сосны, угрожающе растопыривая над водой, корявые корни. Некоторые из деревьев, не в силах устоять на крутом берегу, постоянно подмываемом стремительно бегущей рекой, едва держались на отвесной круче, бессильно припадая вечнозелёными кронами к самой поверхности воды.

Дети, совершенно очарованные здешними местами поминутно выражали свою радость, показывая её не только словами, но и бурными жестами, громкими разговорами и несдержанным смехом. Мисс Флинт, хоть и не уставала делать им замечания, но, однако, не меньше восхищалась солнечным днём, ласковым и свежим ветром и сказочной красоты природой.

— Ах, смотрите, Настенька, мисс Флинт! Там на реке плавают гуси, вы видите? Это гуси! А может быть и даже лебеди? Мисс Флинт, скажите, это гуси или лебеди? — захлёбываясь от нетерпения и подпрыгивая от восторга, кричал мальчик.

— Это гуси-лебеди, гуси-лебеди, — вторила ему сестра, — как в сказке!

— Смотрите — там мост! Вот так мост! — Володин неутомимый пальчик, показывал уже в другую сторону, — Мисс Флинт! Мисс Флинт! Пойдемте же туда! Давайте всё посмотрим!

Дети схватили слабо упирающуюся гувернантку за руки.

— Пожалуйста, мисс Флинт, на одну минуточку! Мы только взглянем на этот мостик одним глазком — и тут же назад!

Мост через реку и в самом деле был примечателен. В землю, по обоим берегам, вкопаны крепкие деревянные опоры, тщательно отполированные с вырезанными по бокам непонятными знаками и изображениями птиц и зверей. От опор туго натянуты крепкие толстые канаты, заменяющие перила, а сам мост, висящий над быстрой речной стремниной, казался таким лёгким и сказочно воздушным, что даже мисс Флинт непременно захотелось взбежать на него и покачаться над рекою, с замиранием сердца глядя в светлую, прозрачную воду.

Что уж было говорить о детях! Они с восторгом и страхом вступили на его шаткую основу и тут же ринулись на середину повизгивая, как щенята от счастья, а затем принялись раскачиваться, словно на качелях, крепко держась руками за канаты.

— Дети, осторожно! — сердито и испуганно окликнула их мисс Флинт, медленно перебирая руками перила.

Но дети совсем её не слушали.

— Смотрите! Смотрите-ка мисс Флинт! — ликованию их не было предела, — смотрите! Отсюда всё видно! Вон наш дом! Видите? Там стоит Виктор! Виктор, Виктор, иди же к нам! А вон там мельница! А вон, Настенька смотри, видишь, что это?! Ой!..

Мисс Флинт с ужасом увидела, как тело мальчика внезапно скользнуло сквозь предательски разошедшиеся канатные переплетения, рот его зашелся в немом крике, маленькие ладошки пытавшиеся ухватиться за качающиеся верёвки скользнули мимо и замахали нелепо не найдя опоры. И вот уже всё его худенькое тельце летит в безудержную стремнину и, не успев коснуться воды, Володя издал крик короткий и жалкий. Сколько ужаса и страшной боли было в нём!

Маленькая Настя рухнула на колени, вцепившись руками в деревянные перекладины моста. Она рыдала и боялась даже поднять голову, думая, что непременно упадет вслед за братом.

Всё в обезумевшем взгляде несчастной мисс Флинт смешалось кошмарную карусель! Качался мост, небо, река и деревья, всё вокруг кружилось в сумасшедшем и диком танце. Она увидела, как с другого берега метнулась тенью высокая и

гибкая фигура и бросилась в реку, туда, где упал мальчик.

— Настенька, — бормотала мисс Флинт трясущимися непослушными губами, — девочка моя не шевелись я иду к тебе, не плачь…

Она неуклюже оторвала девочку от перекладин и, взвалив её, кричащую и смертельно испуганную на руки постаралась скорее покинуть мост, ставший вдруг таким опасным.

Лишь положив девочку на траву, ей удалось перевести дух.

— Лежи, — задыхаясь, проговорила она, — лежи здесь и не смей никуда уходить — жди меня!

Мисс Флинт бросилась вниз к реке.

— На помощь! — голос её сорвался, и она крикнула ещё раз, — помогите! На помощь, скорее!!!

Она видела, что к берегу уже бежали люди, но, боже! Как же они были далеко!

Мисс Флинт не умела плавать. Но ни секунды не раздумывая, лихорадочно отвязала стоящую у берега лодку, и решительно запрыгнула в неё, взяв в руки весла, совершенно не представляя себе, что делать дальше. Внезапно, рядом раздался плеск. Сначала из воды показалась запрокинутая голова Володи с мокрыми слипшимися волосами, а за нею лицо его спасительницы. Мисс Флинт, выпрыгнув из бесполезной лодки, бросилась в воду навстречу мальчику. Вдвоем с незнакомой пловчихой они вынесли малыша не берег и бережно уложили его на земле. Но тело мальчика было неподвижно…

Бледная и решительная мисс Флинт, коротко, тоном, не терпящим никаких возражений, отдавала приказы подбежавшим людям, одному — глаз не спускать с Настеньки, другому — тот же час мчаться в господский дом — известить о случившемся несчастье.

Незнакомая спасительница тем временем безуспешно пыталась вернуть Володю к жизни. Несколько томительных и страшных минут прошли в полном отчаянии, мисс Флинт, упав на колени, горячо возносила к небу безутешные молитвы.

Внезапно тело мальчика дрогнуло и шевельнулось и тут же поперхнувшись, он закашлялся. Изо рта и носа его потекла вода, он неудержимо кашлял, размазывая по лицу воду и слёзы и, наконец, заревел басовито, кривя некрасиво рот, захлёбываясь и икая.

Мисс Флинт и подбежавшие Виктор и Настенька кинулись к нему рыдая, и смеясь, целуя и браня его.

В это время незнакомка отошла в сторону и внимательно наблюдала за ними, отжимая из волос воду.

— Дорогая, — мисс Флинт бросилась к ней, открыв

объятья, — какое счастье, что вы оказались здесь в эту минуту! Страшно подумать, что по моей вине мальчик мог погибнуть!

— Счастье, говоришь? Ну, со мною встретиться счастье небольшое, вишь народ-то разбежался!

Мисс Флинт оглянулась и с удивлением увидела, что собравшаяся было толпа местных жителей (до странности приземистых и длинноволосых!), поспешно покидает место происшествия, боязливо оглядываясь.

— Отчего же все разошлись, — недоумённо воскликнул Виктор, — неужели никто не хочет нам помочь?

— А чего же помогать-то? — девушка закончила заниматься волосами и принялась отжимать подол платья, — все пока живы и вроде бы как здоровы…

Мисс Флинт вздрогнула от неприкрытой угрозы прозвучавшей в её голосе.

— Зачем вы так? Здесь же дети — вы их пугаете!

— А меня надо бояться, — встряхнулась как мокрая собака, потрепала Володю по голове и проговорила весело, — верно, малыш? Будешь бояться да помалкивать — дольше проживёшь…

Она расхохоталась раскатисто и звонко, высоко поднимая голову. Некоторые крестьяне при звуке раздавшегося смеха испуганно пригнулись и побежали вприпрыжку, будто хоронясь от её громкого голоса.

— Не люблю я их, — поморщилась девушка, — нелюди они, хуже зверей.

— Отчего же? — удивлённо пролепетала мисс Флинт.

Девушка вскинула плечи недоумевающим жестом:

— Откуда ж мне знать? Верно, родились такими. Вы бы дамочка с дитями-то возле дома своего гуляли, пока не обвыкните. Что ж вас в первый же день в Паучью слободку понесло?

Она легко подняла мокрого Володю на руки и понесла к барской усадьбе, кивком приглашая остальных следовать за ней.

— Что это — Паучья Слободка? — едва поспевая за широкими шагами девушки, спросила мисс Флинт.

— Вон те хижины за мостом, — небрежно мотнула та головой, — там вовсе дикой народ живёт, окромя плётки закону не признают! Да сечь их некому! Как Старая Барыня жива-то была они и носу на этой стороне не казали, а теперь вишь — гуляют, как у себя дома. Ну, ништо, вот ужо я им покажу, где раки зимуют!

— А где они зимуют, сударыня? — пискнула Настенька, забегая вперёд и глядя на новую знакомую с некоторой опаскою.

Девушка усмехнулась:

— Ишь ты, любопытная! — сняла с рук озябшего Володю и, поставив его на землю, подтолкнула легонько к дому, — далее сами дойдёте, прощайте покудова, а мне недосуг.

И развернувшись, стремительно пошла прочь.

— Постойте! — запоздало окликнула её мисс Флинт, — скажите хоть, как вас зовут?

— Марьей! — не оглядываясь, крикнула новая знакомая, и легко и быстро шагая вдоль реки, вскоре скрылась из виду.

* * *

Дома до самого вечера только и было разговоров, что об утреннем происшествии! Володю уложили в постель и, несмотря на все его горячие протесты, строго-настрого наказали не в коем случае не подниматься. Мисс Флинт чувствуя себя самой главной виновницей, страшилась попасться господам на глаза, пока сжалившаяся над нею Дарья Платоновна не разыскала её и не произнесла успокаивающе:

— Ну, будет, будет… Полно уж, душенька так виниться! Мы знаем, голубушка, что только вам и можно детей-то доверять, а ведь они сорванцы отчаянные! Важно, душенька, что всё обошлось, а вас никто не винит — господь с вами!

Мисс Флинт подавив рыдания, бросилась ей в ноги, умоляя простить за недогляд, и клятвенно заверяя, что глаз не спустит с молодых господ.

Дарья Платоновна мелко перекрестя её, промолвила:

— Да вы уж, не переусердствуйте, голубушка, не переусердствуйте! Не то с вами нервический припадок случится, чего доброго! Ну да будет слёз, ступайте с богом!

Дарья Платоновна задумчиво повернулась и пошла в кабинет мужа. Подойдя, открыла дверь без стука и певуче проговорила:

— Позволишь ли войти, Дмитрий Степанович?

Перегудов стоял у открытого окна, глядя на закатное небо. Он нехотя повернул голову:

— Что-то случилось, Дашенька?

Дарья Платоновна торжественно промаршировала к креслу и опустилась в него, благообразно сложив ухоженные руки.

— Не хочешь ли ты мне, Дмитрий Степанович, рассказать чего?

— Голубушка, я не расположен к беседе. Если тебе чего-то узнать надобно, так говори.

Дарья Платоновна шумно вздохнула и начала издалека:

— Хорошо здесь, в деревне-то, верно Дмитрий Степанович?

Дом добротный, эдак всё с удобствами устроено! Народ хороший…

— Дашенька, ежели ты об утрешнем деле, так пустое, дети — всякое бывает! Помнишь ли, как Николенька наш из коляски выпал, да на полном скаку! И ведь все рядом сидели и ты и я и Ёра Семёнович, дядька Николенькин, а всё не доглядели! Глазом никто не успел моргнуть, как он — фрррь…! И был таков! Разве ж углядишь за пострелятами? Я вот думаю надо мисс нашей, Флинт, Ёру Семёновича в помощь поставить. Николаша давно вырос, в дядьках не нуждается, да и Ёра не у дел…

Дарья Платоновна, всё более мрачнея лицом во время мужнина монолога, невежливо прервала его:

— Полно мне, Дмитрий Степанович, зубы-то заговаривать! Уж, чай, я не мисс Флинт, успокаивать меня не надо, сама троих детей вырастила, на ноги поставила и знаю! — Дарья Платоновна напряглась и повысила голос, чуть приподнявшись в кресле, — я знаю, что обошлась добром детская-то шалость — и ладно! Бог оберёг, и слёзы тут проливать не о чем, а догляд — удвоить! Решение твоё об Ёре Семёновиче я одобряю, и толковать тут не о чем! — она немного помолчала, разволновавшись и собираясь с духом.

— Я ведь, Дмитрий Степанович, о другом говорить пришла…

Перегудов, внимательно посмотрев на супругу, неторопливо присел на соседнее кресло.

— Ты вот что расскажи-ка мне, душа моя, — наклонилась к нему Дарья Платоновна, — ты ведь впервой-то сюда боле трёх лет назад приехал, так ли?

— Так, матушка, — осторожно подтвердил Дмитрий Степанович.

— А уж после-то, как дом строили, вы с Фёдором, почитай, каждую неделю сюда приезжали, так ли?

— Так, — чуть помедлив, подтвердил и это Перегудов.

Так объясните же, Дмитрий Степанович! — голос Дарья Платоновны задрожал, — как же это вы с Фёдором не узнали давеча дороги? Да полно, батюшка! Сюда ли вы ездили-то, почитай три года! Ведь дорог то здесь всего две! Одна направо, другая — налево! Не десять, батюшка, ни двадцать — две!!! А вы, как дитё малое, в двух соснах заплутали!

Дмитрий Степанович в изумлении посмотрел на жену. Дело принимало совершенно неожиданный, и даже невозможный оборот!

— Да ты что, Дашенька, — растерянно пролепетал он, — в чём ты меня обвиняешь?

— А в том, Дмитрий Степанович, — Перегудова с

достоинством поднялась с кресла, — что прожили мы с вами жизнь долгую, детей, внуков нажили, да видно верно говорят: Седина в бороду — бес в ребро! что ж…, - голос её вновь задрожал, — я не молода, и собою уж может и не хороша, да только стыдно вам Дмитрий Степанович! Перед людьми должно быть стыдно! Ведь и вы Дмитрий Степанович не молоды! И…, - тут силы ей изменили и, обливаясь слезами, она рухнула в кресло.

Совершенно сбитый с толку, Дмитрий Степанович несколько мгновений молча взирал на неё. (Тут надобно заметить, что супругом Перегудов был всегда примерным. Бывало, конечно, приглянется какая красотка, так ведь и волочиться было недосуг! Карьера, дети малые, жена, дом, прислуга — куда там! До флирту ли тут, только успевай поворачиваться!) Осознавая всю нелепость подобных обвинений, Дмитрий Степанович, пытался, однако утешить рыдающую Дарью Платоновну, неловко поглаживая её по склоненной голове.

— Полно тебе, душенька, полно, успокойся, дети услышат, прислуга…

— Пусть слышат, страстно прошептала Дарья Платоновна. — пусть! Да для кого же это будет новостью! Уж, небось, Фёдор похвалялся в людской о ваших-то похождениях! — такая мысль с новой силою расстроила Дарью Платоновну, а на Перегудова произвела отрезвляющее действие, он вдруг опомнился и не на шутку рассердился.

— Ну вот, что, Дарья Платоновна! Это вы в чём же обвинить-то меня вздумали!? Уж не желаете ли вы сказать, что я не порядок в хозяйстве к вашему-то приезду устанавливал, а с городскими кокотками время проводил? Да вы Дарья Платоновна в своём ли уме?

— Я то в своём уме, — запальчиво выкрикнула супруга, — а вот вы то, Дмитрий Степанович, три года ездить и дороги не знать? Что же это с вашим умом то такое приключилось?

— Да знаю я дорогу, — не удержавшись, рявкнул её муж и ударил кулаком по столу, заставив Дарью Платоновну вздрогнуть и испуганно замолчать, — знаю я дорогу, — чуть тише повторил Перегудов, — сто раз по ней езживали… и я и Фёдор. Каждый кустик нам известен. Да что там! Глаза, кажется, закрой, да и то дорогу найду! Я ведь, матушка, всяко представлял, как мы вместе по дороге то ехать будем и всё я вам рассказывать буду, как тут, да и что…

Перегудова вновь залилась безудержными слезами.

— Да, что ж это вы, Дарья Платоновна, — гораздо мягче воскликнул её супруг, — да разве ж мог я когда, с вами то так

поступить! Стыдно тебе, Дашенька, невесть что подумала. Это в мои то лета…! — Перегудов неожиданно развеселился, — вот уж не гадал, не думал, что на старости лет этакие страсти испытаю!

Дарья Платоновна пристыжено помолчала и робко осведомилась:

— Так ведь тогда как же? Что же на вас с Фёдором, порчу какую навели? Как же вы заплутали там, где и младенцу мудрено запутаться?

Дмитрий Степанович энергично прошёл по комнате из угла в угол.

— А вот это, знаешь ли, Дашенька, загадка! Сам всё утро думаю, с Фёдором вон гадаем, а понять ничего не можем! Словно бы взяли две дороги, да и местами поменяли, чудеса, да и только!

— Чудеса, батюшка, только в сказке бывают, — резонно молвила Дарья Платоновна, — а вы верно, с Фёдором всю дорогу настойку сливовую попивали, что я в корзине в вашей же коляске поставила!

— Да что ты Даша, ей-богу! — поморщился Дмитрий Семёнович, что ты право во всех смертных грехах нас обвиняешь! Да не пили мы той сливовой настойки и не знали даже, что в корзине-то стоит!

— Ну-ну… — неопределенно промолвила Дарья Платоновна, вставая с кресла, — уж не обессудьте, Дмитрий Степанович, ежели, что не так сказала! Пойду я, по хозяйству дел полно…

Она поднялась и озабоченная новою мыслью мелкими шажками вышла вон из комнаты.

Перегудов в совершеннейшем изумлении посмотрел ей вслед:

— Так это что ж? Явилась, обозвала меня распутником и пьяницею и пошла, хлопотать по хозяйству? Однако…

Дарья Платоновна меж тем быстро и уверенно шагала к кладовой комнате, примыкавшей к большой удобной кухне на первом этаже, где с вечера в беспорядке были свалены привезённые с города припасы.

С нетерпением, открыв крышку большой плетёной корзины, Дарья Платоновна увидела ровный ряд плотно закупоренных бутылей со сливовой настойкой, аккуратно переложенных для сохранности золотистой соломой. Старушка некоторое время взирала на открывшуюся ей картину, шевелила губами, трогала пальцем бутыли, пересчитывая и, наконец, горько вздохнув и плотно закрыв крышку, тяжело поднялась с колен.

Все до одной бутыли были целы!

Глава 3
День второй. Новые знакомства

На следующий день все обитатели дома занялись различными делами. Настенька и Володя, изнывая от обрушенных на них непомерных строгостей, находились под неусыпным надзором мисс Флинт и молодой матушки.

Дмитрий Степанович с управляющим господином Мюллером с утра отправились смотреть работы в яблоневом саду, с жаром обсуждая возможность постройки собственной винокурни.

Дарья Платоновна энергично руководила разбивкой цветочной клумбы перед домом, давая двум бестолковым и смешливым девицам, призванным ей помогать, равно бесполезные и противоречивые советы. Дело у них при таком раскладе двигалось плохо, что Дарью Платоновну неимоверно сердило, а легкомысленных девиц только смешило.

Юный Виктор, удачно избежавший всяческого надзора (в тот день как-то оказалось, что всем не до него!), прогуливался по деревне и, завидев любопытные взгляды, брошенные на него местными жителями, принимал вид гордый и важный. Он снисходительно осмотрел деревянные домишки с соломенными крышами, постоял, глядя на мельницу, одобрительно кивая и похлопывая прутиком по голенищу сапога, словом чувствовал себя превосходно! Да и то, правда! В городе-то в гимназии — кто он был? Один из многих. Хоть отец-то у него и был светилой в науке, да что ж! У других-то мальчишек отцы не хуже, а то и повыше рангом! А кто из его товарищей родовитостью и богатством не славился, тот всегда мог способностями к учению блеснуть, а тут уж Виктор точно был слабоват!

А здесь он кто? Хозяин! Внук хозяина и сын хозяина и всё что вокруг — всё принадлежит ему: и лес и река и мельница и люди, что здесь живут — всё это его собственность! Вот так-то! Ни больше и не меньше! От этих мыслей Виктор важно раздувался, и новое положение ему определенно нравилось.

Дойдя до моста и помня о давешнем происшествии с Володей, Виктор благоразумно свернул влево и пошёл по деревенской улице, с одной стороны которой стояли дома, а с другой маленькая, аккуратная церковь. Возле церкви в траве копошились ребятишки (многочисленные отпрыски местного священника). Самый маленький, увидев незнакомца, скривил страшную рожу и высунул неимоверно длинный язык. Поскольку Виктор гордо проигнорировал сей дружеский жест, мальчик живо

повернулся к нему спиной, и стремительно приподняв рубашонку, показал Виктору что-то уж совсем неприличное. Остальные захохотали, а девочка постарше хлопнула сорванца прутом по голому заду, строго ему выговаривая. Виктор смутился и пошёл скорее, стараясь миновать хулиганистую компанию. Дорога вскоре свернула, и перед Виктором открылись страшные и тёмные развалины старой барской усадьбы.

Сердце мальчика забилось тревожно и радостно — вот оно настоящее приключение! Сколько неизвестного и таинственного в этих поросших травою старых стенах! Виктор почувствовал себя первооткрывателем, исследователем и мужественным покорителем неизведанного пространства!

Неожиданно раздавшийся рядом громкий чих, заставил Виктора вздрогнуть.

— Кто здесь?! — со страху неестественно пискнул Виктор.

— Я, — скрипуче пробормотало неизвестное существо, медленно вскарабкиваясь на каменные обломки, служившие когда-то оградой.

Это был мальчик, примерно одного с Виктором возраста. Необычайно чёрные и круглые глаза его неподвижно разместились на худеньком личике с длинным крючковатым носом и тонкими узкими губами. Черные волосы висели прямыми прядями по высоко поднятым плечам. Когда он, наконец, перебрался через ограду и стал рядом, Виктор увидел, что странный мальчик был горбат.

— Ты кто, любезный? — с напускной суровостью проговорил Виктор.

— Тутошний я, — проскрипел мальчик, — Матвеем звать!

— Чьих ты будешь? — продолжал суровый допрос Виктор.

— Мы Сорокины. Мамка моя одёжу шьёт.

— Портниха, значит, — констатировал Виктор, не меняя сурового тона, — отец кто?

— А отца у нас нету, — пожал плечами мальчик.

— Отчего?

— Так вот — нету! — Матвей виновато развёл руками.

— Ты вот что, — Виктор важно прошёлся перед новым знакомцем, — сказывай, что тут делаешь?

Мальчик замялся:

— Мамка послала за болотной травой к Ползучей топи, а я… идти не захотел, далеко, а здесь в развалинах её полно растёт, я наберу — она и не узнает!

— Грешно врать родителям, — назидательно промолвил Виктор, — а зачем ей трава?

Очень скоро мальчики разговорились. Они, верно, оказались

одного возраста, Матвей, как и Виктор, более всего любил игры и приключения и как один ненавидел учение, так другой не терпел никакой работы. Спустя некоторое время мальчики уже лазили по развалинам вместе, оглашая воздух громкими криками и позабыв про всё на свете!

Наконец, наигравшись, оба уселись в тени большого раскидистого дерева. Матвей достал припрятанную краюху хлеба и оба принялись уплетать её за обе щёки, смеясь и болтая.

— Сюда в развалины никто не ходит, — ещё более округляя и без того круглые глаза, сообщил Матвей, — ты смотри, своим не рассказывай, что здесь был — заругают!

— Вот ещё — заругают! — пренебрежительно воскликнул Виктор, — да уж я давно не маленький, я — птица вольная! Никто мне не указ!

— Ты — птица? — веки у Матвея удивленно хлопнули, — ты не похож на птицу!

— Да это просто так говорится! Просто для красоты! Ты что не понимаешь?

— Понима-аю, — медленно проговорил Матвей, — а что тебе всё позволено — тоже для красоты сказал?

Виктор, поняв, что переборщил, смущенно пожал плечами.

— А я вот тебе по дружбе скажу, — продолжил Матвей, — никому ни слова, что в развалинах со мной был! Могут даже и побить! Здесь Старая Барыня погибла и народу много — наших из деревни. Их души неуспокоенные по сию пору здесь бродят, особенно Старая Барыня, всё Шаль свою ищет.

— Какую шаль? — Виктор невольно понизил голос до шёпота.

— А такую. Эта Шаль любую дверь закрыть может, любую дорогу. И открыть может тоже — если пожелаешь.

— А это как?

— Да вот так. Накинешь Шаль на дверь и любой замок ей нипочём — дверь враз откроется! А можно и наоборот — открытую дверь закрыть, что никакой ключ не возьмёт! А вот ещё можно выйти на любую дорогу и Шаль раскинуть и по той дороге ни один путник не пройдёт! Тут, правда, слова особые нужно знать…

— Как это не пройдёт, а в обход?

— Никак не пройдёт. Коли дорога Шалью покрыта, куда ты ни ступи, всё обратно вернёшься, и нет тебе ходу по этому пути ни вперед, ни назад!

— А барыня-то, зачем эту Шаль ищет?

— Да ты что? Она же любую дверь открывает! Любую, понимаешь? И ворота смерти тоже… вот найдёт Старая Барыня

Шаль — и вернётся. И очень ей не понравится, что по её дому кто-то шастает! Оттого и не ходит сюда никто — Старой Барыни боятся!

Мальчики замолчали. Виктору вдруг показалось, что развалины не такое уж привлекательное место! Неуютно, гарью пахнет и ветер такой холодный на холме, так и завывает, словно стонет кто-то. Он вздрогнул, поёжившись, и неуверенно проговорил:

— Да ну… Ерунда это всё! Шаль какая-то… Она уж давно в огне сгорела эта шаль!

— Не скажи, — задумчиво покусывая травинку, проговорил Матвей, — здесь она, Шаль. Такие вещи не горят. Здесь она запрятана, а вот где только… эх, найти бы самому — вот уж радости бы было!

— Зачем же она тебе? — полюбопытствовал Виктор.

— Да мало ли, — уклончиво пробормотал Матвей и по птичьи склонил голову к плечу, — закрою дверь в свою камору, там разные у меня разности хранятся, чтобы сёстры да братья не добрались!

И придвинувшись к Виктору вплотную, жарко зашептал ему в ухо:

— А давай вместе Шаль эту поищем! Наши-то местные не полезут сюда — бояться! А одному-то ох, как несподручно! А ты я вижу — товарищ-то надёжный, с тобой хоть в огонь, хоть в воду!

Трусоватому от природы Виктору такая характеристика показалась лестной, да и перспектива поисков таинственной шали в живописных развалинах, несмотря ни на что, привлекала. Смущал только не внушающий доверия странно тяжелый немигающий взгляд нового товарища.

— А ты ведь про болотную траву-то соврал, — проницательно заметил Виктор, — не за этим ты сюда приходил!

— Соврал, — легко согласился Матвей, — про Шаль-то никому сказывать нельзя, это я только тебе открылся, ведь мы же с тобою товарищи!

Последняя фраза окончательно решила дело и друзья, ударив по рукам, сговорились всё, держа в страшной тайне встретиться завтра на этом же месте и начать поиски загадочной Шали. Они уже стали расходиться, весьма довольные друг другом, как вдруг вдалеке с другого конца деревни послышался страшный, нечеловеческой силы крик. Прозвучал и замер, в наступившей абсолютной тишине наполняя душу леденящим ужасом. Переглянувшись, мальчики, не сговариваясь, ринулись бегом с холма и, прокричав взаимные слова прощания, разбежались в разные стороны — по домам…

* * *

В то же самое время, как Виктор повстречался в развалинах с новым товарищем, младший отпрыск Дмитрия Степановича Николенька, тоже решил совершить небольшой променад по окрестностям. Проснувшись лишь к обеду (разбудили его громкие высказывания матушки, руководившей процессом высадки цветов прямо под его окнами) и слегка перекусив, Николенька отправился прогуляться по лесу. Сразу же набрёл на ягодник и, поедая ягоды одну за другой, вышел к реке, где на пологом бережке паслись местные коровы. Времени было за полдень и Полянские бабы и девки заканчивали полуденную дойку. Николенька постоял, окидывая окрестности скучающим взглядом, пока внимание его не привлекла стройная, миловидная девушка. Она уже закончила свою работу и, погрузив бадью с тёплым молоком в стоявшую поодаль повозку, пошла по тропинке в лес, прямо на Николеньку, не замечая его. Когда она поравнялась с притаившимся юношей, он внезапно вышел ей навстречу:

— Здравствуйте, милая барышня!

Девушка вздрогнула от неожиданности и в следующую секунду расхохоталась (надобно заметить, что юная барышня была вообще очень улыбчива!)

Николай также развеселился, глядя на неё, и молодые люди тотчас почувствовали расположение друг к другу.

— Что же вы, барышня, бросили своё молоко и на повозке вместе со всеми не поехали? — спросил Николенька, пытаясь как бы невзначай удержать девушку за руку.

— Что ж ехать? — она решительно, но мягко отстранилась от его рук, при этом синие глаза её лукаво блеснули, — на повозке места всем не хватит, всё одно — пешком идти, а чай, лесом-то короче!

— Отчего же вы одна? Не боязно вам?

— Боязно? — девушка вновь захохотала, демонстрируя два ряда крепких белых зубов, — вот уж скажете тоже, барин! Да кого же мне в своём лесу бояться?

— Да ну как же? Ведь всё же лес! Здесь верно звери дикие водятся, волки, а то и медведи!

Вновь рассмеявшаяся девушка беззаботно взмахнула рукой:

— Да ну вас, право, барин! Всё то вы шутите! — и наставительно добавила, — волки да медведи в чащобе живут. У них там свои дела, а у нас, стало быть, свои, чего же им в нашем то лесу делать!

— Так таки и не видали вы ни одного волка?

— Отчего же не видала, барин. Конечно, видала! Зимой-то,

когда голодно, они в деревню приходят, мы их кормим, жалко — пропадут.

Николай недоверчиво покосился на девушку — не шутит ли над ним? Но его спутница шагала с самым невозмутимым видом.

— А как вас зовут? — продолжал Николай свои расспросы.

— Зовут меня Дарёной, — охотно откликнулась девушка, я живу в доме у реки, прямо насупротив мельницы.

— Чем же твой отец занимается?

— А муку мелет Верхнереченским, когда сезон… а так всё больше рыбалит, да в лес на охоту ходит. Он и вашему столу станет рыбу да дичину доставать.

— Разве ж вы этим проживёте? — удивился Николай, — ведь, чай, семья у вас большая?

— Верно, семья большая, да всё больше девки! У моей матушки нас семеро, а сын только один и есть — Данила! Да уж верно вы его знаете! Ещё тёткиных пять дочерей, да братец Ерёмка, вот так и живём! Это, правда ваша, что одною рыбалкой не прожить, коли рыбу всё одно, никто окромя господ не купит! Так вот мы с мамкой корову держим, огород у нас, мамка зимой платки вяжет на продажу. Они, конечно, не то, что Паучиха прядет — на базар такие нейдут, а Верхнереченские — ничего, берут.

— Что это за прозванье такое — Паучиха?

— Так она Паучиха и есть. Дом у неё сразу за рекой стоит, вот она поутру паутину поперёк реки натянет и ждёт. Как какой путник на лодке заплывёт, так тут в Паучихину сеть и попадает! Сколько Верхнереченских-то в её сети попало! Страсть! А все думают, что на реке потонули, пороги, мол, да омуты, но ты не верь — это всё Паучихины дела, она знаешь какая хитрая?

— Бог с тобою, Дарёнка! — рассмеялся Николенька, что-то ты уж больно страшно рассказываешь! Сказки всё это, разве ж так бывает?

— Ой, ли? — сощурила глаза девушка, — а чего же это мальчишка ваш вчерась средь бела дня с моста свалился? Не знаешь? А я тебе скажу — Паучиха паутину свою там протянула, да с моста дитёнка скинула! Выловила бы потом из воды, да всю кровь выпила! Спасибо скажи, что Машка — ведьмачка рядом оказалась. Если бы не она — не спасли бы вы мальчишку!

— Да ну тебя, Дарёна, право! — возмутился Николай, — знаешь это не смешно вовсе! Наслушалась ты бабкиных сказок и несёшь всякий вздор! Паучиха — кровопийца, Марья — ведьма! Марья-то, почему ведьма?

— Не ведьма она, а ведьмачка. Ведьма это бабка её — Агафья. Они далеко за околицей живут, по ту сторону реки, почти что на

самом холму, в лесной чаще. Им со зверями сподручнее, чем в деревне-то! Ох, и страшная она эта бабка Агафья! Кто на неё без спросу взглянет — тот беспременно умрёт!

— Отчего же?

— Да уж так. Не любит она нас. Только ведьмачку свою жалует, хоть она и безумная, да со Старой Барыней всё якшалась. Ну да ведь, она хоть и ведьма, а всё к людям ближе, пришельникам не ровня!

— А кто это — пришельники?

Дарёна остановилась, словно её толкнули, оборотилась к Николаю и внимательно взглянула на него своими необычайно синими глазами:

— Не зна-аешь? Ты не знаешь о пришельниках?!

— Да первый раз слышу!

— Так разве ты не внук Старой Барыни?

— Да вроде бы как внук… знаешь ли, что говорят седьмая вода на киселе! Она какая-то там тётка моего батюшки. Так ни он сам, ни кто другой в нашей семье её отродясь не видывали!

Дарёна озадаченно замолчала и, остановившись в задумчивости, рассматривала Николеньку, словно бы представив себе их знакомство в новом свете.

Постепенно взгляд её менялся, становясь цепким и острым, будто у дикого хищного зверька. Николеньке от эдакого пристального взгляда признаться стало несколько не по себе.

— Отчего вы так смотрите, милая барышня, — попытался пошутить он, — или картинки на мне нарисованы?

Дарёна рассмеялась в ответ и в смехе её Николеньке почудились низкие, будто рычащие звуки, а веселая ранее улыбка девушки стала более походить на звериный оскал. От такой внезапной перемены по спине юноши невольно пробежал холодок, и колени стали необычайно мягки, словно набитые паклей. Трудно сказать, что более испытывал Николенька в тот момент, страх или скорее растерянность, но лишь одно можно утверждать с полной уверенностью — более всего ему захотелось развернуться и бежать сломя голову, прочь отсюда и лишь боязнь выглядеть смешным в её глазах удерживала его на месте.

Несколько томительных секунд девушка продолжала сверлить Николеньку странным взглядом, приводя его в страшное смятение, когда за её спиною раздался звук шагов.

Едва заслышав посторонние звуки, Дарёнка, живо прыгнула за ствол поваленного дерева, увлекая совершенно безвольного Николеньку за собой и с любопытством белки выглядывая из своего укрытия.

Сидя рядом с притихшей девушкой в густой высокой траве,

Николенька несколько опомнился и с удивлением задавался вопросом, отчего это минуту назад на него напала такая безотчётная, нелепая слабость?

— Ну и что это было? — наконец недовольно спросил он.

Дарёнка живо повернулась и тотчас прикрыла Николеньке рот сухой и горячей ладошкой, тревожным взглядом указывая на лесную тропу. Николенька вновь подчинился, хотя и сердясь про себя, но смолчал и вместе с Дарёнкой принялся следить за тропой.

По ней, высоко поднимая суковатую палку и глухо постукивая при каждом шаге, торопливой рысцой трусила бабка Пелагея. Глаза её казались воспалёнными, губы беспрестанно шевелились беззвучно и лишь изредка до Николеньки и Дарёнки доносились звуки, похожие не то на вздох, не то на всхлип. Раза два она споткнулась, с испугом хватаясь за грудь, но, тем не менее, упорно продолжала двигаться дальше, несмотря на сильную усталость. Не замечая молодых людей, бабка Пелагея решительно повернула в лес, едва не задев Николеньку палкой, и пошла далее также стремительно, словно преследуя невидимую цель.

— Видел? — спросила Дарёнка, как заворожённая поворачивая голову вслед уходящей старухе.

— Кто это? — отвечал по-прежнему недовольный Николенька.

— Бабка Пелагея. Шесть лет уже по лесам ходит, всё Антипа-конюха ищет…

— Зачем же ей конюх? — осведомился Николенька.

— Говорят, безумная она… у неё на пожаре все родные сгорели. Она и до того была странная, а после пожара и вовсе умом тронулась. Всё твердила, что это муж её, Антип-конюх усадьбу поджог!

Дарёнка наклонилась к Николеньке поближе и прошептала в самое ухо:

— Ещё она говорит, что сам-то Антип целёхонек! По лесам бродит, и новые души для погибели ищет!

— Че-пу-ха! — высокомерно бросил Николенька.

— А может и нет! Я как-то бабку Пелагею в лесу встретила. Ходит она и глазами рыскает во все стороны, будто ищет кого, увидала меня и говорит: Остерегайся, девка, по лесу одна бродить! Жив Антип, ходит около, чую я его… остерегайся! Я смотрю на неё, а глаза у неё вовсе не безумные, только очень усталые…

Николенька встал из своего укрытия, подавая руку барышне, но Дарёнка проворно вскочила сама, фыркая в кулак и одёргивая

примятый сарафан.

— Ох, барин, побегу я, а не то меня дома хватятся!

— Да уж, пожалуй, — несколько помедлив, отвечал Николенька.

Надо заметить, что странная девушка произвела на Николеньку неизгладимое впечатление, но желание провожать её далее у него как-то отпало.

— Что ж, давайте прощаться, — с улыбкой произнёс Николенька, дружески протягивая ей руку.

— Прощайте, барин, — потупилась девушка, — уж не серчайте на меня, ежели что…

Не успела Дарёнка промолвить последнюю фразу, как совсем рядом раздался вопль, пронзительный и резкий. Он замер на высокой ноте и с короткою передышкой повторился вновь и вновь тоскливый и жуткий, перемежающийся жалкими всхлипами.

Дарёна охнула и невольно ухватила Николеньку за руку.

— Что это?! — спросил юноша, стараясь сделать вид, что нисколько не испуган и лишь внезапность раздавшегося крика заставила его вздрогнуть.

— Не знаю, — тревожно отвечала Дарёнка, — звери так не кричат… это верно человек какой…, - она поёжилась, неуверенно переступая по земле босыми ногами, и вдруг всплеснула руками с выражением крайнего отчаяния на лице, — бабка Пелагея! — вскрикнула девушка и бросилась бежать в ту сторону, откуда раздался страшный крик. Проклиная всё на свете, Николенька помчался за ней.

Они бежали, перепрыгивая через пни и проламываясь сквозь кусты. Ветки яростно хлестали по лицу и рукам, но они торопились подстёгиваемые новыми воплями и не обращали на боль никакого внимания.

Выскочив на открытую поляну, Николенька первый увидел старуху, которая билась головой о землю и, царапая ногтями лицо, голосила так, что слышно было по всей округе. К ней подбежала было Дарёнка, но, приблизившись, тут же отпрянула назад, коротко и отчаянно взвизгнув.

На земле, прямо возле горько рыдающей старой Пелагеи лежал юноша, ещё совсем мальчик. Лицо его было так бледно, а светлые открытые глаза так неподвижны, что Николаша, отродясь не видавший покойников, как-то сразу понял, что мальчик мертв. Бедная старуха со стоном обнимала его и кричала тоскливо и жалобно, мотая седой растрёпанной головой.

Николенька остановился растерянный, не зная, что делать дальше. Рядом остановилась Дарёнка, ухватив его за руку и с оторопью глядя на бабку и мёртвого мальчика. Николенька

беспомощно взглянул на свою спутницу:

— Что же делать-то Дарёна? Надобно людей позвать! Ты побудь здесь с Пелагеей, успокой её, а я в деревню побегу!

— Нет! — отчаянно закричала Дарёна и вцепилась руками в Николашино плечо, — что ты, барин! Да рази я здесь останусь! Бежать надобно отсюда! Бабку не увести — не в себе она! А нам оставаться не след — пропадём! — и зашептала Николеньке в ухо горячо и жалобно, — это, Антип, барин, верно вам говорю, что не зря бабка его искала, ну как вернётся, да порешит нас всех! Бежим отсюдова, ради Христа!

Николай вздохнул, и упрямо убирая Дарёнкины руки со своей груди, решительно шагнул к старухе:

— Эй, послушайте! Любезная, успокойтесь, не плачьте так! Скажите лучше, что здесь произошло?!

Старуха подняла на него воспалённые красные глаза:

— Макарушку, сыночка моего… — рыдая, проговорила старуха, — убил душегуб, погубил кровиночку мою! За что же наказывает меня господь! Как же жить мне после этого! — и она вновь застонала, тяжело и хрипло раздирая заскорузлыми руками свои жидкие седые волосы.

— Кто? Кто убил его, вы видели?!

— Ох, барин, да что ж вы рвёте моё сердце! Неживой он был, когда нашла я его, ох, за что же горе мне такое! Зачем жить-то мне, если господь ко мне так немилосерден! За что испытание мне такое!

— Послушайте, — теряясь, повторил Николай, — может он жив ещё! Мы вот доктора сейчас приведём! Вы не отчаивайтесь так, он поможет!

Подходя к Дарёне, поджидавшей его на краю поляны, шепнул, неизвестно от кого таясь (старуха более не слышала его, продолжая убиваться):

— Пойдём. Не успокоить нам её, не помочь. Надобно доктора…

Дарёнка с готовностью кивнула, и они быстро пошли по тропинке, продолжая слышать сзади себя вопли и стенания.

Навстречу напуганным молодым людям, по пригорку поднимались не менее встревоженные криками жители Полянки. Среди них решительно вышагивал Дмитрий Степанович с управляющим господином Мюллером:

— Что случилось, Никола? — издалека крикнул встревоженный Дмитрий Степанович.

— Папа! — Николенька испытал огромное облегчение при виде людей, — там бабка Пелагея со своим сыном! Он мёртвый, папа! Бабка говорит, что его убили!

— С сыном?!! — вскинул на него изумлённые глаза господин управляющий, — ну те-с, поглядим…

Дмитрий Степанович ухватил рукой Николеньку, опираясь на его плечо.

— Ах ты, господи! Вот напасть-то! Ты уж ступай домой, Николка! Мать успокой, а не то крики по всей округе, кабы не напугались… да смотри уж, лишнего-то не говори, скажи: не знаю мол, ничего! А я уж сам всё обскажу! — продолжал выкрикивать Перегудов, отходя от Николеньки и торопясь вслед за управляющим. Напоследок махнул, волнуясь, рукой:

— Домой ступай!..

Николенька с Дарёной, проводив взглядом крестьян, уходящих во главе с Дмитрием Степановичем, молча пошли в деревню.

— Как ты думаешь, его и вправду убили? — первым нарушил молчание Николенька.

Дарёнка ответила не сразу. Николенька уж было хотел повторить вопрос, думая, что она не расслышала, как она заговорила:

— Убили, — подтвердила она, — его сожгли.

Николай недоверчиво на неё покосился:

— Ну-у, это вряд ли! Я же к нему походил, на горевшего он не похож! Да и где сожгли-то? Бабка же в лесу его нашла!

Дарёна задумчиво крутила зелёный берёзовый листочек между пальцев:

— Так ведь его давно сожгли, барин. Он в барском доме сгорел, вместе со Старой Барыней и слугами. Помню я Макарушку-то… он, сердечный, вместе с отцом на конюшне барской служил. Так они оба и сгорели в том пожаре. Давно.

Николай вновь с недоверием взглянул на Дарёнку. Но та шла с таким серьёзным и даже строгим выражением лица, что усомниться в её правдивости было не возможно!

Чушь какая! — досадовал на себя Николенька, — слушаю какой-то вздор, ей богу! И тут его осенила внезапная и такая верная мысль, что он даже остановился: да она ж ненормальная! Несёт всякий бред! В лесу какая-то странная случилась, словно напасть хотела…! Сумасшедшая, да ещё буйная! А труп-то увидала и совсем, видать сбрендила! А я-то — хорош! Иду с ней, да как с путёвой разговариваю! Вот ведь дела!.. — и окончательно утвердившись в своей догадке, опасливо глянул на Дарёнку.

— Ты, Дарёна, дойдёшь ли до дому, али проводить тебя?

— Дойду, отчего ж не дойти, — удивилась девушка, — вон и крыша наша виднеется, чай уж здесь не страшно!

— Ну, так и с богом! — торопливо вздохнул Николенька, — а

я, стало быть, тоже до дому побегу, а то уж маменька волнуется!

Дарёнка, думая о своём, рассеянно кивнула головой и они, было, совсем распрощались, когда сзади, догоняя их, раздались тяжёлые, торопливые шаги.

— Барин, Николай Дмитриевич!

Спеша и обливаясь потом, их нагонял господин управляющий — Мюллер:

— Прошу прощения, Николай Дмитриевич! Батюшка просит вас тотчас к себе! Извольте пойти со мною, я провожу!

Кивнув девушке на прощание головой, надо признать с заметным облегчением, Николенька отправился вслед за управляющим.

— Что, мальчик, Генрих Карлович? Не удастся ли спасти? Может за доктором послать?

— Какое там! Доктора ему уж ни к чему! Мёртвый он, Николай Дмитриевич, мертвее не бывает…

— Неужто и впрямь убили?!

— Ох, и не говорите, ножом закололи прямо в сердце, да и нож рядом валяется, ещё и не просох от крови!

Губы бедного управляющего жалобно задрожали.

— Что делается, господи, что делается! Не знаю, право, как матери пережить!..

Генрих Карлович судорожно вцепился Николеньке в руку.

— Вы уж помогите, голубчик! Крестьян-то нипочём не заставишь мертвеца в деревню нести, да ведь не оставлять же его здесь! Надобно в дом отнести, обмыть, иначе не по-людски… сейчас носилки какие никакие сделаем, да и снесём Макарушку в деревню…

— Отчего же крестьяне не понесут? — поразился Николенька в равной мере поражённый бездушием здешних людей и удручённый перспективой переноски мертвеца.

— Так дремучий народ, Николай Дмитриевич, — уклончиво отвечал управляющий, — у них на всё свои предрассудки… Мы уж сами, а не то… — Генрих Карлович не договорил и печально махнул рукой.

Николенька не решился расспрашивать дальше и заговорил о другом.

— А скажите, Генрих Карлович, Дарёнка-то родилась такою странной, или уж после с чудинкою стала?

— О чём это вы?! — встал, как вкопанный господин Мюллер.

Николенька смутился и сбивчиво попытался рассказать управляющему о его сегодняшней встрече с девушкой.

— …Так вот в какой-то момент, она вдруг сделалась другой, я бы даже сказал непохожей на человека! Я, конечно, особо не

испугался, но, согласитесь, неприятно, когда на тебя смотрят, так… — Николенька замялся, подбирая нужное слово, — ну, словно на добычу! — наконец нашёлся он.

Генрих Карлович тяжело вздохнул и мягко взял юношу под руку.

— Что же поделать, Николай Дмитриевич, шесть лет деревня наша без хозяйского глаза простояла, народ-то и распоясался… Дарёнка, она, конечно, не то, чтобы душевнобольная, как вы изволили подумать, а скорее несколько диковата…

— А послушать её, так во всей деревне одни ведьмы, да лешие проживают, — не унимался Николенька, — и ведь видно же, так прямо во всё и верит!

— Ну, это, голубчик мой, особенности так сказать деревенского уклада! И то ведь в глуши живём, чем себя развлечь, как не сказкою! Вы уж не обессудьте Николай Дмитриевич! — и добавил, неожиданно с такою силой стискивая Николенькин локоть, что юноша от боли охнул, — а всё же держитесь-ка вы, душа моя, от Дарёнки-то подальше! Крестьяне, видите ли, народ необразованный, тёмный… Долго ли до греха…

Глава 4
Заговор

Домой Дмитрий Степанович и Николенька вернулись уже затемно. Встревоженная Дарья Платоновна не спала и набросилась на мужа и сына с нетерпеливыми расспросами:

— Что же это такое твориться, батюшка?! Средь бела дня в нашем имении разбой! Вчера Володеньку чуть не утопили, а нынче ребёнка зарезали! Да как же это пережить-то, Дмитрий Степанович?! Ведь нам теперь и шагу со двора ступить нельзя будет! Охрану надобно, батюшка, полицию, ведь разбойник-то, поди здесь ходит, среди нас, куда ж ему деваться-то?!

Дмитрий Степанович хмурясь, отвечал односложно, всё более отмалчивался.

— За приставом послали. К утру будет. Разберётся.

Неожиданно Николенька поддержал мать:

— А ведь матушка дело говорит! Разбойник-то и впрямь наверняка из местных жителей! Чужие люди здесь редко бывают и сразу заметны. Надобно установить, не было ли у покойного, с кем какой вражды — вот вам и убийца! — с удовлетворением заключил он, припоминая сюжеты любимых детективных книг.

— Будет тебе, Николка, в сыщика играть, — сурово оборвал его отец, — следил бы лучше за младшими, как бы не влезли куда, да и сам не суйся! Без тебя разберутся!

Николай обиженно замолчал. Как беда то случилась так, чай, отец сразу за ним послал, более и помочь то некому! А теперь сравняли в правах с малышами и слова им не скажи! Ладно, поглядим ещё, чья правда! В этаком-то пустяковом деле он и без пристава разберётся. В деревне дворов чуть более десяти, нешто не сыщет Никола разбойника! А как сыщет, так батюшке и предъявит: так, мол, и так — вяжите супостата! А за малышами пущай гувернантка присматривает, ей за то жалованье положено!

С такими мыслями Николаша поцеловав матушку и пожелав отцу спокойной ночи, отправился спать, оставив Дмитрия Степановича и Дарью Платоновну одних.

_ Прости меня, душа моя, что я при ребёнке-то так взволновалась! И Николушку вот взбудоражила…, - мягко начала разговор Дарья Платоновна, — да уж случай-то вышел, больно нехорош! Что думаешь ты об этом, Дмитрий Степанович?

— Что ж тут удумаешь, голубушка, — вздохнув, проговорил Перегудов, — ведь это, какое зверство в душе надо иметь, чтобы нож в человека воткнуть, а ведь он совсем ребёнок!

— А что, голубчик, правду ли говорят, что погибший-то сын бабки Пелагеи? Ведь сказывали же, что сын её при пожаре погорел?

— Правду, голубушка, всё чистую правду! — неожиданно раздался от порога негромкий дребезжащий голосок.

В дверь неприметно и скоренько вошёл бойкий маленький человечек.

— Ох, хо-хо, голубушка моя дорогая! Вот грехи наши тяжкие, наказывает господь! А что же делать, матушка, что делать! Грешен человек. Молитесь матушка, молитесь, и я с вами помолюсь за упокой раба божьего Макара сына Антипова!

Произнеся всё это, он успел обежать мелкими шажками по кругу всю гостиную, непрестанно крестясь при этом и шустро осматривая домашнюю обстановку.

— Вот как свиделись-то матушка! — тягуче пропел он, — с супругом-то вашим Дмитрием Степановичем мы давние знакомцы! А что до вас дойти, так и дела не пущают!

— Позвольте вам представить Дарья Платоновна, священник местный — отец Никон, — нехотя произнёс Перегудов.

— Прошу садиться, — рассеянно произнесла Дарья Платоновна, слегка ошарашенная необычайной суетливостью нежданного гостя.

— Благодарствуем, благодарствуем, матушка, — забормотал отец Никон, без церемоний устраиваясь в кресле, — семья, знаете у меня… да-с! И приход, всё догляда требует! А вот не доглядел Никон, не доглядел! Разбойники в Полянке-то появились! Слыханное ли дело!

Он круто повернулся к Дмитрию Степановичу:

— Вы, верно, теперь уезжать будете, отец наш родной? Ведь страшное дело — убийство произошло, а лихой-то человек здесь где-то бродит, поди его поймай! Бежать, бежать надобно, барин!

— Перегудов от лихих людей сроду не бегал! — гневно крикнул Дмитрий Степанович, — чай, в своём имении живу! И порядки здесь будут мои! Никакого лиходейства не потерплю!

— И верно, батюшка, и верно! — подхватил священник, — негоже вам от лиходея скрываться! Да вот только деточки у вас… рази ж, за ними углядишь! Один вот, говорят, чуть не утоп вчера! Другой сегодня погулять пошёл, а туточки — мертвец! Ох, грехи, грехи! Жалко деточек-то, как бы не случилось чего с ними, времена-то вон какие лихие!

— И вправду, Дмитрий Степанович, — дрогнула Дарья Платоновна, — может отправить детей обратно в город, пока всё не успокоится? А то и верно боязно.

— Давай отложим все решения до завтра, Дарья

Платоновна, — устало вздохнул Перегудов, — завтра приедет пристав, авось всё и прояснится, — и оборотился к отцу Никону не слишком вежливо:

— Вы, батюшка по делу приходили, али как? Время-то для визитов поздноватое!

— Ухожу, отец родной, ухожу, — ничуть не обидевшись, проговорил священник, — не смею более утомлять Ваше превосходительство! Да что там! Я человечек-то маленький, дай, думаю, зайду, проведаю в скорби! Доброй ночи вам! Доброй ночи, матушка! Храни вас бог!

— Отец Никон, — окликнула его Дарья Платоновна, сглаживая мужнину грубость, — вы уж простите нас, день был тяжёл. Вы заходите к нам, да вот хоть завтра к ужину, поговорим. Вы заходите, мы будем рады вас видеть!

Мелко кланяясь, пятясь задом и осеняя всё крестным знамением, отец Никон вышел из гостиной.

— И чего приходил, — досадуя и на себя, и на священника произнёс Дмитрий Степанович, — наговорил с три версты и всё лесом!

Он раздраженно прошёлся по комнате, налил себе из графина тёплой воды и, поморщившись, выпил.

— Что, Дашенька, пора и нам на покой, — ласково обратился он к жене, — ложитесь себе с богом, да и я, пожалуй, пойду.

— Доброй ночи, душа моя, — зевая и крестя рот, ответила Дарья Платоновна, — господь с вами…

Проводив супругу взглядом, Дмитрий Степанович сел в мягкое кресло, ещё хранившее тепло, только что покинувшей его Дарьи Платоновны и задумчиво побарабанил пальцами по клену, фальшиво насвистывая бравурный мотивчик.

По-другому представлялась ему жизнь в имении!

Наезжая сюда последние три года Дмитрий Степанович так увлечён был стройкою и бесчисленными хозяйственными делами, что вокруг и оглянуться было некогда! Что ему было до здешних людей, когда так торопился усадьбу достроить, отделать покрасивее, да побогаче, мебель завезти, утварь всякую, да мало ли! Хотелось семью свою побаловать, да удивить… хотя последнее, кажется, удалось. Вот давеча только и разговоров было, что о Володенькином счастливом спасении и здешней ведунье Марье, строптива-де, умна и люта, крестьяне боятся её, как огня, потому как любого может в зверя обратить, а то и ещё что похуже! А ведь ещё с год назад сказывал управляющий про ведьму с внучкою, отшельницами живущих за рекой, жаловался, что куражится Марья, да Перегудов только рукой махнул: Выдать

девку замуж, да и вся недолга! Дурь-то и повылетит!.. Генрих Карлович хотел что-то возразить, да не осмелился, покивал согласно головой, с тем разговор был позабыт. А вот теперь ломай себе голову, с чего бы это ведьма из лесу своего выбралась, стоило им только приехать?! А?! То-то… хотя, конечно, не появись она утром возле реки, страшно и подумать, что случилось бы с бедным Володей!

Не успели утихнуть разговоры, да пересуды про таинственную Марью, так поди же ты — новое дело! Да не просто происшествие, о котором можно поговорить, да забыть — убийство! Как крестьяне-то шарахнулись, когда мёртвого мальчишку увидели! Ну, мертвец, понятное дело завсегда невесело, что тут говорить, да только они ведь боялись! Видно же было, боялись до отчаяния и близко к покойнику подойти! Несмотря ни на какие угрозы и посулы никто из них не решился покойника в деревню снести. Пришлось Перегудову самому с Генрихом Карловичем и Николенькой исполнять эту тяжкую неприятную обязанность.

Дмитрий Степанович потёр ладонями ноющие плечи, вспоминая нелёгкий и печальный путь из леса, до церкви. Кольнула неприятная мысль: А ведь и бабка Пелагея не позволила покойника домой отнесть! Это сына-то…

Дмитрий Степанович со стоном потянулся, отгоняя безрадостные думы, коротко звякнул колокольчиком. Вошёл заспанный Фёдор:

— Звали, барин?

— Вот что, Федя, — задумчиво произнёс Перегудов, — а пойдём-ка, дружок, мы с тобою в гости!

— К кому ж это барин посередь ночи-то?

— А вот увидишь! — заговорщически подмигнул ему Дмитрий Степанович, — фонарь возьми!

Они вышли из дома никем не замеченные и отправились в сторону старых развалин, прикрывая фонарь полами плаща.

— Нешто в развалины идём, барин?! — прошептал испуганный Фёдор.

— Нет, Федя, не в развалины. Навестим старого знакомца, господина Мюллера! Сдаётся мне — он много знает и о многом помалкивает! Вот мы с ним и потолкуем!

— Так что ж, барин, поутру нельзя ли сходить? — непонимающе спросил Фёдор.

— Утром пристав приедет, свои вопросы задавать начнёт — не до нас будет! Нет, Федя, мы Мюллера-то сейчас врасплох застанем, он у нас и заговорит!

Они подошли к домику Генриха Карловича. В доме не спали.

В окнах горел свет, и слышались голоса. Дмитрий Степанович поднял, было руку, намереваясь стукнуть в дверь, но, взглянув в окно, передумал.

За столом в гостиной у господина Мюллера сидели сам Генрих Карлович с супругой Анной, священник отец Никон и молодая незнакомая Перегудову женщина.

Дмитрий Степанович дал знак Фёдору отойти в сторону, не желая, что бы тот увидел барина в такой пикантной ситуации, а сам приник ухом к окну, надеясь услыхать хоть слово.

Сначала Перегудов ничего не слышал, кроме ровного гула голосов. Он хотел, было уж совсем оставить свою затею, да и зайти к Мюллеру по простому и прямо требовать ответ на интересующие его вопросы (как впрочем, и собирался!). Но на его удачу господин управляющий встал и открыл настежь окно прямо над его головой.

— Вот спасибо, Генрих Карлович, — тотчас отчётливо раздался голос молодой незнакомки, — а то прямо голова разболелась от духоты, а Анна так и вовсе сомлела!

— А вы травками, травками Марьюшка её попотчуйте, головка-то и пройдёт, — тихо посмеивался отец Никон, — мы ведь знаем, вы известная мастерица!

Он оглянулся, приглашая всех присутствующих повеселиться на этот счёт, но его никто не поддержал.

— Всё это так, господа, всё это так… — продолжая начатый ранее разговор, Мюллер тяжело мерил шагами паркет гостиной, — но нас мало и боюсь нам не удержаться! Вчера чуть не погиб хозяйский внук и я не думаю, что это результат простой детской неосторожности. А сегодня — извольте видеть! Первое — была попытка нападения со стороны Шалаков, на молодого господина, а второе — ребёнок, совершенно не подготовленный к общению с пришельниками весь день забавлялся с летунами в развалинах!

Анна привстала с дивана и метнула на священника гневный взгляд:

— Отец Никон! Вы обязаны следить, чтобы к развалинам никто не подходил!

Священник суетливо заёрзал на своём месте:

— Душенька! Да как же я не слежу! Вы ко мне не справедливы! Ведь глаз не свожу с проклятущих развалин! Да только разве вы сами не послали меня нынче в Паучью слободку! Вы же знаете — я с проверкой, не паучье ли отродье мальчишечку с моста скинуло! Как же мне разорваться и туда и сюда? Ведь не двужильный я, живой кажется человек! А супружница моя, сами знаете, возможности не имеет за всем усмотреть! Хозяйство у нас,

дети малые, опять же — приход! Сколь сил душевных в него вложено!

— Да знаем мы ваш приход, — досадливо махнула рукой Анна, — к вам в церковь только ребятня ходит, на каменных плитах в расшибалочку играть! Да бабы озёрные молоко на алтаре в прохладе для сохранности оставляют, а вы им дозволяете, потому что долю от того молока себе берёте!

— Церковь! — голос отца Никона гневно задрожал, — для людей! — он задрал грязноватый палец кверху, — и бога! А что дети туда с радостью ходят, так их сам Христос привечает! А что бабы озёрные молоко оставляют на алтаре — так это враки! Вам бы матушка молиться почаще! Вы…

— Ну, хватит, господа! — Мюллер устало потёр ладонью лоб, — прекратите ссориться. То, что мы не можем проследить за всем, что происходит в Полянке, лишний раз доказывает — нас катастрофически мало! Я считаю нам нужно открываться, иначе последствия станут непредсказуемы!

— А я так не считаю! Не считаю, — заверещал отец Никон, — мы опосля смерти Старой Барыни почитай шестой год живём в тишине и покое — и ничего!

— Тишина и покой! — воскликнула Анна, — но сегодня погиб мальчик! Или вас это не трогает, отец Никон?

— Ну, мальчик, положим, погиб не сегодня, а шесть лет назад, — усмехнулся священник.

— Отец Никон, для служителя церкви вы слишком циничны, — поморщилась Мария, — но вы правы в одном, мы все боимся произнести это вслух, но ведь Макара действительно нет в живых уже около шести лет! Он сгорел в Усадьбе дотла — даже трупа не удалось найти!

— Может в этом и весь секрет, голубушка, — суетливо произнёс отец Никон, — ведь Старую Барыню не так просто погубить! — и он прошептал с испугом оглядываясь, — а может, она жива! Может, они все живы! Ведь у неё была Шаль! Что ей стоило открыть Двери и уйти куда угодно!

— С того дня прошло без малого шесть лет, отец Никон! — напомнила ему Анна.

— Что же с того? — встрепенулся священник.

— Макар за эти шесть лет, должен был вырасти, за какими бы Дверями он не находился всё это время! Но мы все видели его сегодня! Все помнят мальчика? — Анна обвела взглядом присутствующих, — Макар остался таким, каким был шесть лет назад! Нет, отец Никон, он не ушёл в Двери — он умер! Он умер также как Старая Барыня. Неужели вы думаете, что она не вернулась бы поквитаться с врагами, если бы могла?

— Ну что вы, дорогуша! — всплеснул руками отец Никон, — неужто вы верите этим сплетням про поджог? Да это же нонсенс! Никто бы не посмел сделать этого! Это всё вышло совершенно случайно, совершенно!

— Господа, мы все говорим не о том, — призвал к порядку Генрих Карлович, — нет смысла обсуждать, что произошло шесть лет назад. Возможно, всё произошедшее тогда имеет важное значение для разгадки сегодняшних тайн, но в первую очередь мы должны решить, как нам поступить с семьёй Перегудовых!

Дмитрий Степанович за окном присел от неожиданности и тут же вновь приник к окну, боясь пропустить хоть слово.

— Я заходил к ним сегодня, — нехотя промолвил священник, — Дмитрий Степанович настроен самым решительным образом, покончить с разбойниками раз и навсегда, а для того послал в Город за приставом.

— Да я знаю, — поморщился Мюллер, — сам отправил Данилу посыльным.

— Да как же это? — удивлённо промолвила Марья, — он ведь не пройдёт дальше Ползучей топи.

— А что делать, — огрызнулся Генрих Карлович, — как бы я смог объяснить Перегудову, что никакого пристава здесь не должно быть? Да вы не волнуйтесь, Данила парень не глупый — не подведёт, посидит в лесу, а завтра к вечеру приедет.

— Что же вы ответите Перегудову, когда он вас спросит о приставе? — поинтересовалась Анна.

— Что-нибудь придумаю, — обречённо ответил управляющий, — а там бог даст…

— Бог ничего не даст! — резко возразил отец Никон, — надо запугать их и отправить в Город! Пусть живут там, как жили! А мы уж здесь как-нибудь!

— Вы намерены отпустить их, — каменным голосом произнесла Мария, — отпустить после того, как они узнали о смерти Макара?! Да завтра здесь будут толпы, нет — легионы полиции, писак-журналистов и бог знает кого ещё!

— Тогда вам остаётся только отравить семейку Перегудовых, — ехидно предложил отец Никон, — вы же это умеете, голубушка! Так за чем же дело стало?

Мария беспомощно оглядела безмолвствующее собрание:

— Но я вовсе не это хотела сказать!

— Успокойтесь, Мария, мы вас прекрасно поняли, — Анна ласково погладила Марию по плечу, — а вам отец Никон, слишком тесное общение с пришельниками не на пользу, вы стали циничны и жестоки!

— Так ведь всё овцы заблудшие, матушка, — потупив

быстрые глазки, забормотал отец Никон, — на путь истинный их наставляю денно и нощно, денно и нощно! Вы уж простите, ради Христа, старика! О благополучии общем пекусь! О покое! А какой же может быть покой, когда кругом Перегудовская семейка так и шныряет! Да рази ж, от них скроешь чего? Ведь трёх дней не прошло, а я уж весь в поту! Уже, кажется, самому проще бросить всё, да и податься в бега всем моим бедным несчастным семейством, чем терпеть этакую муку!

Перегудов сидел под окном ни жив, ни мёртв. Сердце его колотилось так, что он с трудом слышал голоса. Казалось, никогда в жизни он не был так напуган! Да здесь заговор зреет! — думал он, — погубить решили лиходеи! Вот так штука! И пристава, пристава не будет утром!

Решение мгновенно созрело в его голове и, не теряя времени даром, Перегудов крадучись отправился прочь.

По дороге отыскал успевшего задремать Фёдора.

— Что, барин, задали жару-то немцу? — продрал тот заспанные, очумевшие глаза.

— Задал, — коротко ответил Дмитрий Семёнович, быстро шагая к дому — шевелись Фёдор, работа есть для тебя!

— Так опять что ли ночью, Ваше превосходительство?!

— Не перечь! Живо запрягай лошадей, в город поедешь к приятелю моему, Семёну Матвеичу. Письмо напишу — передашь, да смотри — лично в руки!

Ткнув совершенно ошалевшего Фёдора кулаком в спину для скорости, Перегудов птицей взлетел на второй этаж в свой кабинет, схватил перо и бумагу и, лихорадочно ткнув несколько раз пером в чернильницу, принялся писать, крепко закусив губу.

Его Превосходительству Островому Александру Матвеевичу.

Саша, милый друг, выручай!

Я оказался при обстоятельствах странных и загадочных в весьма неприятном положении.

В деревне произошло убийство! В заговоре мой управляющий со своею супругой и местный священник.

Есть все основания полагать, что здоровье и даже жизнь моего драгоценного семейства под угрозой.

Отсылаю тебе своего кучера Фёдора. Верных людей рядом более нет, так что не медли! Высылай помощь! Спеши!

Искренне твой
Перегудов Д.С.

Наскоро запечатав письмо, Дмитрий Степанович двинулся к выходу. В коридоре его уже поджидал Фёдор:

— Готово, барин! Лошади запряжены! Извольте, письмо-то положу под шапку, небось, не затеряется!

Перегудов вышел проводить Фёдора во двор. На улице светало. Солнце ещё не вышло, но в воздухе уже разлилась молочная белизна, предвещавшая рассвет.

— С богом, Федя, — перекрестил его Перегудов, — береги себя! Езжай!

И коляска мягко покатила по зелёной травяной дорожке.

Глава 5
День третий. Отражение

Дмитрий Степанович, измученный переживаниями и уснувший лишь под утро, проснулся от громких детских криков, раздававшихся из столовой. Он лежал, не вставая, и с минуту слушал их милые звонкие голоса, раздвинув губы в непроизвольной улыбке, но тотчас воспоминания о прошлом вечере навалились на него такой непосильной тяжестью, что Перегудов с трудом нашёл в себе силы подняться с постели.

Выйдя в столовую, Дмитрий Степанович застал всю семью за завтраком.

— Долго почивать изволите, батюшка, — попеняла ему Дарья Платоновна.

— Что Данила? Не приезжал? — откашлявшись, спросил Перегудов, усаживаясь за столом.

— И Данилы нет, и Фёдор куда-то пропал. Ёра Семёнович сказывает — лошадей нет. Ты его послал, что ли куда, батюшка? — с напускным безразличием спросила Дарья Платоновна, быстро взглянув на Перегудова из-под очков.

— Послал, — односложно ответил Дмитрий Степанович, повязывая вокруг шеи салфетку и, обратившись, к младшим представителям семейства произнёс:

— Чем господа намерены сегодня заняться?

— Дедушка, мы вчера весь день просидели дома и вели себя ужас, как хорошо! — прокричал маленький Володя, — можно мы сегодня пойдём гулять?

— Боюсь, сегодня прогулка отменяется, судя по всему, будет дождь, — ответил Перегудов, взглянув в окно, где сияло ласковое летнее солнышко, — но я велю принести вам из псарни щенков гончей Долли, можете поиграть с ними!

— Ура, — обрадовались малыши, — а можно нам их оставить дома навсегда, мы их поселим у себя в детской и будем кормить!

— Думаю, бедная Долли огорчиться, — с улыбкой отвечала им мать и попеняла деду, — ты слишком балуешь их папа, они замучают несчастных щенят!

— Ничего Катенька, щенки уже довольно шустрые и будут только рады играм, а мне станет спокойнее, если дети останутся дома.

— Ах, какая ужасная история произошла вчера, — воскликнула Катя, — что папа, скоро ли будет пристав?

— Думаю, что скоро, дитя. Не забивай этим свою

хорошенькую головку, подумай лучше, как украсить верхнюю комнату к приезду Александра и Маши.

Дарья Платоновна рассеянно водила пальцем по скатерти, задумавшись о чём-то и прислушиваясь к разговору мужа.

— Ну, а вы, молодые люди? — обратился Дмитрий Степанович к Николеньке и Виктору, — каковы ваши планы на сегодняшний день?

— Ну-у, поскольку собирается дождь, — ехидно протянул Виктор, глядя в открытое окно и демонстративно щуря глаза от нестерпимо яркого солнца, заливающего своим светом столовую, — я, пожалуй, возьму в библиотеке книгу и почитаю в своей комнате. Единственная просьба к собранию, — он поднял вверх обе руки предупреждающим жестом, — не беспокоить!

Дмитрий Степанович удовлетворённо кивнул и оборотился к Николаю:

— А ты, сын?

— Я, батюшка, если позволите, к реке пойду, — пробормотал Николенька первое, что взбрело в голову, — хочу взять мольберт и порисовать немного — там такие виды!

— Вряд ли это возможно, — хмурясь, медленно проговорил Дмитрий Степанович, — мне нужна сегодня твоя помощь и я хотел бы просить тебя остаться со мною. К тому же станешь нужен, когда приедет пристав, думаю, у него будут к тебе вопросы.

— Но, папа, я…

— Довольно! — крепкая ладонь Дмитрия Степановича коротко ударила по столу, — и, смягчаясь, добавил, — пойми Николенька, ты действительно мне очень нужен.

Николенька отложил прибор и, поблагодарив за завтрак, с поклоном вышел. Он досадовал сам на себя: Не мог придумать ничего получше! К реке — с мольбертом! Ясно ведь, что отец встревожен вчерашним происшествием и не желает, чтобы родные покидали дом! И сколько всё это продлится? А скоро явится пристав, найдёт убийцу и он — Николай, вынужден будет всё это время смирно сидеть дома! Так хотелось самому расследовать настоящее преступление! Впрочем, надо улучить момент и задать пару вопросов господину Мюллеру, он наверняка придёт сюда сегодня, а ему известно о местных жителях не мало! С такими мыслями Николенька вышел на широкую открытую галерею, опоясывающую весь дом и, облокотившись локтями на перила, и подперев голову кулаками, принялся поджидать управляющего.

Настя и Володя наскоро доели завтрак и умчались в детскую (им не терпелось начать новую забаву!) под присмотр матери и

мисс Флинт. Вскоре из детской уже раздавался вперемешку счастливый визг детей и звонкий лай собак.

Дарья Платоновна продолжала рассеянно смотреть в пустоту. К завтраку она почти не притронулась.

Дмитрий Степанович обратился к Виктору:

— Что, Витюша, расскажи нам, как вчера прошёл твой день?

— Да никак, — быстро ответил Виктор, — походил по деревне, в церковь зашёл, свечу поставил вашей дорогой тётушке за упокой, — Виктор быстро перекрестился, — да и пошёл домой.

— Похвально, — одобрил Перегудов, — предков чтить надо. Ну а с кем познакомился? Говорил с кем? — продолжал допытывать Дмитрий Степанович.

— Да с кем здесь общаться-то, деревенщина одна, — пренебрежительно пожал плечами Виктор, — о чём мне с ними разговаривать!

— Не след так отзываться о крестьянах, — наставительно заметил Перегудов, — ты хлеб ешь их руками взращённый! Ну да ладно, ступай, да из комнаты ни шагу!

* * *

Дети разошлись. Перегудовы остались одни.

— Что ж, батюшка, — начала Дарья Платоновна, — всех ты определил, кому, чем заняться, видно и для меня дело подходящее найдёшь?

— О чём ты, Дашенька? — поморщился Дмитрий Степанович.

— А я и сама не знаю — о чём, — призналась Дарья Платоновна, — вот ты-то, я думаю, знаешь! А раз знаешь, то и мне поведай, что же это такого случилось, что ты Фёдора ночью в город услал и из дому никому выйти не дозволяешь? Аль, известно стало, что за супостат мальчонку вчера погубил?

— Нет, матушка, мне про то неизвестно — тихо отвечал Дмитрий Степанович, но спокойнее будет, ежели дети дома посидят. Да и вам Дарья Платоновна ни к чему по деревне-то расхаживать в эдакую неспокойную пору. А что Фёдора послал в город, так и сразу надобно было его послать с Данилою-то вместе, — покривил душою Дмитрий Степанович, — мальчишка-то молодой, глупый. В городе-то всего раз и был, ну как не найдёт участок-то? Вот Фёдор и поехал для надёжности…

Предвосхищая дальнейшие расспросы Дарьи Платоновны, он прикрикнул раздражённый невозможностью рассказать ей всю правду:

— Да будет вам матушка тревожиться! Займитесь-ка лучше

своими тряпками да вышивками, всё больше пользы!

И ещё более раздосадованный собственной грубостью торопливо поцеловал супругу в лоб и, толкнув по рассеянности стоящий на пути стул, стремительно вышел, сославшись на срочные дела.

* * *

Между тем Виктор и не думал оставаться в комнате на целый день. Здраво рассудив, что дедушке и бабушке, встревоженным вчерашним происшествием будет не до него, он решил воспользоваться прекрасно выдуманным предлогом и запершись в своей комнате незамеченным уйти через окно. К обеду можно и вернуться, — размышлял он, — а потом если всё обойдётся уйти опять!

Сходив для отвода глаз в библиотеку и выбрав первый попавшийся том, он, демонстративно помахивая им, прошёл к себе в комнату. Заперев дверь изнутри, Виктор тотчас бросил книгу на кровать и распахнул окно. Свежий летний ветер ворвался в его комнату и закружил в весёлом танце, разгоняя во все стороны, брошенные там и сям листы бумаги, и прочую мелочь.

Осторожно выглянув в окошко, и не заметив никого поблизости, Виктор стал выбираться наружу. Комната его находилась на втором этаже и располагалась довольно далеко от земли. Но к счастью к самому окну большой раскидистый дуб услужливо протягивал крепкую толстую ветвь и для двенадцатилетнего мальчика спуск не составил никакого труда!

Выбравшись наружу, Виктор осторожно прикрыл окно, ловко соскользнул вниз — и был таков!

Незамеченным он выбрался к озеру и, благоразумно обогнув церковь с неизменной оравой поповских детей, вскоре вышел к развалинам.

Здесь стояла тишина. Даже птицы неохотно вили гнёзда вблизи обгоревших обломков, и только жужжание трудолюбивых шмелей летающих над цветами, обильно растущими меж руин, раздавалось в гнетущей тиши. Виктора снова, как и вчера охватила робость среди печальных, пахнувших гарью стен. Отгоняя от себя пугающие мысли, он прошёлся вдоль развалин, заглянул внутрь, но вчерашнего знакомца так и не увидел.

Уныло присел Виктор на ствол поваленного дерева и задумался. День, так чудесно начавшийся с приключения, стал вдруг скучен. Да и что толку веселиться, если некому рассказать,

как ловко ты сумел выбраться из дома несмотря ни на что! Что же касается прогулки в одиночестве среди жутких обломков старого дома, где ещё возможно бродят неуспокоенные души его обитателей, то она Виктора и вовсе не прельщала. Посему Виктор решил более не оставаться вблизи руин, а спуститься в деревню и самому разыскать Матвея Сорокина.

Пойду, — размышлял он, — может, его мать не пустила или ещё что…. Виктор медленно стал спускаться с холма, когда вдруг почувствовал на себе взгляд. Вздрогнув, мальчик обернулся и успел заметить серую тень, метнувшуюся за ствол поваленного дерева на котором он только что сидел.

Виктор осторожно шагнул в его сторону:

— Матвей? — неуверенно спросил он.

За стволом не произошло ни малейшего шевеления. Виктор сделала ещё один шаг, ещё… и тут его нервы не выдержали и резко развернувшись, он с криком бросился бежать вниз с холма, леденея от ужаса и боясь оглянуться назад.

Виктор мчался, не разбирая дороги, и лишь уткнувшись с разбегу в белёную стену крайней избы, перевёл дух. В этот момент дверь дома открылась, и на крыльцо вышел тот, кого Виктор недавно разыскивал.

— Ты! — выдохнул Виктор.

— Я! — подтвердил Матвей, внимательно оглядывая его круглыми глазами, — от кого бежишь?

Виктор тотчас застыдился своего недавнего страха и неопределённо пожал плечами.

— Да так… Просто с горки бежал. Из развалин… думал тебя там найти, ведь мы же кажется, договаривались!

— Дык, я же туда и шёл! — оправдываясь, произнёс Матвей, — раньше мамка не пускала, да и то сказать дела у нас Витьша сегодня важные — не до развалин!

Матвей вздохнул тяжко, призывая к осознанию всей важности неведомого дела.

— Какие такие дела? — заинтересовался Виктор.

Матвей с сомнением скосил на него круглый глаз.

— Да такие дела, что тебе и знать нельзя! Коли кто увидит, что я тебя с собою взял — беда! Непременно побьют.

У Виктора в груди заныло сладко и тревожно, так захотелось узнать, что за дело такое таинственное!

— Возьми! — он с жаром схватил товарища за тонкую костлявую ручонку, — я же про развалины никому не проговорился!

— Это да, — размышляя, проговорил Матвей, — это-то верно! Ну да ладно, — внезапно решившись, мальчик потянул Виктора в

густые заросли дикой вишни, — пошли, только — чур! Клянись помогать нам во всём всегда и во веки вечные!

— Кому это вам?

Матвей снова скосил на него глаз и, вздохнув произнёс:

— Пойдём, увидишь.

Раздвинув ветви, друзья выбрались на круглую полянку, где, занимаясь каждый своим делом, сидели три мальчика и две девочки. С первого взгляда было ясно, что всё это родственники Матвея. Двое мальчишек совершенно одинаковые лицом чуть постарше Матвея недовольно нахмурились при виде чужака. Девочки, оставив свои дела, удивленно вскинули на Виктора круглые глаза. Самый маленький вертлявый худенький мальчик лет семи по-птичьи подскакал к Виктору на одной ноге и уставился на него любопытным немигающим взглядом.

Виктор в свою очередь тоже оглядывал новых товарищей и тотчас был невероятно поражён! Он с изумлением и состраданием увидел, что у каждого ребёнка, даже у девочек спина изгибалась страшным, уродливым горбом!

Детям не понравился его слишком пристальный взгляд и близнецы, нахмурив брови, угрожающе двинулись к Виктору.

— Ты зачем его привёл? — угрюмо спросил у Матвея один из них.

— Он обещал помогать, — вступился Матвей за друга, — он с нами хочет пойти!

Да уж верно и не очень-то хочется, - думал тем временем Виктор, оглядывая жутковатую компанию, одетую почти одинаково в серые бесформенные хламиды с завязками на шее.

Но Матвей уже проворно подскочил к братьям и затараторил с ними настолько тихо и быстро, что до Виктора долетали только обрывки слов: Пауки… на просто убьют… всё равно узнают!

Наконец посовещавшись, братья окружили Виктора. Один из близнецов протянул ему руку:

— Меня зовут Кондрат. Я тут старший. Это — Андрейка, мы близнецы, — счёл нужным пояснить он, — девчонки вот… старшая Лизанька, младшая Алёнка. Самый маленький — Епишка.

— Епифан, — басом представился малыш и важно протянул Виктору маленькую ручонку.

Дети расхохотались, и мир тут же был налажен.

Вскоре Виктор сидел на траве и вместе со всеми и, растирая в деревянных ступах какую-то едко пахнущую траву, с восторгом выслушивал от Кондрата, что за случай свёл их сегодня на этой поляне.

— Война, — коротко начал Кондрат, — за рекой — Паучья

Слободка. Там живут Пауки. У нас с ними уж спокон веку вражда! А давеча-то у церкви Емелька-паучёнок и говорит: Вы, — говорит, — птичье отродье, от курицы род свой ведёте и с яйца вылупляетесь!

— Мы им за это все бока отобьём! — кровожадно заявил маленький Епишка.

— Верно, — серьёзно подтвердил Кондрат, — сегодня встречаемся в условленном месте. Да только, — он повернулся к Виктору, — коли боишься лучше не ходи!

— Я боюсь? — возмутился Виктор, — да я ваших пауков одной левой раскидаю!

— Ну и ладно, — миролюбиво кивнул Кондрат, — но знай, мы тебя в такое место поведём, о каком никто не должен знать, что мы туда ходим. Коли узнают старшие — нам не сдобровать!

— Я не расскажу! — заверил Виктор и на том вопрос был решён.

Кондрат с Андрейкой, сёстрами и Епишкой ушли, условившись встретиться на месте. Матвей, оставшись вдвоём с Виктором, принялся объяснять тому, как пройти в условленное место.

— На верху, на склоне холма, неподалёку от развалин стоит дуб…

— Да я видел, — перебил его Виктор, — такой большой!

— Ну да, — согласился Матвей, — сейчас мы идём к нему, но нас никто не должен видеть, поэтому пробираться будем по одному. Особенно, берегись, если из поповских детей нас кто увидит, тогда пиши, всё пропало! Понятно?

— Чего же не понять-то! — откликнулся Виктор, — яснее ясного!

— Так вот, — удовлетворённо кивнув, продолжил Матвей, — я пойду первым, а ты, как только я скроюсь из виду, начнёшь считать до ста. Досчитаешь пять раз по сто и иди следом за мной. Но смотри, — напомнил он ещё раз, — никому на глаза не попадайся!

Вскоре Матвей скрылся из виду, и Виктор принялся считать. Досчитав до пятисот, он, постоянно оглядываясь, крадучись направился следом за товарищами. Пройти незамеченным через вишнёвые заросли оказалось нетрудно, но пробраться по гладкому склону холма к одиноко стоящему дубу, оказалось задачка посложнее! Не долго думая, Виктор достал из кармана перочинный ножик, быстро нарезал большой пук зелёных веток и, прикрываясь ими как щитом, проворно стал карабкаться вверх.

Одиноко бредущая по дороге баба с белою облезлой козой на верёвке удивлённо проследила взглядом за его манёврами, но

ничего не сказав, лишь вздохнула и пошла себе дальше. Более свидетелей поблизости не оказалось, и вскоре Виктор благополучно добрался до цели.

Матвей поджидал его, сидя на нижних ветвях, втянув голову в плечи и нахохлившись, словно замерзший воробей.

— Молодец, — скрипуче проговорил он, встречая Виктора, — теперь давай за мной, да только тихо!

Он бесшумно скользнул вниз и потянул Виктора за рукав, увлекая его за собой.

В стволе огромного старого дуба, на высоте примерно Виктору по грудь находилась узкая высокая щель. Дупло, образовалось много лет назад и постепенно приобрело такие размеры, что даже и взрослый человек мог протиснуться в него без особого труда.

Матвей живо влез в дупло и махнул из него Виктору рукой:

— Лезь, — прошипел он, — быстрее!

Виктор тотчас вскарабкался вслед за ним. Внутри ствола стоял терпкий звериный запах, под ногами гулко хрустели сухие ветки. Свет, проникавший в отверстие, недостаточно освещал узкое пространство, и Виктор руками ощупывал ствол изнутри, пытаясь определить размеры дупла.

— Сейчас прыгать будем, — шёпотом сообщил ему Матвей, — ты не бойся, здесь не высоко.

И не долго думая, схватил Виктора за руку, и прыгнул в неизвестную черноту, увлекая мальчика за собой и не давая тому опомниться. Полёт, однако, оказался не долгим. Виктор зажмурился от внезапно вспыхнувшего яркого света и тут же ощутил удар (впрочем, не сильный!) от падения на землю.

Приоткрыв глаза, Виктор с удивлением осмотрелся вокруг.

Он лежал на холме, под тем самым дубом, в дупло которого только что влез. Неподалёку чернели развалины, внизу виднелась деревня, церковь, озеро и река. Всё как будто оставалось на месте, да вот только мир был совершенно другим! Свет дня, показавшийся Виктору в первые секунды падения таким ярким после краткого пребывания в темноте, на самом деле был тусклым, куда тусклее обычного.

Это я верно головой ударился, — обречённо подумал Виктор, — что-то мне в глазах вроде как темно! Но постепенно Виктор понял, что изменился не только свет. Подняв голову кверху, он увидел, что у дерева внезапно исчезли все листья! Дуб только что живой и шелестящий весёлыми листьями стоял обнажённый, будто явился из зимнего леса. Его корявые чёрные ветви застыли не тронутые ветром в мрачном и мёртвом величии. Такая быстрая и ничем необъяснимая перемена была столь

неожиданна, что Виктор, вздрогнув от охватившего его страха, поспешно перевёл взгляд в сторону, но, боже мой!

Склоны холма, на котором он лежал, не покрывались более изумрудной свежей травою. Вместо неё вся поверхность был осыпана мелкими чёрными камушками, которые тихо шелестели, когда на них ступала нога. Других звуков в странном мире не слышалось. Ни пения птиц, ни жужжания насекомых, ни дуновения ветерка, ничего не нарушало леденящего душу покоя!

К нему склонил участливое лицо Матвея:

— Не ушибся?

Его голос так звонко прозвучал в этом странном и страшном месте, что Виктор вздрогнул.

— Нет, — охрипшим голосом отозвался он и прошелестел одними губами, — где это мы? Что вообще случилось?

— Это — Отражение, — Матвей протянул Виктору руку, помогая встать с земли, — не бойся, здесь некого бояться, тут никто не живёт!

— Что это — Отражение? — очумело спросил Виктор, вертя во все стороны головой.

— Да я и сам не знаю, как объяснить, — признался Матвей, — Отражение — это Отражение. Оно всегда было. Ну, по крайней мере, с того дня как мир существует.

— Не понимаю, — жалобно протянул Виктор, следуя за Матвеем, шагающим по склону холма в сторону пустующей деревни.

— А что тут понимать! — пожал плечами Матвей, — вот ты есть, ты существуешь, и я тебя вижу и могу до тебя дотронуться, правильно?

— Ну да, — подтвердил Виктор.

— А если ты заглянешь в зеркало, то увидишь то же самое и это опять будешь ты, тебя видно и до твоего отражения можно дотронуться, но настоящий ты остаёшься здесь, так?

— Ну, вроде бы так, — с некоторым сомнением согласился Виктор.

— Ну, так и мир тоже можно отразить. Его отражение можно увидеть, можно трогать, но жить в нём нельзя, потому что всё, что здесь есть, не то, что оно есть на самом деле, понимаешь?

— Нет, — решительно признался Виктор.

— Да вот и я не очень понимаю, — почесал в затылке Матвей, — да ты о том голову-то не ломай, главное, что здесь никто не помешает нам биться с паучьим отродьем!

И он с гиканьем вломился в заросли чёрного кустарника, с громким хрустом ломая чёрные ветви.

Виктор ринулся за ним с готовностью признавая, что место

для игр и в самом деле самое что ни на есть подходящее!

— А что, — запыхавшись, переспросил он, — здесь и вправду никого нет?

— Никого, — подтвердил Матвей, — все дома стоят пустые и церковь тоже, можешь заходить куда хочешь! Но смотри, как только наступит полдень, начнётся война, и тогда держись лучше возле меня.

Виктор некоторое время молча шагал за Матвеем, напряжённо размышляя.

— Послушай, — внезапно спросил он, — а что же это за зеркало, что отражает целый мир?

Матвей остановился и внимательно глянул на Виктора:

— Ишь ты какой! А про то тебе знать ещё рано! — и добавил, увидев, как Виктор обиженно поджал губы, — да ладно, после обскажу, пойдём… и он втолкнул Виктора во двор маленькой пустующей хижины, где их уже поджидала вся честная компания.

— Значица так, — Кондрат деловито поковырял пальцем в крючковатом носу, — объясняю порядок. — Он глянул на Виктора, давая понять, что объяснение даётся исключительно для него.

— В битве с Пауками есть свои правила, которые не нами установлены и не нам их нарушать, — красуясь перед слушателями, проговорил Кондрат, явно повторяя чужие слова, но никто особо не поразился складной фразе.

— Правило первое — битва начинается ровно в полдень и заканчивается, когда последний луч солнца коснётся земли! Правило второе — на каждой стороне бьются воины равные числом. Правило третье — в бою можно пользоваться оружием.

Кондрат вытащил из-за пояса небольшой складной нож и помахал им перед Виктором.

— Во-первых — это нож! Пауки нападая, раскидывают свои сети и все знают, — он опять посмотрел на Виктора, — что если ты попал в сеть, руками её не разорвать, для этого каждый должен иметь нож, но! — Кондрат поднял вверх палец и со значением оглядел публику, — ножи только для того, чтобы резать сети! Ни для чего более!

Походив по кругу с заложенными за спиною руками, он продолжил:

— Также надобно иметь смесь из куриной слепоты и полыни, — Кондрат покрутил в руках баночку с кашицей из тех самых трав, что недавно все, включая Виктора, с таким усердием растирали в деревянных ступах, — и траву эту втереть хорошенько в кожу, иначе сети прилипнут намертво к телу и никакой нож уже не поможет!

— А что же тогда? — не удержавшись, спросил Виктор.

— Да ничего, — пожал плечами Кондрат, — топлёным маслом отмачивать, да снимать по кусочку, но на это два дня понадобиться не меньше, и уж никак не скроешь, что ты в паучьи сети попадал! Достанется-то всем! Так что, — он протянул баночку Виктору, — мажь! Судьбу не пытай!

— Теперь о нападении. Чтобы поймать Паука Летава используют огнянку.

— Кто такие Летава? — шёпотом спросил Виктор у Матвея.

— Так, мы это! Слушай дальше! — толкнул его локтём товарищ, призывая к порядку.

— А огнянка это что? — снова спросил Виктор, которого переполняли накопившиеся вопросы.

Кондрат терпеливо вздохнул, останавливая поток вопросов.

— Пауков остановить трудно, удержать ещё сложнее. Воды они не боятся, плавают и дышат под водой как рыбы, высота им не страшна, они с любой кручи головою вниз спустятся и хоть бы что им! Есть только одно, чего боятся Пауки — огонь! Если в Паука огнянкой кинуть он замертво упадет! — и успокаивающе обратился к вздрогнувшему Виктору, — да ты не бойся, не навовсе! Полежит немного, да отойдёт. Вот только ещё два дня ходить будет еле-еле, будто что устал. Да только если ты в паучьи сети попадёшь, тоже тебе не лучше будет, они сети то свои ядом мажут, так что тут всё на равных!

Кондрат, походя, шлёпнул по носу маленького Епишку, пытающегося влезть длинным языком в баночку с травяною кашицей и продолжал, как ни в нём не бывало:

— Огнянка же делается просто: сминаешь ком сухой травы — мурыжника, внутрь кладёшь зелёный лист ольхи, если зелёного листа нет, можно подсушенный, но тогда действие огнянки будет короче. Смочить траву бурундучьим жиром и огнянка почитай готова.

Рассказывая, Кондрат между тем ловко скатывал шарик из сухой травы, на деле показывая как правильно изготовить огнянку. Вслед за ним Андрейка, Матвей, сёстры Лизанька и Аленка и даже маленький Епишка и Виктор изготавливали свои травяные шарики.

— Каждый сам поджигает свою огнянку, — продолжал тем временем Кондрат, — огнянка никогда не опалит рук того, кто её создал. Как только встретишь Паука — главное попасть в него этим огненным шариком — и он больше не боец!

— А можно я себе ещё таких кругляшей наделаю? — поинтересовался Виктор.

— Нет, — отрезал Кондрат, — у каждого Паука по одной сети

— у каждого Летава по одной огнянке, всё по честному!

Он помолчал, раздумывая:

— Про оружие всё. Теперь о главном: в церкви спрятана захоронка — Зеркальный Камень. Прошлую войну захоронку прятали мы, теперь она перешла к Паукам. В битве всё просто — Пауки охраняют церковь и прячут там Зеркальный Камень, мы же должны в церковь пробраться и захоронку найти. Как найдём — война закончена и Пауки проиграли. Если же до захода солнца не отыщем — проиграли мы.

— А ежели они нас всех в сети поймают? — задал Виктор вопрос.

— Коли так, то мы и вовсе проиграли, — пожал плечами Кондрат.

— А Зеркальный Камень обязательно в церковь прячут?

— Да, такое правило, — подтвердил Кондрат.

— Так уж всем, небось, все закоулки в церкви известны! Разве же трудно его найти?

Ребята переглянулись и засмеялись, словно Виктор сказал несусветную глупость. Кондрат успокаивающе поднял вверх ладонь:

— Тихо, — прикрикнул он, — найти, в самом деле, трудно и на то есть две причины. Первое — то, что в Отражении Зеркальный Камень отражается много раз. Ну, как ежели бы ты поставил перед собою одно зеркало, а по бокам два других и увидел своё отражение много-много раз! Вот ты, к примеру, найдёшь Зеркальный Камень, а пройдёшь два шага — глядь, там ещё один лежит! И таких камней можешь набрать много — а всё будут не те!

— А как же узнать, который камень настоящий?

— Да просто. Ежели ты настоящий камень найдёшь, отражение сдвинется, и остальные камни исчезнут, а один главный-то и останется!

— А остальные-то как же, что так вовсе и исчезнут?

— Вовсе. Они же только отражение первого отражённого Зеркального Камня.

Виктор тяжело вздохнул. Как-то уж всё очень запутанно!

— Ну ладно, а вторая причина?

— А вторая причина — сама церковь. Она в Отражении существует сама по себе.

— Это как же? — снова удивился Виктор (хотя способность удивляться пропадала в нём с каждою минутою!)

— Ну, понимаешь, здесь всё такое же, как в Полянке, дома, деревья, только живого ничего нет. А вот церковь вроде бы та — да не та! В каждом Отражении она разная.

— Отчего?

— Кто знает? — Кондрат пожал плечами.

— Отец Никон говорит, — впервые подала голос молчавшая до сих пор Лизанька, — это оттого, что церковь тоже живая, потому она и меняется всякий раз.

— Да ерунду он говорит, твой отец Никон! — пренебрежительно крикнул Матвей, — церковь, такой же дом, как и остальные! Вона её с того же кирпича клали, что и барский дом! Чего же это она живая-то?

— А вот и живая! — горячо вступилась Лизанька, — отец Никон говорит, она сердце успокаивает, и душу очищает, оттого и живая! А в Отражении только живое меняться может! Что — съел?!

— Ладно, успокойтесь, — прикрикнул Кондрат, — так или нет — про то никто не знает. Только церковь что внутри, что снаружи всегда разная и никак ты не угадаешь, что увидишь за дверью!

Кондрат озабоченно глянул на солнце:

— Что ж, скоро начнём!

Он подошёл к Виктору и присел рядом, положив руку ему на плечо:

— Тебе теперь всё ясно?

— Ну, вообще, да, — неуверенно проговорил Виктор, — а почему вы себя Летавами называете, — задал он последний вопрос.

— Тю-ю-ю, — тоненько протянул маленький Епишка, — он и этого не знает?!

Виктор сердито оглядел всех:

— Ну и что? Я вообще-то третий день в Полянке! Да я вам знаете, сколько могу порассказать, чего вы не знаете! Вот у нас в гимназии…

Он запнулся, заметив, что его никто не слушает. Кондрат задумчиво смотрел в сторону, Андрейка сосредоточенно скрёб затылок, а его товарищ Матвей сидел, покраснев и смущенно потупив глаза. Лишь Лизанька и Аленка смотрели на Виктора растерянно и застенчиво улыбаясь, а маленький Епишка взирал на всех сразу с весёлым изумлением.

Наконец, тяжко вздохнув, Кондрат заговорил:

— Ну, Мотька, ты что же и этого ему не сказывал?

— Ну, чего я… — вильнул глазами Матвей, — я ж думал он знает… все же знают! Я что ли виноват, что ему не сказывали?! Да ведь и узнает всё одно, коли, здесь поселился!

— Ну ладно, — сурово нахмурился Кондрат, — пятиться-то назад уже поздно! Ты вот что, Витьша, ты не пужайся, мы тебе

сейчас одну штуку покажем!

Кондрат встал на ноги, и не торопясь, стал отвязывать шнурок, стягивающий возле горла его серую хламиду. Развязав узел, дёрнул плечами, и невзрачная тряпка серым комом упала не землю.

Насупившийся Виктор с недоверием взирал на Кондрата, недоумевая, что же тот хочет ему показать. Неожиданно с немалым изумлением Виктор увидел, что уродливый горб за спиною у Кондрата стал медленно шевелиться, а затем расти и увеличиваться в размерах! И вдруг поднявшись над головой, плавно и словно нехотя разделился на две половинки и вот уж на глазах ошеломлённого Виктора уродливый страшный нарост на спине мальчишки превратился в большие блестящие чёрные крылья!

Фокус какой-то, — подумал Виктор, — вот фокус-то! Он всё повторял приставшее к нему словечко, а сам уже осторожно трогал рукою потрясающе естественно изготовленное крыло, и оно чутко дрогнуло под ладошкой, словно отвечая на его слабое прикосновение.

— Вот это да! — наконец восхищённо вымолвил Виктор, — как же это они у тебя держаться?!

— Обыкновенно держаться, — недовольно буркнул Кондрат, так же как у тебя руки-ноги держаться!

Виктор, неуверенно улыбаясь, поглаживал упругие чёрные крылья, покрытые не перьями даже, а чем-то длинным жёстким, похожим на волос, но толще и с зазубринами по краям. Продолжая с восхищением перебирать пальцами необыкновенные пёрышки, Виктор вдруг почувствовал идущее от них тепло. Там внутри пульсировала кровь, они были живые, по настоящему живые!

Виктор испуганно отдёрнул руку:

— Они что же настоящие?! — нервно крикнул он.

Кондрат угрюмо на него покосился.

— У тебя вон уши торчком стоят! И что? Мы же не прыгаем от страха и от смеха не корчимся. У каждого, знаешь ли, своё… у тебя уши, как лопухи, у нас вот — крылья! У кого что выросло!

— Уши у меня нормальные, — запротестовал Виктор, — что оттопыренные немного, так это бывает! У многих людей бывает! А вот крыльев я что-то не встречал!

— А мы не люди, мы — ангелы! — пропищала Алёнка, усмехаясь и гримасничая, — только с чёрными крылышками!

— У них что — тоже?! — громким шёпотом спросил Виктор, неприлично тыча пальцем в девчонок — тоже крылья?!

— У всех, — подтвердил Кондрат, — а что у людей крыльев

не бывает, так это правда, хотя знал я одного… ну так вот нас за то людьми и не называют, а зовут — Летава. Племя такое.

Он помолчал, переминаясь с ноги на ногу и слегка пошевеливая крыльями.

— А вообще-то мы нормальные. Такие же, как и все. Коров пасём. Огород садим. Живём, как все люди живут. Только вот крылья… — он беспомощно развёл руками, — тут уж ничего не поделаешь!

— А летать?! — крикнул Виктор, — летать-то вы можете?!

— Ну конечно! — заулыбался Кондрат, а за ним и все остальные.

Серые хламиды тотчас были сброшены на землю и вот перед Виктором вместо шести маленьких горбунов стоят шесть поразительных существ, гордо взмахивая чёрными блестящими крыльями.

Первым в воздух взмыл Кондрат. Легко подняв крылья вверх, он стремительно и резко опустил их, словно отталкиваясь от невидимой преграды, и тотчас поднялся так высоко, что Виктор чуть не свернул шею, пытаясь проследить за ним взглядом. Ещё несколько сильных взмахов и вот крылатый мальчишка промчался над крышами пустых тёмных хижин, со свистом рассекая воздух. Остальные Летава не заставили себя долго ждать и вот уже на фоне тусклого, печального неба носятся маленькие крылатые фигурки, смеясь и перекликаясь и Виктору уставшему стоять с головою поднятой вверх, показалось, что не слышит он больше человеческих слов, а будто птичье курлыканье раздаётся в вышине.

Рядом с ним приземлился Матвей:

— Хочешь с нами?

— А получится? — недоверчиво спросил Виктор.

— А то! — весело произнёс крылатый товарищ, — только высоко нам тебя не поднять, уж больно ты тяжёлый, но немного полетать можно!

Подобрав одну из брошенных накидок, они живо подвязали её с двух сторон верёвками, концы которых Андрейка и Матвей прочно закрепили у себя на поясе. Чуть поднявшись в воздух, они замерли неподвижно, непрестанно трепеща крыльями, поджидая пока Виктор не устроится посреди провисшей хламиды, образовавшей что-то вроде качелей.

Усевшись и крепко уцепившись руками за верёвки, Виктор нетерпеливо крикнул своей упряжке:

— Поехали!

Крылатые сорванцы с силою махнули крыльями, и троица взмыла в воздух. Поначалу, более старший и крепкий Андрейка

поднялся выше своего напарника, и непрочное сооружение опасно накренилось.

— Эй, там! Полегче! — испуганно крикнул Виктор, съезжая с летучих качелей и судорожно хватаясь за верёвки — не уроните меня!

Наконец Матвей и Андрейка приспособились к совместному полёту в одной упряжке и стали лететь равномерно, описывая над тихими нежилыми домами широкий круг.

Виктор сидел, затаив дыхание и боясь пошевелиться. Он смотрел сверху на окрестности на серо — черные унылые холмы, голые мёртвые леса и реку с тёмной водой, которая словно и не текла никуда, а стояла на одном месте сверкая, как чёрная ртуть. Глядя на этот мир с высоты, мальчик подумал, что дома его сейчас верно ищут к обеду и таинственное исчезновение поднимет в доме большой переполох, а ввечеру ему непременно зададут взбучку! Но никакое на свете наказание не смогло бы сейчас заставить Виктора покинуть это место и оставить новых друзей!

Глава 6
Война

Наконец мальчишки устали и осторожно спустили Виктора на землю. Рядом с ними опустились остальные Летава, складывая за спиной чёрные крылья. Пристально вглядываясь в сумеречное небо, Кондрат коротко произнёс:

— Пора!

Все тут же деловито бросились к своим травяным шарам, и каждый сам стал разжигать свою огнянку. Зажёг свой шарик и Виктор. Он запылал ярким светом изнутри, а комок травы, окружавший огонёк оставался каким был, самым чудесным образом не сгорая дотла. Рукам не было горячо, лишь слегка приятно пощипывало пальцы.

Кондрат тем временем коротко отдавал приказы:

— Витьша с Матвеем — в обход идите. Зайдёте к церкви со стороны барского дома. Андрейка с девчонками с правой стороны подбирайтесь, с кладбища, а мы с Епишкой слева зайдём. Без толку не взлетать, не то Пауки враз поймут, где мы есть! Всё ясно?

Все дружно кивнули головой.

— Тогда с богом! Вперёд!

Виктор и Матвей проворно двинулись через чёрные кустарники и принялись подниматься вверх по склону холма, обходя церковь стороной.

— А как он выглядит, этот Зеркальный Камень? — задал вопрос Виктор.

— Увидишь, — пыхтя и обливаясь потом, отвечал Матвей, — а как увидишь, сразу поймёшь — мимо не пройдёшь!

Спустившись с другого склона холма к озеру, Матвей предложил слетать на разведку.

— Чего ноги-то зря бить! — убедительно говорил он, — поднимусь, гляну и спущусь, всего-то и дел! Зато, слышь, увижу, где паучье отродье запряталось!

— Ну не знаю, — с сомнением протянул Виктор, — Кондрат-то не велел без толку летать.

— Так то без толку! А я-то разведкою!!!

Это решительно меняло дело, и Матвей с молчаливого одобрения товарища тотчас взмыл в небо, оставив Виктора одного.

Полетав немного над озером, Матвей никого не увидал и решил подлететь к церкви поближе. Виктор, увидев, что его

товарищ удаляется от него, тревожно махнул рукой, требуя вернуться, но Матвей успокаивающе помахал в ответ, да ещё крикнул, ни мало не опасаясь быть услышанным:

— Да не видать там никого! Чай, не подошли ещё пауки-то! — и, сделав несколько энергичных взмахов крыльями, быстро приблизился к церкви.

Виктор, поразмыслив немного, двинулся за ним, всеминутно оглядываясь и хоронясь за корявыми ветвями мёртвых кустарников и деревьев.

Никого не встретив на своём пути, он приблизился к церкви. Внимательно осмотревшись и не увидав никого поблизости, Виктор открыл, было, рот, собираясь окликнуть друга, но вовремя спохватился, заслышав странный шум.

Наверху на самой колокольне он заметил странную возню, и тотчас увидел Матвея, бешено пытавшегося вырваться, из цепких рук двух приземистых, густоволосых пареньков. Отчаянно дёргаясь, Матвей всё же сумел освободиться от своих преследователей. Он вскочил на перила, ограждавшие открытую со всех сторон площадку колокольни, и ринулся прочь, яростно взмахнув крыльями. Но вслед за ним тотчас полетела метко пущенная серебристая сеть, которая мгновенно расправилась в воздухе и точно накрыла неудачливого разведчика. Через пару секунд он крепко спеленатый сетью висел подвешенный за перила, болтаясь между небом и землёй!

Двое его преследователей перегибаясь вниз, проверили крепость верёвки, держащей сеть и, вцепившись в крепкий канат, (такой тонкий, что он казался невидимым!) свисающий с колокольни до самой земли ловко спустились вниз. Приземлившись в двух шагах от затаившегося Виктора, они, посмеиваясь и негромко переговариваясь, посеменили к входу в церковь.

Матвей, меж тем извернувшись, достал из-за пазухи нож и лихорадочно принялся перепиливать крепко стянувшие его верёвки. Но не успел он сделать и пары движений, как нож скользнул у него из рук, и тот час свалился вниз, с тихим стуком ударившись о мелкие черные камни. Матвей вскрикнул от отчаянья и попытался разорвать сети руками, но верёвки лишь туже впивались в его тело.

Не зная, что же ему теперь предпринять, чтобы помочь другу, попавшему в беду, Виктор вышел из своего укрытия, показывая Матвею, что он рядом. Пленник тотчас взбодрился и громким шёпотом потребовал:

— Нож! Подай мне мой нож!

Виктор поднял упавший ножик, совершенно не представляя

себе, как он сумеет подняться с ним наверх — ведь у него нет крыльев! Матвей, поняв это, в отчаянии попытался всплеснуть руками, но из-за тесноты он лишь слегка двинул плечами, качнув свою клетку. Внезапно Виктора осенило, и он принялся искать ту невидимую нить, по которой спустились их враги. Не будь он свидетелем их манёвра, нипочём бы не найти ему искусно сплетённый из неизвестного материала тонкий прочный канат, так естественно сливавшийся цветом с окружающей средой, что обнаружить его можно было лишь случайно, либо точно зная, где он находится.

Церковь, хоть и была небольшой, но всё же колокольня находилась достаточно высоко и Виктор, упорно карабкаясь наверх, старался не смотреть вниз и не думать о том, что произойдёт, если вдруг оборвётся верёвка. Но восхождение его завершилось благополучно. Он перелез через перила и оказался на открытой площадке, со всех сторон окружённый колоколами разных размеров.

Теперь перед ним встала новая задача — как передать нож в руки Матвея, поскольку тот висел довольно далеко от края площадки, и руками до него было не дотянуться.

Матвей, предвидя новые трудности, выпростал из сети обе ладони, показывая, что он готов поймать долгожданный предмет. Виктор примерился, стараясь, чтобы нож точно угодил Матвею прямо в руки и бросил. Их эксперимент вполне удался! Нож точно попал в цель, больно полоснув острым краем по Матвеевой ладошке. Тот вскрикнул, отдёрнув руки, и нож вновь оказался лежать на земле! Матвей от обиды и боли всхлипнул, сунув порезанную руку в рот, и снизу вверх укоризненно посмотрел на Виктора.

Виктор виновато пожал плечами — ну что же он мог поделать!? Из-за поворота внизу вновь показались давешние противники. Виктор тотчас метнулся к другой стороне площадки, затаившись за огромным колоколом. Сверху он отлично видел всё, что происходило вокруг. Деревья стоявшие без единого листка, являлись плохой защитой для тех, кто желал оставаться незамеченным и Виктор тут же приметил Кондрата и Епишку пробиравшихся к церкви. Они были уже почти у самых стен, когда Кондрат сделал знак Епишке остановиться. Малыш прижался к стволу дерева, почти сливаясь с его корой, а Кондрат один двинулся к входу. Но не успел он сделать и двух шагов, как земля под ним провалилась, и он ухнул в яму, прикрытую сверху тонкими щепками и искусно замаскированную. Тут же от тёмной стены отделился приземистый человечек и кинул в яму серебристый пучок нитей. Ловушка захлопнулась!

Ликующий враг заглянул в яму, проверяя, надёжно ли связана жертва и потому не заметил, как из-за деревьев выскочил дрожащий от гнева Епишка и швырнул прямо в склонённую спину Паука огненный мячик. Нелепо дёрнув ногами, неприятель задрожал всем телом и, не удержав равновесия, рухнул в яму вслед за Кондратом.

Со стороны главного входы в сторону отчаянного Епишки бросились ещё два вражеских воина, но мальчик, взмахнув крыльями, свечой взмыл в тусклое небо! Один из Пауков бросил, было, ему вдогонку сеть, но она не достигнув цели, упала на землю. Неудача не остановила неприятелей, и они помчались вслед за Епишкой, двигаясь по черной, словно обугленной земле огромными скачками.

Тем временем, воспользовавшись тем, что у входа остались лишь трое охранников в атаку двинулись Андрейка и девчонки. У ворот завязалась отчаянная драка, но пока никто из сторон не применял своего главного оружия — сети и огнянки, приберегая их для последнего удара и опасаясь в этакой суматохе затронуть своих.

Виктор, отчаявшись придумать, что же ему предпринять и на какие действия решиться в попытке помочь своим друзьям осторожно выглянул из-за колокола. Матвеевы тюремщики развлекались от всей души, с силою раскачивая сеть вместе с сидящим в ней красным и обозлённым Матвеем и громко при этом гогоча.

Виктор, тут же смекнул, что пока все неприятели заняты своим делом, у него есть отличный шанс незамеченным пробраться в церковь и осмотреть помещения в поисках Зеркального Камня! Воспрянув духом, он кинул беглый взгляд на открытую площадку (не тут ли и запрятали камень!), а затем бесшумно спустился по узкой крутой лестнице вниз. Пройдя через тёмную камору в большое помещение, где проходят службы, Виктор остановился, озираясь по сторонам. Пусто и тихо было в церкви. Через пасмурные стёкла окон едва проходил тусклый свет. Свечи не горели и лица на потёртых иконах были едва различимы, только скорбные взгляды выделялись в сумрачном облике святых старцев. Стараясь не глядеть на суровые божественные лики, Виктор осторожно двинулся вдоль стены на поиски захоронки. Не очень представляя себе, как выглядит камень, он всё же был уверен, что, увидав, тот час узнает его, как и уверял Матвей. И впрямь, пройдя несколько шагов, Виктор заметил в тёмном углу неяркий свет, блеснувший из-под тяжёлой массивной лавки. Упав на колени, он поспешно наклонился и сунул руку под лавку. Вот он — Зеркальный Камень! Удобно

уместившийся во всю ширину ладони, чёрный гладко отполированный камень переливался серебристыми оттенками, отсвечивая неровными гранями. Поверхность его была такой гладкой, что чумазое веснушчатое лицо мальчика отразилось в нём, как в чистейшем зеркале. Удовлетворённо улыбаясь, Виктор положил камень в карман и гоголем направился к выходу — объявить о находке и, соответственно о полной победе над врагом! Он уже взялся открыть двери, как взгляд вновь уловил мимолётно блеснувший свет. Что за досада! На низкой квадратной подставке, среди оплывших тонких свечей лежал ещё один камень — точная копия первого! Вздыхая, Виктор взял и его, радуясь, что не поторопился с выходом. Решив более не спешить, он стал более тщательно осматривать плохо освещённое помещение.

Меж тем снаружи всё ближе доносился шум яростной схватки. Враждующие стороны приближались, дверь в любой момент могла быть распахнута, и Виктор заторопился с поисками. Он лихорадочно обшаривал руками тёмные углы, куда не достигал неяркий свет, заглядывал под скамьи и проверял за иконами. В брошенном на полу металлическом кадиле и в запылённой ризнице Виктор обнаружил ещё два камня, но всё это были не те!

Сверху послышался топот с колокольни — это спускались неприятели, вдоволь наигравшиеся с несчастным пленником. Они так спешили к церковным воротам, на помощь своим друзьям, что в полумраке не заметили заметавшегося от неожиданности Виктора.

В ту же секунду двери распахнулись, и церковь озарилась бледным светом и огласилась пронзительными воплями треском и гамом. Враждующие стороны, потерпев значительные потери, продолжили боевые действия, на территории церкви сметая на своём пути все препятствия. На стороне Летава сражались только два бойца — Андрейка и Лизанька. Девочка бешено царапалась и с таким отчаянным визгом бросалась на неприятелей, что они не решались к ней приблизиться. Андрейка молотил тяжёлыми кулаками направо и налево, но силы были слишком неравны. Пауки, в том числе и неудачливые преследователи Епишки окружили крылатых детей, со всех сторон замыкая глухое кольцо. В последней решительной попытке спастись Андрейка и Лизанька взвились на крыльях вверх, но метко пущенные сети тут же пригвоздили их к полу!

Не помня себя от гнева и отчаяния, Виктор вскочил на серебряную купель, удерживаясь на толстых её краях, и издал боевой клич, готовый броситься на обидчиков. Но ещё одна

брошенная сеть подкосила мальчика, и он свалился, задыхаясь от унижения, прямо в середину купели, больно ударившись о твёрдый нарост на дне и подняв целую тучу мелких брызг.

Пауки зловредно захохотали, скаля в улыбке мелкие острые зубы. Виктор попытался сесть, но липкие переплетения сети мешали ему двигаться. Он лихорадочно зашарил руками по карманам, разыскивая свой перочинный ножик, и вдруг с радостным удивление обнаружил, что все зеркальные камни, отягощавшие его карманы, исчезли! Боясь поверить своей удаче, Виктор провёл рукою в тёмной непрозрачной воде, вытаскивая на свет тот самый предмет так больно ударивший его при падении и — вот он! Настоящий Зеркальный Камень! Первое отражение в Отражённом мире!

Виктор смахнул с глаз намокшую, но не потерявшую липкости сеть и поднял сверкающую находку высоко над головой:

— Я нашёл Зеркальный Камень! Вы должны освободить нас! Мы победили!

Неприятели хитро переглянулись и двое из них угрюмо двинулись к Виктору, сжимая кулаки и неприязненно бурча. Весь их злобный вид говорил, что такая внезапная удача может дорого обойтись! Но тут в дверном проёме, загораживая худеньким тельцем свет, появился маленький Епишка:

— Эй, Емелька! Скажи своим, чтоб не шалили! Освобождай наших — мы Зеркальный Камень нашли!

Очень широкий в плечах и потому кажущийся ещё более приземистым, чем остальные паренёк с холодной злостью глянул на Епишку, но спорить не стал, махнул нехотя рукой и вскоре сети с потерпевших были сняты.

* * *

Выйдя на церковный двор, обе неприятельские компании мирно расположились рядышком и принялись подсчитывать потери.

Кондрат, Матвей и Алёнка провели достаточно много времени в липких паучьих сетях, источавших ядовитый одурманивающий запах и потому лежали на грязно-чёрной земле совершенно без сил. Лица у них стали бледного зеленоватого оттенка, и кончики пальцев заметно дрожали не в силах сдержать охватившую всё тело слабость.

Не лучше выглядел и неприятельский воин толстоватый увалень Антошка, сражённый Епишкиной огнянкой и пролежавший в тесной яме всё время сражения рядом с

пленённым Кондратом.

Остальные не ощутили на себе прикосновения ядовитых снарядов, но их неунывающие физиономии носили явные следы былого сражения.

У предводителя заречных жителей крепкого, словно сбитого из единого куска камня Емельки вся левая щека была исполосована острыми Лизанькиными ноготками. Два его брата Никита и Афоня утирали мокрой тряпицей кровь с разбитых Андрейкиными кулаками носов и бровей.

Виктор сидел, лениво перекидывая с ладошки на ладошку свой боевой трофей, с любопытством поглядывая на своих недавних врагов.

Невысокого роста, но гораздо более широкие в плечах, чем Летава они имели очень густые волосы русого оттенка, низко растущие надо лбом. По виду эти крепыши казались существами злобными лишёнными всяческих светлых эмоций и добрых чувств. И для Виктора было большой неожиданностью увидеть, как низенький Антошка косолапо проковылял к бледной и унылой Алёнке и осторожно оттёр ей широкой ладонью запачканный пылью лоб. Алёнка благодарно улыбнулась ему в ответ, и они заговорили о чём-то тихо, и голос Антошкин звучал на удивление нежно.

— Ухаживает! — презрительно зашептал подсевший к Виктору Епишка, — у них, у Пауков этих, на затылке, знаешь, ещё глаза есть! Они могут не поворачиваясь, назад смотреть!

Уставший Виктор даже не подумал усомниться в Епишкиных словах. За этот день мальчик такого навидался, что если бы вдруг кто из его новых знакомых внезапно превратился бы в змея о трёх головах, навряд ли такая метаморфоза поразила бы Виктора. Мальчик почувствовал лишь, что он очень голоден, да и воспоминания о доме и возможно скором наказании, если обнаружиться его исчезновение, предстали перед ним со всей очевидностью, и Виктор заторопился домой.

Остальные также не стали задерживаться и вскоре вся компания и друзья, и враги вместе вышагивали по склону холма к одиноко стоящему дубу, поддерживая пострадавших в битве товарищей. По дороге Летава подобрали свои серые хламиды и, накинув их на плечи, вновь превратились в маленьких невзрачных горбунов уверенно и деловито спешащих домой.

Глава 7
Морок

Не дождался Дмитрий Степанович помощи от друга своего статского советника Александра Матвеевича Острового! А не дождался, потому что друг его любезный Александр Матвеевич так никогда и не узнал, что же случилось тем жарким летом в глухой деревушке с весёлым и солнечным названием — Полянка, затерянной меж холмов да среди дремучих лесов!

А случилось-то вот что…

Незадолго до полудня вся семья (как и велено было!) находилась дома. Дарья Платоновна оставив шитьё, спустилась в кухню распорядиться насчёт обеда. Николенька сидел в кабинете отца, увлёкшись интересною книгою, а сам Дмитрий Степанович расположился поодаль за большим письменным столом, делая вид, что проверяет расход (что впрочем, и на самом деле пытался делать вполне искренно). Но мысли его были далеко, и он всё чутко прислушивался к малейшим шорохам и время от времени, горестно вздыхая, тревожно вглядывался в окно.

Несмотря на ежесекундное ожидание, хлопнувшая внизу парадная дверь напугала Перегудова. Он отложил перо, побледнел и сорвавшимся голосом спросил, обращаясь к Николеньке:

— Что там? Кто?! — и тут же остановил рукою с готовностью вскочившего сына, — да сиди уж! Я сам!

Дмитрий Степанович побежал вприпрыжку вниз, нелепо тряся отвисшими щёками и, враз растеряв весь свой представительный вид. Спустившись с лестницы, он остановился отдышаться, хватаясь за сердце и с шумом вдыхая воздух. Постояв и успокоив дыхание, Перегудов стараясь придать лицу, грозное выражение двинулся в переднюю. Навстречу ему, поспешая, вышел дядька Ёра Семёнович. Увидев барина, он открыл, было, рот для доклада, но Перегудов молча сдвинул его в сторону и сам вышел встретить посетителя.

В передней, заложив руки за спину и нервно прохаживаясь вдоль стены, поджидал его управляющий господин Мюллер. Вид его был положительно нездоров. Тёмные круги под воспалёнными глазами, нечёсаные волосы, небрежно спадающие на бледный лоб, губы, поджатые до боли — вот что являл собою обычно такой благодушный, уравновешенный и ухоженный Генрих Карлович!

Завидев Дмитрия Степановича, управляющий резко повернулся к нему, и по военному щёлкнув каблуками, склонил в

молчаливом приветствии голову.

— Беда Дмитрий Степанович! Фёдора, кучера вашего, у Ползучей топи с проломленной головою нашли! Чуть живого сюда везут!

С этими словами всякая надежда Перегудова на то, что прибудет к нему верный товарищ с подмогою, да со всякими чиновными людьми разбираться в беззаконии, что творится вокруг, рухнула в один миг! В глазах его помутилось от слабости, ноги Перегудова подкосились, и обессиленный бессонною ночью и тревожным ожиданием он судорожно ухватился рукою за дверной косяк. Взволнованный Генрих Карлович подбежал к нему, стараясь усадить в кресло, но, собирая остатки сил, Дмитрий Степанович отклонил решительно всяческую помощь со стороны изменника, и уселся сам, широко расставив ноги и тяжело дыша.

— Отколь? — прохрипел Перегудов, цепляясь за последнюю надежду.

Господин Мюллер вопросительно вскинул подбородок.

— Отколь ехал? Отсюда ли — или уж обратно? — повторил Дмитрий Степанович свой вопрос.

— Вам, верно, интересно выполнил ли Фёдор ваше поручение, — невесело усмехнулся управляющий, — думаю, что нет. Это нашли при нём, извольте взглянуть.

И господин Мюллер протянул Дмитрию Степановичу им же запечатанный конверт с собственноручною пометкой — Его превосходительству Островому Александру Матвеевичу.

Морщась, словно от боли, дрожащей рукой Перегудов забрал послание. Тысячи мыслей вихрем проносились в его бедной голове. Один! Совсем один! И ведь дети здесь, жена! Как защитить, охранить как!? Самому ехать? Куда?! Как?! Невозможно!

В переднюю решительно ворвалась взволнованная Дарья Платоновна.

— Да что же это твориться-то, батюшка!? — с негодованием всплеснула она руками, — вчерась смертоубийство, ноне разбой! Извольте-ка отвечать, господин хороший, — накинулась она на Генриха Карловича, — вы здесь в управление поставлены! Стало быть, вы и за порядком следить обязаны! Это по какой же такой причине, здесь эдакое лиходейство творится?! А ну-ка! — она энергично ткнула совершенно ошеломлённого господина Мюллера пухлым пальчиком в грудь, — где пристав?! Отчего разбойников по сию пору никто не ищет?! Сей же час извольте собрать людей, да велеть прочесать все окрестности! Всех, кто по какой надобности из дому ночью отлучался тот час же привести

ко мне — для допросу!

Уперев в круглые бока маленькие крепкие ручки, она воинственно оглядела мужчин из-под спущенных на нос очков.

Если управляющий и был совершенно подавлен бурным натиском энергичной старушки, то Дмитрий Степанович напротив — успокоился.

Что же это я право разнюнился, — подумалось ему, — надо действовать! Найти надобно злодея! А Дарья-то Платоновна какова! Ишь, разбушевалась-то, ровно молодая! Окончательно взяв себя в руки, Перегудов легко поднялся на ноги (только внутри кольнуло слегка неуспокоенное сердце) и привычно пристукнул рукой по подвернувшейся шляпной стойке.

— Успокойтесь-ка Дарья Платоновна! Да и людей успокойте — нечего страху-то напущать! Свалился Фёдор спьяну с лошади — вы крик-то и подняли! Вас, — он внимательно и грозно глянул на господина Мюллера, — прошу обождать здесь. Как позовут — следуйте ко мне в кабинет!

И, придерживая супругу за круглый локоток, вышел из передней. Проходя мимо гостиной не удержавшись, спросил шепотком, щекоча ей усами ухо:

— И как же вы Дарья Платоновна, допрос-то собирались вести с пристрастием али без?

* * *

Новость о новом несчастье с быстротою молнии облетела весь дом. Не в силах более оставаться в бездействии Николенька выскользнул на улицу с чёрного хода и направился в людскую, надеясь расспросить несчастного кучера о его злоключениях.

Но в людской ему сказали, что Фёдор плох и в себя не приходит. Огорчённый, Николенька принялся бродить возле усадьбы, размышляя о загадочных происшествиях.

Вскоре он заприметил деревенских баб, бредущих рядом с молочной подводой. Среди них Николенька разглядел свою вчерашнюю знакомую и, дождавшись, когда та взглянет в его сторону, призывно махнул ей рукой. Его жест не остался незамеченным. Смущённо оглянувшись и сердито что-то ответив на колкости своих подруг, девушка подошла к Николаю. Взгляд её небесно-синих глаз был неласков.

— Вольно же вам, барин, на глазах у всех меня ровно собачонку подзывать! Говорите чего надо, да пойду я!

— Не сердись, Дарёнка! — ласково произнёс Николенька, — я спросить у тебя хотел, слыхала ль ты, что с Фёдором давеча

приключилось?

Дарёнка с готовностью кивнула головой.

— Да как же не слыхать, барин! Вся деревня об этом только и говорит!

— Отец сказывает, что он с лошади пьяный упал, — с ноткой сомнения произнёс Николай.

— С лошади! — презрительно воскликнула Дарёнка, — да я вам барин вот что скажу! Вы сейчас к дому управляющего ступайте, а я от своих-то отстану и тем же часом к вам подойду. Я вас с бабкою Пелагеей сведу! Уж она вам расскажет кое-что! Со мной-то она не больно разговаривает, а вам не откажет — не посмеет!

Николай тот час согласился на встречу. Проворно перепрыгивая через низенькую живую ограду, он размышлял так: Уж не знаю, чего там бабка Пелагея расскажет, а вот вы то барышня Дарёнка, ох, и презагадочное существо! И неизвестно что привлекало Николеньку Перегудова больше, выйти на след таинственного разбойника или разгадать причину весьма необычного поведения деревенской красавицы.

Вскоре Николенька оказался возле домика управляющего. Никого не увидев поблизости, он присел в ожидании на грубо сколоченную деревянную скамейку под старой раскидистой яблоней. Немного погодя появилась Дарёнка. Она вела под руку бабку Пелагею, что-то горячо ей выговаривая. Старуха согласно кивала головой и брела с нею рядом, едва волоча ноги. Приблизившись к Николеньке, старуха склонилась в поклоне, поглядывая снизу на смущённо вскочившего молодого человека и щуря подслеповатые маленькие глазки.

— Вот, бабушка, — громко сказала ей Дарёна, — это барин наш, Николай Дмитриевич, ты ему про Антипа расскажи!

Николай недоумённо вздёрнул брови. Ни про какого Антипа он спрашивать не собирался! Но старушка, печально вздыхая, уже усаживалась на скамейку подле него.

— Расскажу, батюшка, отчего же не рассказать, — растирая скрюченные старческие пальцы, проговорила она осипшим голосом.

— Давно бы надо правду-то вам знать, так этот… — она презрительно мотнула головой в сторону домика господина Мюллера, — и слушать ничего не хочет! Да и расскажу ему — что он может-то? А ты-то хоть и молоденек, всё же внучёк барыни нашей, стало быть, всё понять должен, во всём разобраться, а коли разберёшься, то и порядок здесь наведёшь!

— Бабушка! — предупреждающе произнесла Дарёна, — он ведь Старой Барыни-то никогда не видел. Не знает он ничего! О

пришельниках не знает!

— А ты-то уж, небось, и умыкнуть его хотела, егоза? — добродушно усмехнулась старуха, чем вызвала страшное смущение девушки.

— Ничего! — старуха кряхтя привалилась спиной к яблоневому стволу, — коли он Перегудов, так быть ему здесь Видящим. А правду узнавать когда-то уж надо! Так вот и начнём…

Старуха пожевала сморщенными бесцветными губами, приготовляясь к рассказу.

— Молодая я тогда была, вот вроде как Дарёнка и такая же красивая, да пожалуй, что и красивее! Парни-то за мной табунами ходили, да только я всё выбирала — гордая была, что и говорить.

Раз приплыли весной на молотьбу с Верхнеречья мужики, а среди них один черный да смуглявый, увидал меня и как сбрендил: Выходи, — говорит, — красавица за меня, не то жизни себя лишу! Так он говорит, а я всё смеюсь.

Пожили мужики Верхнереченские в Полянке сколь положено, муку смололи, да в город подались, а чернявый-то с ними. Как уехали они, так ни разочку я о нём и не вспоминала. Не глянулся он мне злой да надменный!

Тут как-то ввечеру сидели мы за гумном, всё парни и девки молодые и промеж себя смеялись да калякали. Ваняшка тогда помню, всё на балалайке играл. Весёлый был. Да…

Так вот подсел ко мне в тот вечер Антип — конюхом в барской конюшне служил. Он ужо постарше нас-то был, а всё женихался. Бабы по деревне уж поговаривали, что так он свой век бобылём и проживёт. Да только по другому всё у него сложилось… вот подсел он ко мне и говорит: Ты, — говорит, — Пелагеюшка, словно звёздочка горишь ясная. Я тебя, как только увидал, так уж и знал, что не проживу без тебя. Всё ждал, когда ты подрастёшь, чтоб открыться тебе!

Посмеялась я над ним, как и над прочими своими ухажёрами. А слова-то его ласковые в душу запали. С той поры всё он мне то слово приветное скажет, то ленточку подарит, а я на слова ему смехом, ленточки по ветру пускала — он всё терпел! Ждал.

А однажды ливень такой сильный случился, да затяжной — три дня лил, и плотину что вверх по реке прорвало, так что тут было — страсть! Домов сколько потопило, людей, скотины погибло — такой плачь по деревне стоял, что и не вспоминать бы! Наш дом, да ещё некоторых тоже водою снесло, так мы в шалашах на холме ютились, пожитки кой какие собрали — так и жили. В то время каждый о своём переживал, кто о доме, кто о достатке, а кто и о родных своих, а я всё как полоумная ходила, да Антипа

своего искала. Спросить о нём не могу — гордость одолевает, да и страх берёт — ну как скажут, что погиб! А через неделю вернулся мой Антип. Он с мужиками ходил плотину разрушенную восстанавливать.

Как увидела я его похудевшего, грязного, так с воем ему на шею и кинулась! Он меня обнял и целует всё, целует, а я плачу! Боялась дурочка, что потонул он, а про любовь мою так и не узнал…

В ту же ночь мы с ним далече от других ушли. Всё по лесу гуляли, а Антипушка меня обнимал, да целовал и слова ласковые говорил. И всё то мы с ним нацеловаться не могли, вот уж старуха я, а как вспомню ту ночь, губы милого моего, руки его ласковые, так всё внутри меня и млеет.

Сама я перед Антипом-то тогда разделась! Люби меня Антипушка, — говорила я ему, — за все годы, что ждал ты меня, отплачу тебе своею любовью! Уж не знаю, какая ещё бывает любовь, да только в ту ночь счастливее нас с Антипом и на свете не бывало!

Расстались мы с ним только поутру, и поклялись верность друг другу хранить на веки вечные… да не сдержала я клятву-то, что Антипу обещала!

На следующий день вернулись с городу мужики Верхнереченские. Не все, часть обратно по дороге, по большаку возвращается, но есть которые и по реке. Среди них воздыхатель мой чернявый. Увидал меня и тут же с разговорами: Здравствуй, — говорит, — красавица! А сам бусами передо мною трясёт, платками шёлковыми! Скучал я по тебе, — говорит, — а вот ты вспоминала ли меня? А я ему дерзко так отвечаю: Чего же мне по тебе-то скучать! Чай, уж у меня жених есть! И рукою, глупая, на Антипушку моего показываю.

Посмотрел на него супостат, зыркнул глазищами-то, да так рассмеялся недобро, что сердце у меня захолодело беду чуя.

А ввечеру смотрю я — злодей этот Антипушку моего обнимает, да в лоб его целует, и ласково так ему чтой-то выговаривает. Отозвала я Антипа: Что это, — говорю, — он тебя как покойника в лоб-то целует? А Антипушка радостный такой: Какой, — отвечает, — Пелагеюшка человек хороший, узнал, что свадьба у нас с тобою, всё поздравлял, подарками задарил. Я, право, не брал, да он настоял: Бери, — говорит, — молодая жена станет носить! И бусы показывает, что ухажёр-то мой постылый давеча мне предлагал!

Хотелось мне подарки эти в воду выбросить, да уж больно Антипушка мой счастливый был — всё улыбался!

В тот же день случилось несчастье. Ухажёр-то

Верхнереченский за столом сидя, так вдруг и скончался! И вроде бы ни с того ни с сего! Сидел, разговаривали — и нет человека… в Верхнеречье-то у него родни не водилось, потому его здесь в Полянке и похоронили. И всё бы ничего, не больно кто по нему и убивался, да вот Антипушка мой с того дня захворал!

Целый месяц лежал он не живой и не мёртвый. Сердце всё изболелось глядеть на него! Ничего-то у него не болело, а ходить не мог, говорить не мог. И то словно весь в жару, то зябнет — беда! Думали уж, отходит он. И так я горевала, так убивалась! Да и было мне чего убиваться-то. Знала уж я к тому времени, что ребёночка Антипушкиного в себе ношу!

А как минул месяц, так вот уж чудо-то! Встал мой Антипушка на ноги, как ни в чём не бывало! Как поднялся, так сразу и про свадьбу заговорил. А уж как я была рада-то! Не придётся сыночку моему, без отца-то расти! Да ведь и позор! Рази ж можно без мужа-то родить, так ведь мужики и палками забьют!

Тут же к осени, не откладывая, и свадьбу сыграли…

— Так отчего же бабушка, — прервал старуху Николай, — вы сказывали, что не сдержали слова, данного Антипу?

Старуха помолчала, вспоминая давно минувшее время.

— Ты спрашиваешь, отчего? — она медлила с ответом, словно воспоминания давили её, и всё труднее давался рассказ.

— Открылась я в первую же ночь Антипу про ребёночка-то. Думала, обрадуется он… а вышло-то всё по-другому. Бил меня Антип смертным боем! Бил, да приговаривал: Нагуляла ублюдка, — век не прощу тебя! Уж я молила его, плакала: Как же это, — говорю Антипушка, — ведь это ж твой ребёночек-то.

А он как рассмеётся мне в лицо! И глаза такие страшные-страшные! Вспомнила я тут, где такие-то глаза видала! Ухажёра своего постылого вспомнила! И поняла я тогда — за кого замуж-то вышла. Не Антип это вовсе был! Давно уж Антипушкина-то душа по царствию небесному гуляет, а обвенчалась я со злобным мороком!

Подавленная тяжестью воспоминаний старуха со стоном уронила голову на скрещенные руки, не сдерживая глухие рыдания.

— Бабушка! — Дарёнка кинулась к ней, обнимая за плечи.

Старуха дрожащими пальцами утирала обильные слёзы.

— Сил нету, деточка, про такое говорить! Словно камень давит душу мою. Как пережила я всё это! Как вынесла! — она горестно раскачивалась всем телом, сдавливая заскорузлыми пальцами седые растрёпанные виски.

— Пойду я, барин, — обратила она к потрясённому Николеньке мокрое от слёз морщинистое лицо, — коли нужна

буду, так знаешь где меня искать. А сегодня уж отпусти, стара я стала, тяжко мне былое-то вспоминать!

С трудом поднявшись, бабка Пелагея заковыляла прочь, опираясь на крепкую суковатую палку и сильно сутуля спину.

— Ничего не понимаю, — жалобно протянул Николай, — кто такой морок? Почему Антип оказался и не Антип вовсе? Да и какое отношение имеет этот самый Антип ко вчерашнему убийству и нападению на Фёдора?!

Дарёна не отвечала. Задумчиво склонившись, она наблюдала, как по земле, среди редких травинок, торопясь по своим делам, проползает маленький червячок, из тех, что любят селиться на яблонях. Пробегавшие мимо муравьи мимоходом пытались протаранить червячка, но их было слишком мало, а червячок слишком большой, потому, не обращая на суетливых муравьёв никакого внимания, червячок важно шествовал вперёд по своим червяковым делам.

Дарёнка подставила на его пути тонкую щепку, и червячок немедленно вполз на неё. Потихоньку переворачивая щепку так, чтобы червяк не упал, Дарёнка заставляла беднягу ходить по ней от одного конца к другому, не давая спуститься на землю.

Девушка казалось, так была поглощена своим занятием, что не замечала нетерпеливо-возмущенный взгляд Николеньки. Наконец, когда терпение молодого человека совсем иссякло, девушка вздохнула и подняла на Николеньку бездонные синие глаза.

— У нас в доме кошка жила — Муркой звали. Хорошая кошка, ласковая. Раз на Рождество тятенька порося зарезал, так ливер такой худой был, его кошке и отдали. Она поела, а после и заболела. Завелись у неё в нутре червячки, вот вроде бы этого — она кивнула на своего пленника, озабоченно ползущего по узенькой палочке, — летом-то кошки в таком случае траву едят — лечатся. А зимой где ж её взять? Вот и начали те черви кошку нашу изнутри грызть. Плохо было ей — страсть! Мучилась она бедолага, мучилась, да вскоре и померла!

— Притча интересная, — холодно промолвил Николай, — ну и что?

— А то! Морок — он как тот червь, — она брезгливо смахнула червячка на землю, — в тело человеческое вселяется, и душу грызёт изнутри — изгоняет. Проходит время и душа того человека, в которого морок вселился, покидает его. А морок в чужом теле живёт себе, поживает и никому и невдомёк, что человека то и нет уж вовсе — умер он, а вместо него гадкий червяк — морок! Ты вот думаешь, зачем бабкин-то ухажёр Антипа в лоб целовал? Он через тот поцелуй в душу его проник! И в тот

день, когда…

Николай, уже давно сердито хмуривший брови, решительно поднялся со скамьи.

— Довольно! Покорно благодарю, — сухо и раздражённо промолвил он, — рассказ очень интересен, но из возраста, когда любят слушать страшные сказки, я вышел лет эдак десять назад!

Дарёнкины глаза мигом наполнились слезами.

— Ну почему?! — с болью крикнула она, — почему ты ни во что не веришь?

Но Николай уже шагал по узкой тропинке, направляясь к усадьбе и жалея о напрасно потраченном времени.

— Эй, ты, послушай! — прозвучало ему вслед, — расспроси-ка своего племянника Виктора! Он, пожалуй, поумнее тебя будет! Может он сумеет тебе объяснить!

Бледный от плохо сдерживаемого гнева Николай медленно развернулся в сторону Дарёнки. Увидев его рассерженное лицо, девушка охнула и, подобрав подол длинной юбки, опрометью бросилась прочь!

В сильном раздражении меж тем Николай добрёл до усадьбы. Поднявшись наверх, он хотел, было зайти в кабинет отца, но, услышав там голос господина Мюллера, передумал.

Мимо, что-то озабоченно бормоча и проворно семеня ножками, проходила Дарья Платоновна.

— Ах, Николенька! Что за дела творятся в нашем имении! Из-за всех этих напастей бестолковая стряпуха сожгла обед! Ты можешь себе вообразить — она всё оставила на огне и пошла сплетничать с прислугою! Так всё и сгорело! По второму разу на стол собираем, а время-то уж и к ужину! Кабы сама за всем не проследила, так и вовсе бы остались без обеда! Пойду Витеньку кликну, бедный мальчик зачитался, так уж верно голоден сидит…

— Не беспокойтесь, матушка, — мягко остановил её Николай, — извольте я сам зайду к Виктору и позову его к столу.

— Да уж, пожалуйста, Николя, — благодарно кивнула старушка, — да и сам, смотри! Не запаздывай!

Подойдя к двери, ведущей в комнату Виктора, Николенька дёрнул за ручку, но дверь оказалась запертой изнутри. Николай постучал, но не услышал никакого ответа. Он постучал громче, но в комнате вновь не слышалось ни шороха. Зачитался, — усмехнулся про себя Николай, — спит, небось, как сурок! Он постучал ещё громче и продолжительнее и, наконец, услышал в комнате звуки какого-то движения.

— Иду, — раздался сдавленный голос Виктора, — одну минутку!

В комнате что-то грохнуло, словно уронили тяжёлое, дверь

распахнулась, и перед Николаем предстал запыхавшийся Виктор.

— Отчего не открываешь, — полюбопытствовал Николай, проходя в комнату, — заснул?

— Заснул, — с готовностью подтвердил Виктор, осторожно прикрывая распахнутое окно.

— Матушка обедать зовёт, — скучающим тоном проговорил Николай, оглядывая комнату племянника.

— Правда?! — просиял Виктор.

— Правда, — подтвердил Николай с некоторым удивлением, — но я бы тебе посоветовал для начала умыться. Чем это, братец, от тебя так несёт? Ты что это травою, что ли какой натёрся?

— Это… ну да я — от прыщей! — краснея, проговорил Виктор первое, что пришло ему в голову, — мне мисс Флинт посоветовала!

Ну-ну, — неопределённо промычал Николай, — так ты уж умойся, дружок.

Он лениво приподнял лежащий на кровати том.

— Что книга? Интересна?

— Очень, — промямлил Виктор, с тоской глядя на дядю, не чая, когда же тот оставит его в покое.

— О чём же? — думая всё больше о своём, рассеянно спросил Николай.

— Э-э… о путешествии! Вообще так — о разном…

— Вот как? — Николай посмотрел на обложку. На чёрном фоне крупными красными буквами были выделены слова Паразиты. Виды и способы борьбы.

— Говоришь путешествия? — внимательно глянул на племянника Николай, продолжая листать книгу, — и давно ли ты, братец, врать то научился?

Но попавшему впросак Виктору не пришлось искать оправдания в своей неудачной лжи. Внезапно бросившийся в глаза заголовок заставил Николеньку вмиг забыть о мальчике. Лихорадочно просматривая текст, и не веря глазам своим, он нетерпеливо дал знак Виктору, что бы тот оставил его в покое и обрадованный мальчик тот же час улизнул, не заставляя себя упрашивать.

А увидал Николенька слово знакомое, что не так давно он впервые от бабки Пелагеи услыхал — морок! Возбуждённо водя пальцем по отпечатанным строчкам, юноша прочёл:

Морок

В природе известно существование особей только мужского пола. Рождается морок от отца — морока и обычной человеческой

женщины. Ребёнок рождается беспомощным, не имея ни рук, ни ног и в таком состоянии пребывает до трёх лет.

Отец-морок может иметь за всё время своей жизни только одного ребёнка и потому неустанно следит, чтобы мать не оставляла его ни на миг и все три года вскармливала его своим молоком. Три года хватает ребёнку, чтобы подготовить свой организм к переходу в чужое тело. Как правило, нужное ребёнку-мороку тело поставляет ему его отец. Происходит это посредством так называемого Смертельного поцелуя, к ребёнку-мороку подводят человека, обычно для этих целей берут здорового и крепкого мальчика и под любым предлогом ребёнок-морок целует малыша в лоб, перенося тем самым свою душу в инородное тело.

Спустя некоторое время ненужная телесная оболочка ребёнка-морока погибает, а душа его тем временем пребывая в чужом теле, постепенно вытесняет чужую душу, занимая отвоеванное пространство.

Этот процесс длится около месяца, после чего ребёнок — морок полностью осваивается в чужом теле.

После этого, морок становится особенно опасен. У него появляется способность насаждать части своей паразитирующей души в других людей, оставаясь в прежнем теле, что приводит к полному помутнению рассудка заражённых особей и совершенному подчинению паразиту-мороку.

Обычно это может происходить два или три раза, но особо сильные мороки способны заразить за короткий период времени до пяти человек. Люди, оставаясь в прежнем обличии, полностью переходят во власть морока, но при этом сами мороками не становятся и погибают сразу, как только погибнет заразивший их морок.

Для воспроизведения потомства старое тело становится непригодным и морок вновь выходит на охоту, применяя всё тот же Смертельный поцелуй. Морок уничтожает свою жертву, обновляя свой организм и готовясь тем самым к зачатию ребёнка — морока. Этот период является для морока наиболее благоприятным и единственным для зачатия своего ребёнка.

После рождения очередного ребёнка-морока, морок состарившись, может иметь ещё одно последнее воплощение посредством Смертельного поцелуя.

В этом случае морок, как правило, для своих целей выбирает молодую человеческую взрослую особь, зачастую женщин. После этого позаимствованное тело утрачивает способность к развитию и существует не более двадцати лет, после чего морок окончательно погибает.

Таким образом, после рождения и до смерти морок для поддержания своего существования способен уничтожить от трёх до восьми человек.

Вот что так необыкновенно поразило воображение Николеньки! Так что же это — правда?! — недоумевал молодой человек, привыкший верить печатному слову, и тут же сам одёрнул себя, — да нет, право же чушь!

Одержимый сомнениями Николенька перелистал книгу, надеясь сыскать имя автора. И каково же было его удивление, когда на первой же странице он увидел собственную фамилию — Перегудов! Не веря глазам своим, он прочёл ещё раз, сомнений не оставалось — проф. М.Д. Перегудов значилось на титульном листе необычной книги.

Немедленно желая выяснить, не является ли этот самый Перегудов, каким либо дальним родственником, Николай вихрем ворвался в кабинет отца, и таково было его нетерпение, что, позабыв правила приличия, а вместе с тем необходимость постучать и испросить позволения войти он выпалил прямо с порога:

— Батюшка, не знаете ли вы некоего профессора М.Д. Перегудова?! — потряс Николенька рукою с зажатым в ней томом, — он написал эту книгу и возможно он наш родственник!

Отец недоумённо пожал плечами и ничего не сказал.

За него ответил находившийся там же господин Мюллер.

— Михаил Данилович Перегудов был некогда владельцем этого имения. Что касается родства, то если мне не изменяет память, то он является вашим двоюродным дедушкой э-э-э… в пятом колене! — торжествующе закончил Генрих Карлович.

— Не помню такого, — недовольно пробурчал Дмитрий Степанович, беспокойно ёрзая в кресле.

(Тут надобно заметить, что Николенька, сам того не ведая, своим внезапным вторжением оказал невольную услугу своему отцу и господину Мюллеру. Дело в том, что Дмитрий Степанович вызвал своего управляющего, для того, чтобы самым решительным образом выяснить, что за странные дела творятся в его владениях. Больше всего Дмитрия Степановича волновало, что же замыслили полуночные заговорщики, предводителем коих Перегудов почитал господина Мюллера, и отчего его семья вдруг стала помехою в их без сомнения чёрных делах?

Но начало столь важного разговора Дмитрий Степанович поминутно откладывал, задавая большею частью ненужные вопросы о счетах, затратах и прочих хозяйственных делах.

А всё от невозможности объявить, что зловещий заговор стал

известен ему статскому советнику Дмитрию Степановичу Перегудову посредством постыдного подслушивания, сидя ночью под окном своего управляющего!

И никак не желая в том признаться, Дмитрий Степанович кружил вокруг да около волнующей его темы, всё более сердясь на собственную не решимость.

В свою очередь Генрих Карлович, справедливо опасаясь расспросов об отсутствующем приставе и пропавшем Даниле, мучился необходимостью изыскивать различные оправдания столь долговременной задержки, не ведая, что Дмитрию Степановичу отчасти известны его коварные замыслы.

Потому-то неожиданный приход Николеньки дал возможность обоим сторонам отсрочить неприятные переговоры и собраться с мыслями).

— Не мудрено! — вновь проявил не дюжие познания о родословной Перегудовых Генрих Карлович, — он был младшим сыном Данилы Евграфовича Перегудова, произведённого в дворянство за особые заслуги и которого принято считать родоначальником вашей семьи. Михаил Данилович унаследовал имение и прожил здесь до глубокой старости. Старший же сын Данилы Евграфовича — Александр, ваш прямой предок, поссорился в своё время с Михаилом Даниловичем при неизвестных обстоятельствах и, покидая эти места, поклялся никогда более даже не упоминать имени своего родного брата.

— Чушь, — раздражённо пробурчал Дмитрий Степанович, — вам-то, откуда всё это может быть известно?

— Михаил Данилович был довольно известным учёным, историком и биологом. В конце жизни он написал свои мемуары, в которых имеется подробное описание вашей семьи. Я, прошу прощения, интересовался, знаете ли… читал-с.

— Так, где же они это книги? — заинтересовался Николай.

— А в библиотеке, — охотно откликнулся управляющий. Барыня наша Софья Михайловна последние годы мнительная очень была, всё воров боялась, так папенькины книги велела во флигеле держать, под особой охраною. Впрочем, благодаря такой предусмотрительности книги уцелели от пожара. Когда вы, Дмитрий Степанович, изволили дом здесь поставить, я их в вашу библиотеку снёс, полагая, что они будут вам небезынтересны. Что касаемо сохранности, так Софья Михайловна каталог изволили составить. Так я их прямо по списку вам и снёс. Всё в точности.

— Постой-ка, милейший! — рыкнул гневно Перегудов — старший, — уж не хочешь ли ты сказать, что Софья Михайловна дочь того самого пресловутого Михаила Даниловича?! Так сколько ж ей было лет?!

— В точности так, Ваше превосходительство, — с глубоким вздохом подтвердил управляющий, — годков-то много было ей — это верно, так ведь и папенька её отличался крепким здоровьем и также дожил до глубокой старости, верно уж наследие такое…

— Уж так будто и наследие? — иронично вздёрнул бровь Дмитрий Степанович, — а сходи-ка, Николаша, сыщи нам книжонку эту, — велел он сыну, — любопытно будет взглянуть…

Как только Николенька вышел, Перегудов живо вскочил с кресла и затряс перед лицом перепуганного управляющего крепким, поросшим густым седым волосом кулаком.

— Вот что, душепродавец лукавый! В моём имении произошло убийство, моего кучера ударили чуть не до смерти, а вы со сворой таких же бродяг козни строить за моей спиной вздумали! Да я вас в порошок сотру! Вы что же это голову мне решили заморочить?! Мне — Перегудову, хозяину вашему врать бесстыдно в глаза решились?! Да я вас вот этими руками жизни порешу!

— Прошу вас, Дмитрий Степанович, — умоляюще сложил на груди руки Генрих Карлович, — выслушайте меня! Я прошу только об одном — выслушайте! А уж потом судите, так ли уж я виноват!

В этот самый момент в дверь заглянула донельзя рассерженная Дарья Платоновна.

— Да сколько же можно, господа! Обед уж давно стынет, или уж ужин — не знаю, как и назвать! Генрих Карлович, прошу вас, отобедайте с нами. Вы чай, тоже весь день на ногах. На вас, право же лица нет!

Зол был Перегудов на управляющего! Так зол, что и прибил бы, будь его воля! Да не хотелось супружницу пугать до времени, к тому ж и расспросов Дарьи Платоновны побаивался, ведь изведёт охами да ахами! Поэтому, скрипнув зубами, надменным тоном повторил приглашение Дарьи Платоновны и с виду дружеским жестом, а на деле весьма пребольно ткнул несчастного Генриха Карловича в загривок.

Бедному управляющему ничего не оставалось делать, как оправить потрёпанный сюртук, да согласиться и вся компания под неусыпным взором Дарьи Платоновны дружно вышла в столовую.

Глава 8
Старая Барыня

К вечеру Дмитрий Степанович и господин Мюллер вновь сошлись в библиотеке для решительного разговора.

— Чтобы не быть голословным я захватил с собой некий документ, некоторым образом подтверждающий правоту моих слов. Это — церковная книга в коей с момента возникновения деревни заносятся даты венчания, рождения и смерти жителей Полянки. Вот, прошу заметить, Софья Михайловна Перегудова, год рождения одна тысяча… — Генрих Карлович суетливо раскладывал по столу перед грозно молчащим хозяином старинные бумаги.

— Да, кстати вот и книгу Николай Дмитриевич отыскал, извольте взглянуть: автор М.Д. Перегудов Описание истории моего семейства. Я здесь вот для удобства закладочку заложил, изволите видеть — схема родословной вашей начертанная Михаилом Даниловичем.

Господин Мюллер выложил не стол перед насупившим густые брови Дмитрием Степановичем две книги. Одна из них была достаточно новая, но видно, что не раз читанная, другая, старинный рукописный фолиант, был даже и не книгой вовсе, а скорее журнал, где записи велись разною рукою, десятилетиями занося важнейшие сведения о местном народе.

Не меняя сурового вида и сумрачно вглядываясь в своего управляющего, Дмитрий Степанович с видимой неохотой придвинул к себе старинный потёртый манускрипт. Страницы его были засаленные, ветхие и в некоторых местах буквы с трудом выступали на пожелтевшей бумаге.

Ни слова не говоря, Перегудов нацепил пенсне и принялся изучать древние записи, изредка проводя пальцами по строкам и заглядывая в оба документа одновременно.

Выполненное на развороте книги профессора Перегудова генеалогическое древо заинтересовало Дмитрия Степановича, и он надолго углубился в его изучение, время от времени что-то про себя подсчитывая и записывая пером на отдельном листе писчей бумаги.

Для того чтобы стало ясно, что именно с таким вниманием разглядывал Перегудов, следует изобразить здесь эту занимательную схему полностью.

Данила Евграфович Перегудов

Год рождения 1573
Год смерти 1641
Супруга Анастасия Павловна урожденная Евсюкова
Год рождения — 1596
Год смерти — 1671

Михаил Данилович Перегудов Александр Данилович Перегудов
Год рождения 1615 Год рождения — 1616
Супруга Марфа Васильевна Год смерти — 1668 урожденная Ложкина Супруга Анна Людвиговна год рождения 1621 урожденная Шольц год смерти 1721 Год рождения 1626
Год смерти 1646

Софья Михайловна Перегудова
Год рождения — 1637

Мария Александровна Перегудова Андрей Александрович Перегудов
В замужестве Турковская Год рождения 1646
Год рождения — 1646 Год смерти 1680
Год смерти — 1693 Супруга Аглая Фёдоровна
Супруг Иван Павлович Турковский Урожденная Шубнина
Год рождения 1634 Год рождения 1650
Год смерти 1687 Год смерти 1707

Анна Ивановна Турковская Михаил Андреевич Перегудов
Год рождения — 1664 Год рождения — 1672
Год смерти — 1710 Год смерти — 1745
Супруга Елена Трофимовна
Урожденная Елецкая
Год рождения — 1684
Год смерти — 1756

Фёдор Михайлович Перегудов Александр Михайлович Перегудов
Год рождения — 1709 Год рождения — 1705
Год смерти — 1715 Год смерти — 1762
Супруга Алевтина Никаноровна
Урожденная Соловкова
Год рождения — 1721

Степан Александрович Перегудов
Год рождения — 1738

Супруга Ульяна Никитична
Урожденная Мельникова
Год рождения — 1737

Степан Степанович Перегудов
Год рождения 1761

Далее список заканчивался.

Не может этого быть, — безнадежно думал Дмитрий Степанович, — ведь если верить этим бумагам, то прежняя владелица этого имения умерла в возрасте двести одного года!

Надеясь найти в книге указание на год издания, Перегудов перевернул страницы и на колени ему выпал обычный белый конверт. Конверт был запечатан со всех сторон кругляшами тёмно-коричневого сургуча с оттиском печати изображающим герб дворянского рода Перегудовых. Сверху смутно знакомым подчерком с характерным наклоном влево стояла подпись:

Дмитрию Степановичу Перегудову.

Изумляясь ещё более, Дмитрий Степанович распечатал послание, искоса взглянув на притихшего Генриха Карловича.

Дмитрий Степанович!

Тешу себя мыслью, что ты прочтёшь когда-либо это послание. Ежели это случится, то уж верно смогу я надеется, что дело семьи Перегудовых, коему посвящены силы и помыслы многих поколений наших предков не исчезнет вовеки с моею смертью.

Знаю, любезный мой родственник, что перед тобою встали вопросы на кои ты ищешь и не находишь ответа!

А посему перед тобою сейчас лишь два пути: остановись сейчас, и не читая далее это письмо, уничтожь его, иначе не станет тебе покоя на этой земле! Уезжай из имения и никогда более не возвращайся. Живи, как был, забудь о своих заботах и горестях, и жизнь твоя станет вдвое счастливее прежнего. Имение оставь на попечении управляющего, и лишь об одном прошу тебя — не пытайся его продать!

Второй путь — навсегда поселиться здесь и тогда я поведаю тебе много удивительного и чудесного связанного с этими местами! Для такого выбора и написана вторая часть письма. Но помни! Ничего не даётся просто так и вместе со знанием в твою жизнь войдут страшные опасности и бесконечные тревоги!

Итак…думай! Брось всё и забудь или читай моё послание дальше!

Помедлив лишь секунду, Дмитрий Степанович решительно и бездумно перевернул страницу.

Боюсь, что ты не слишком много времени отдал на раздумье!

Но что ж, выбор сделан! Ежели и повернёшь теперь вспять, ох, как не просто будет тебе вновь начать жить обычной жизнью! Ну, впрочем, не буду более пугать, а начну излагать всё по порядку.

Когда ты был ещё мальчишкой, твой отец служил в N-ском полку на пограничной заставе. И ты, будучи маленьким мальчиком, часто играл с желтолицыми маленькими китайчатами, живущими там же, не смущаясь различием в вашем обличье, языках и обычаях.

Так вот теперь изволь представить, что сейчас ты вновь находишься на границе, где на небольшом клочке земли, на одном её маленьком отрезке сходятся Двери множества миров и немало необычных и даже чуждых человеку существ нашли своё пристанище на земле издревле принадлежащей нашему роду.

Много удивительного ты увидишь в своём имении, но не страшись и не теряйся, ибо ты здесь хозяин и твой долг повелевать всеми здесь живущими мудро и справедливо.

Существа из других миров, что проживают на нашей земле, мы называем пришельниками. По разным причинам они забредают сюда: кто-то не находит в своём мире счастья, кто-то бежит от расправы, кого-то манят наши места, несравнимо прекрасные, ежели ровнять с их бедным унылым краем. Многие живут здесь не одно поколение, но есть и те, что пришли недавно и присмотр за такими должен быть особый, ибо не ведомо какими необычайными для нас способностями могут обладать существа из другого мира.

Из поколения в поколение род Перегудовых хранит эту тайну от всего света, ибо не пришёл ещё тот час, когда народы множества миров смогут жить в дружбе и согласии.

Как правило, старший в нашей семье берёт на себя бразды правления и получает звание — Видящий, но если он отказывается, власть переходит к следующему по старшинству, но отказавшийся вынужден навсегда покинуть эти места, дабы своим присутствием не смущать сложившийся веками устой.

Отношения наши с пришельниками можно сравнить с отношениями между государствами. Мы ведём с иными мирами торговлю, мену, встречаем их послов и направляем своих. Тебе необходимо участвовать в переговорах по различным вопросам, в том числе и проживания на нашей земле и, (не удивляйся!) зачастую отправляем к ним людей из нашего мира, которые хотят остаться там навсегда. Но такие случаи редки и требуют особого внимания и серьёзной подготовки с обеих сторон.

Особливо должна тебя предупредить, что различия нравов, обычаев и взглядов пришельников из разных миров служат поводом для постоянных стычек и столкновений. Твоя

наиглавнейшая задача следить, чтобы подобных инцидентов было, как можно меньше и не в коем случае не допускать военных действий, последствия коих могут быть непредсказуемы!

Не буду утомлять твой разум перечислением всех необыкновенных чудес, что увидишь ты в Полянке, но предуведомляю тебя — будь готов ко всему! Никакие неожиданности не должны застать тебя врасплох!

Ежели ты по сию пору сомневаешься в своём выборе, расскажу тебе о тех благах, что имеет Видящий. Одна из них — не только возможность увидеть воочию необыкновенные миры и восхитительные создания, кои никогда не удавалось видеть простым смертным, но и самому побывать в них! Поверь, любезный мой родственник, нет наслаждения слаще!

Есть ещё множество благ, что будут небесполезны: перемещение в пространстве; видение сущности предмета; долголетие, да и прочие мелочи, с коими ты непременно познакомишься.

Решившись приступить к должности Видящего, помни — ты не один!

У каждого мира есть свой Видящий, вместе они составляют Совет. Наиболее важные, трудно разрешимые задачи решаются Видящими сообща на Общем Совете, куда ты, ежели пожелаешь, вступишь по праву старшего в роду Перегудовых.

Для решения ежедневных и ежечасных задач, тебе необходимы постоянные помощники и они у тебя есть.

Те люди, что помогали мне при жизни, с готовностью помогут и тебе. Помощников у тебя правда не весть сколько, но бог даст, справишься!

Обо всех здешних жителях тебе подробно расскажет твой управляющий господин Мюллер. Он человек честный, педант во всём, что касается его работы и отличный эконом. На его мнение во всех хозяйственных вопросах ты всегда можешь положиться.

Супруга его Анна скрупулезный отчет ведет обо всём, что в деревне происходит. Так что ежели что желаешь узнать, ознакомься с её отчётами — очень поучительно!

Отец Никон, местный священник, человек взбалмошный, но проницательный. Имея сомнения по вопросам политическим, непременно посоветуйся с ним, но всё же окончательное решение принимай исходя из собственных соображений.

Пелагея — человек, пользующийся моим особым доверием. Как тебе не покажется странным, но, тем не менее — она моя сестра! Уж не обессудь, папенька на старости лет согрешил. Но о том знали лишь четверо — мы с Пелагеей, отец и уж конечно мать Пелагеи — крестьянка с Верхнеречья. Теперь уж в живых,

кроме Пелагеи да меня никого не осталось. Да впрочем, ежели ты это послание читаешь, так верно не осталось и меня. Так что тайну эту хранить тебе до самой могилы!

Ты Пелагею жалей. Несчастная она и одна мне родственная душа на всём белом свете!

Живёт ещё в Полянке девушка — дикарка. Она Пелагеина протеже, та любит её, как родную дочь. Говорят, — она ведьма! Да верно так оно и есть. Зовут её Марьей, и живёт она обособленно за околицей в лесу, со своей старой бабкой Агафьей. Особых услуг от неё не жди — дерзка! Но знай, пришельников она не любит и ежели вдруг случиться какая оказия, на её помощь в борьбе с незваными гостями всегда можешь рассчитывать.

Ну, вот, пожалуй, и всё. Более людей в Полянке-то и нет!

К сему прилагаю карту имения нашего, где обозначены места проживания различных пришельников.

И помни — за границы, обозначенные на этой карте пришельники выходить не должны!

Что касается всего остального, то, благоразумно считая, что всего и не перечислишь, что тебе знать надобно, полагаюсь на твой ум, смекалку и помощь твоей семьи.

Засим прощай мой любезный родственник!
Остаюсь твоя
Софья Михайловна Перегудова.

Совершенно ошеломлённый и подавленный Дмитрий Степанович в изнеможении откинулся в кресле. В голове его всё смешалось в невообразимую карусель, словно мозговые извилины весело принялись играть в чехарду!

Безмолвный Генрих Карлович бесшумно сидел в своём углу, вжав голову в плечи и не смея проронить слово.

В дверь заглянула Дарья Платоновна, хотела что-то спросить, но, поглядев на Дмитрия Степановича, передумала и, сокрушённо качая головой, вышла вон.

В коридоре она тут же наткнулась на Николеньку.

— Что-то Николя, батюшка наш сам на себя не похож! А Генрих Карлович-то прямо как вурдалак, какой сидит — бледный, страсть! Что уж они там задумали, бог весть…

Она озабоченно покачала седой головой, задумчиво закусив губу.

— А пойдём-ка мы с тобой дружочек, кабы невзначай, вместе к ним зайдём! А то, вишь всё они одни хлопочут, всё одни! Да ведь и то! Сутки миновали, а пристава-то всё и нет! Да и Данила не объявлялся… пойдём, сыночек, посидим с имя, авось батюшке-

то и полегчает!

Николенька с готовностью согласился, потому, как и сам собирался зайти к отцу.

Зайдя в кабинет, они застали отца семейства в совершеннейшем расстройстве. Уныло теребя обвисший ус, он в задумчивости перечитывал неожиданное послание.

— Здоров ли ты, батюшка, — участливо спросила Дарья Платоновна, подходя ближе и бросая зоркий взгляд на письмо.

— Как будто, — меланхолично отвечал ей Дмитрий Степанович.

— Вы бы, голубчик, отдохнули, а то вишь всё в трудах, да и Генриха Карловича бедного замаяли… негоже так-то! — продолжала меж тем Дарья Платоновна, с любопытством сороки пытаясь разглядеть мелко написанные строки.

Дмитрий Степанович, наконец, заметил её нехитрые уловки и, невесело усмехнувшись, подвинул ей листок.

— Вам верно, матушка, интересно? Так прочтите…

И поманил пальцем Николеньку.

— Поди-ка и ты сюда! Вишь книга-то прадеда твоего, о которой господин Мюллер давеча говорил, взгляни-ка! Прочти! И скажите вы мне оба старому дураку — в своём ли я уме?!

* * *

Долго ошеломленные Дарья Платоновна и Николенька перебирали пожелтевшие страницы книг, перечитывали письмо и потрясённые громко спорили о правдоподобности этаких новостей, горячо переговаривались между собой.

Наконец страсти понемногу улеглись, и вся троица смогла говорить более или менее спокойно.

— Софья Михайловна… Старой барыни почерк, припоминаете, Дмитрий Степанович? Завещание-то эдак же написано! — задумчиво произнесла Дарья Платоновна.

— Да уж надеюсь, что это не подделка! Иначе я бы шутнику!.. — Перегудов грозно взглянул на притихшего управляющего, — хотя… — он безнадёжно махнул рукой, — пожалуй, я был бы и рад узнать, что это чей-то глупый розыгрыш.

Тяжело переваливаясь в кресле, Дмитрий Степанович повернулся всем телом к управляющему:

— Ну, те-с… Генрих Карлович! Ваш как говориться выход! Прошу объяснить, что это за народы такие пришлые здесь проживают, коих вы пришельниками зовёте!

Генрих Карлович собираясь с духом, открыл, было, рот, но в

разговор вмешался Николенька.

— Да будет вам, батюшка неужто и вы в сказки верите? Кто-то здесь нас заморочить хочет, и я даже знаю отчего! Следы преступления пытаются скрыть, отвлечь нас так сказать от главного события — убийство расследовать!

— Верно, Дмитрий Степанович, — поддержала его Дарья Платоновна, — нешто трудно подчерк-то подделать! А уж бред-то, какой понаписан — хоть стой хоть упади!

— А книга! — запальчиво крикнул Генрих Карлович, — ведь в книге явно указывается необыкновенно длительный возраст бывших владельцев имения. Разве это не доказательство, что здесь возможны весьма многие непостижимые вещи!

— Что книга! — пренебрежительно махнула рукой Дарья Платоновна, — уж по всему видать, что в роду Перегудовых не один умалишённый (господи прости!) попадался! Да и…

— Довольно вам, матушка! — с неожиданной обидой прервал её Дмитрий Степанович и повторил, обращаясь к господину Мюллеру:

— Вам слово! Извольте отвечать…

Генрих Карлович оглядел всех присутствующих таким жалостным взглядом, словно заранее упрашивая не подвергать его слова слишком строгому суду! Он глубоко вздохнул и начал свой рассказ.

— Вверх по реке есть сельцо — Берёзовое. В молодости я служил там управляющим у помещика Синцова Гаврилы Тимофеевича. Главным доходным делом в имении Гаврилы Тимофеевича считалось лён выращивать и по осени помещик Синцов отправлял мужиков с доверенным лицом в город — продукт, значит, на фабрику сдавать. Случилось раз и мне отправиться с ними…

На ночь остановились мы, как водиться в Полянке и определили меня на постой в семейство одно в доме, что возле озера стоит. За день-то намаялись мы в пути, так после ужина меня сразу сон сморил, я и уснул, как убитый. Среди ночи вдруг — чу!.. Слышится мне шорох, да будто и пересмех быстрый, как будто вода зажурчала. Поднял я голову-то и вижу — словно тень возле окна мелькнула. Вроде бы и ничего особенного, а на сердце вдруг как-то тревожно стало.

Полежал я эдак, полежал, чувствую — не уснуть мне более. Встал я и к хозяевам моим в горницу заглянул — а хозяев-то и нет! А семейство надо сказать не маленькое и дед с бабкою и детей у них взрослых трое — все с семьями, а уж малышей-то и не счесть и — никого!

Отворил я потихонечку двери и на двор вышел. Вышел,

значит, и стою себе в тени по сторонам посматриваю, да на озеро при полной луне любуюсь. А красота такая — что глаз не отвести! Небо светлое хоть и ночь и звёзд видимо-невидимо. Луна да звёзды озеро освещают, и не понять где небо начинается, а где вода — всё в ярких огнях!

Вдруг — глядь! Посреди озера всплывает, будто чья-то голова и вроде как человечья, а рядом ещё и ещё… а потом как взметнётся вверх всё тело, а следом другое, третье! Такая пошла потеха, что держись! Кувыркнутся в воздухе, да и головой-то опять в воду! Ну, чисто рыбы летучие! Как пошли они стрелами из воды прыгать-то! Хохочут, перекликаются… и всё под луной, под яркими звёздами ночными, только брызги в лунном свете, как бриллианты драгоценные сияют. Жутко мне — страсть! Ведь невидаль нечеловеческая, а глаз отвести не могу — не налюбуюсь.

Долго они так-то по озеру вперегонки друг с дружкою плавали, а потом нырнули все враз, будто испугались чего и пропали. Ждал я, ждал, да так никто и не выплыл, я и пошёл снова в избу. Как лёг на топчан свой — думал не уснуть! Кровь так и кипела от красоты необыкновенной, что в ночи увидел. И плакать и смеяться хотелось, да только сон меня всё одно подкараулил я и задремал.

Проснулся утром не сам — хозяйка разбудила: Вставай, — говорит, — ваши то мужики уже собираются, ехать скоро пора, так хоть поешь с нами, чем бог послал. Вышел я во двор, у них по летнему времени под навесом стол стоит накрытый: молоко в кринке холодное, каравай ржаного хлеба толстыми ломтями порезанный и рыбина варёная, уж такая большая, я такой сроду и не видал! Я как на рыбину-то глянул, так сразу про ночной случай вспомнил. Хотел, было, спросить у хозяев, да постеснялся — вдруг на смех подымут?

Сел помолясь, а хозяйка к столу блинки горячие, прямо с печи подаёт. Тут я глянул ей на руки-то — и обмер! Промеж пальцев-то у неё кожа, прямо как у лягушки! Она взгляд-то мой перехватила, нахмурилась и руки сразу длинным рукавом прикрыла. А мне после и кусок в горло нейдёт! Сижу я, а сам примечаю, подбежал к столу ребятёнок, хвать со стола-то блинок, а руки у него тоже как у лягушонка, волосы мокрые, а от самого тиной пахнет! Мать его всё видит, рассердилась пуще, да вгорячах дала ему затрещину, он с рёвом и убежал.

А я то уж сижу, ни жив, ни мёртв! Понял я тогда, где мои хозяева-то ночью были и кто в озере, словно русалки какие плескался! И так мне стало нехорошо от этой моей понятливости, ведь чёрт — те их знает, что за народ! На православных жителей

не больно-то похожи они своим обличьем! Доел блин-то кое-как, распрощался, да и — ходу!

Не успел я и до мельницы дойти, где челноки наши стояли, догоняет меня экономка барыни Софьи Михайловны — Пелагея. Это она сейчас старуха, а тогда ещё молодая была, расторопная. Прошу вас, — говорит, — отчего же не зашли вы к нам! Барыню обидели… Чай вы не крестьянин у мужика-то в курной избе ночевать! Уж прошу покорно зайти к нам, поздороваться, да и Софье Михайловне приятно будет с грамотным-то человеком поговорить! Подивился я тогда, ведь человек-то я маленький, откуда уж барыне и знать-то про меня! Но отказать не посмел — пошёл.

Повела меня Пелагея прямиком в барскую усадьбу, а там, на крылечке уж старая барыня собственною персоной стоит, да и верно — меня поджидает! Увидала нас и давай пенять: Что же это вы, голубчик Генрих Карлович, дом мой минуете! Нехорошо! Чай зашли бы, посидели со старухой. Ведь мы с вами знакомцы, вы же у друга моего старинного служите! Как же, как же! Ведь мы же помниться встречались! И рукою меня ласково так и настойчиво в дом подталкивает. А я ей отвечаю, что, мол, премного благодарен и всё такое, да только не упомню я нашей встречи! Уж верно она и спутала меня с кем! А она смеётся: Да это, — говорит, — и неважно, главное, что нынче мы встретились! Завела в свой кабинет, там уж стол стоит накрытый. Закуски различные, говядина холодная, пирожки, малюсенькие такие, помню, с рыбой и с капустою, грибочки солёные, зелень разная и четвертиночка, значит, водки стоит в графинчике запотелом — только с холоду!

Софья Михайловна к столу меня пригласила и рюмочку самолично поднесла. Я ей возражаю: Не пью-де, не приучен-с. А она мне эдак с усмешечкой: А ты лучше выпей, голубчик, глядишь, и разговор у нас легче пойдёт. Выпил я рюмку, закусываю, а она меня тут и спрашивает: Как, — говорит, — ночь ночевали, милейший Генрих Карлович? Не беспокоил ли кто? И уж тут, то ли водка мне язык развязала, то ли ещё что, да только я ей возьми, да про ночное-то происшествие и расскажи! Всё как есть, на духу выложил! И что народ-де у ней в деревне странный живёт — ночь напролёт в озере словно рыбы, какие под водою плавают! И обличием как есть чудные, промеж пальцев-то у них — перепонки лягушачьи! Всё рассказал, о чём сам себе зарок дал помалкивать! И ещё рюмку-то со стола — хвать!

Ну, тут она головою покивала согласно, повздыхала и говорит: Вы голубчик тайну страшную открыли, и за то видно придётся мне вас в подвал посадить каменный, чтобы не выдали — навсегда… Мне-то и невдомёк, шутит она или всерьёз? Ну и

отвечаю ей, осмелел опосля водки-то выпитой: Да уж, — говорю, — матушка, сажайте хоть в мешок, да в воду с камнем на шее, а только расскажите, откуда такие чудо — рыбы любопытные у вас проживают?! Страсть, как узнать охота! А она пытливо так на меня посмотрела и отвечает: Нешто так чудесное-то манит — что хоть в воду? Я только головою мотнул, слов от волнения не стало, а уж после и отвечаю: Манит, матушка, наскучила жизнь-то обыкновенная. Интереса я в жизни ищу — чтоб один день на день другой был не похож!

Посмеялась она и о чём-то другом заговорила. А как уходить мне пришла пора, так она мне вдруг и сказывает: А что, Генрих Карлович, — поступай-ка ко мне на службу! Жалованье хорошее положу — не обижу. Да и работа у меня интересная, скучать не станешь!

Хоть и в мыслях у меня до того не было от Гаврилы Тимофеевича уйти, но глянул я на старую-то барыню, а сердце моё и ёкнуло — соглашайся-ка парень! Почуяло оно сердечко-то, что здесь судьба моя, а от неё правду говорят — не уйти! Да и то сказать, словечко барыней оброненное про каменный-то подвал в душу страхом заронилось — и не зря! Слов Софья Михайловна на ветер не бросала…

* * *

— Ну а люди-то! — жадно поедая глазами управляющего во время всего рассказа, воскликнул Николай, — что ж за люди то были, что посередь ночи в озере, как русалки плавали?!

— Люди-то? — недоуменно взглянул на него господин Мюллер, — ах, эти… так то озёрные жители — водяные. Да вон их дома — прямо насупротив вашей усадьбы, за озером у подножия холма.

— И что же, вправду они эдак к воде-то приспособлены, что у них промеж пальцев кожа? — изумилась Дарья Платоновна.

— Правда, — подтвердил Генрих Карлович, — они этим озером-то и живут. Зимой же больше спят, словно медведи, так почти и не выходят. Ленивый народец…

Все замолчали, задумавшись каждый о своих мыслях, словно иссякли всякие вопросы. Но это было конечно не так, просто каждому надобно было время обдумать и осознать, как в одночасье самым необыкновенным образом изменилась вся их такая до сего дня обычная жизнь!

В наступившей тишине бой часов, висевших на стене над

головою Дмитрия Степановича, напугал всех чуть не до икоты.

— Батюшки! — всполошилась Дарья Платоновна, — да время-то уже за полночь! Ну, господа, я предлагаю сейчас же всем лечь спать. Спать, спать! — прикрикнула она на Николеньку, который пытался, было, ей возразить, — завтра будет день, тогда и поговорим!

— Да уж, — пробурчал Дмитрий Степанович, — разговоров нам теперь до Рождества Христова хватит! Ну, коли так, верно матушка говорит — пора и отдохнуть. Вы-то как, Генрих Карлович? Не боязно ночью домой-то одному идти? А то бы остались!

— Не волнуйтесь за меня, — слабо улыбнулся управляющий, — идти мне недалече, да я и не боюсь, знаете ли.

— Ну, так и с богом, — торопливо проговорила Дарья Платоновна, побоявшись, что супруг вызовется проводить господина Мюллера до дома (нечего по ночам-то разгуливать!), — спокойной ночи вам Генрих Карлович, а завтра, стало быть, и поговорим…

Все раскланялись с исключительной вежливостью, после чего каждый направился в свою сторону.

Глава 9
День четвёртый. Пришельники

С утра Виктор долго размышлял над тем как бы ему вновь из дому незаметно ускользнуть. Фокус с чтением увлекательной книги он решил более не повторять, ну как дядя Николай уличит его во лжи! С дядей, Виктор связываться не любил. Тот был хоть и молодой, да вредный! Нравилось ему представлять из себя человека взрослого, умудрённого жизнью, и оттого временами бывал дядя Николя, просто не выносим, поучая всякого, кто помладше.

Отпроситься по-простому, нечего было и думать, суматоха в доме стояла пуще прежнего! Бабушка Дарья Платоновна по дому ходила с видом заговорщицы и на все вопросы отвечала туманно и всё как-то невпопад. Обычно всегда находивший для внуков хоть минутку свободного времени дед Дмитрий Степанович и вовсе отмахивался сердито, когда к нему подступали с разговорами, и весь завтрак просидел молча, погружённый в свои думы и ни с кем не общаясь.

Потому-то Виктор и решил попросту удрать, никого не ставя в известность и ничего не докладывая. Хоть на пару часиков добегу до развалин, — рассуждал он, — авось никто и не хватиться!

Он и не подозревал, что его преступные намерения вовсе не остались незамеченными.

Николенька Перегудов с утра был полон решимости, разобраться во всех тайнах и преступлениях, совершённых в деревне. Шутка ли, он ведь здесь с отцом не просто крестьянскими дворами заправляет, а диковинными созданиями руководит, которых более никто во всём мире не видал! Тут уж каждую секунду надобно быть начеку!

Неожиданно припомнилась девушка Дарёнка. К какому же она принадлежит роду — племени? Неужто тоже, к каким ни то тварям нездешним? От такой мысли Николеньке сразу стало грустно, но, размышляя о девушке, он вдруг вспомнил её слова: Расспроси-ка своего племянника Виктора! Может он сумеет тебе объяснить! Произошедшие события убедили недоверчивого юношу, что к самому необычному явлению здесь в Полянке следует относиться с уважением и прежде чем усомниться в чём-либо следует всё тщательно проверить. Потому Николай решил осторожно выпытать у пронырливого мальчишки, что ему известно о жителях загадочной деревни.

Во время завтрака Николенька всё приглядывался к племяннику и потому заметил его преступные приготовления к побегу. Никому ни говоря, ни слова Николай решил проследить за Виктором и при удобном моменте прижать его, что называется к стене, дабы мальчику ничего не оставалось, как рассказать всё, что он знал.

Покинув стол, Виктор попросил дозволения поиграть на лужайке возле дома и, получив согласие деда, сразу же умчался прочь. Николенька выбежал следом за ним, но шустрого мальчишки уж и след простыл!

Досадуя на свою нерасторопность, Николай двинулся на поиски Виктора наугад и вскоре вышел к сельской церквушке. Не увидав никого поблизости, он подошёл к открытым дверям и заглянул внутрь. После духоты знойного летнего дня в церкви стояла приятная прохлада, и Николенька решил пройтись по божьему храму, осматривая иконописные картины и росписи на стенах и потолке.

Перебегая глазами по старинным росписям, Николай задержал свой взгляд на одной картине, поразившей его своим необычным видом. На первый взгляд сюжет был не нов. На переднем плане изображение молодой женщины с ребёнком на руках. Можно было подумать, что это портрет божьей матери, но черты лица женщины и ребёнка были столь необычны, что Николенька тотчас отмёл это предположение.

Взгляд женских чёрных глаз был пронзителен и суров, казалось, глубоко в глазницах полыхало неугасимое пламя, пожиравшее её изнутри. Нахмуренные брови сошлись на переносице чёрными надломленными стрелами. Длинный крючковатый нос хищно вздымался над тонкими поджатыми в горькой усмешке губами.

Ребёнок, лежащий на её руках был ей под стать. Смуглый и темноглазый с чёрными прямыми волосами и недоверчивым выражением маленького узкого личика, он цепко держал женщину худенькими загорелыми ручками за ворот платья.

Но более всего Николеньку поразил пейзаж позади женской фигуры. Острые, как пики скалы серо-белого и тёмного почти чёрного тона устремили свои вершины вверх пронзая, своими остриями небо свинцового цвета. Тусклое солнце едва пробивало жалкими лучами тяжёлую небесную твердь и в его сумрачном свете между причудливого нагромождения скал метались огромные чёрные птицы. Внизу, у самого подножия горной гряды неслась узкая и быстрая река, бешено и стремительно перекатывая короткие холодные волны через раскинутые повсюду обломки скал. Редкие деревья с толстыми короткими стволами

самой фантастической формы росли по берегам неласковой речки, выпустив наружу огромные белые корни, словно на поиски клочка земли не загроможденного камнями…

С трудом, отведя глаза от странно притягательного изображения, Николай посмотрел в сторону и тут же неприятный холод пронзил всё его тело.

Рядом с тем местом, где молодой человек столь долго рассматривал необычную картину, на небольшом возвышении стоял маленький деревянный гроб, сколоченный из некрашеных грубо оструганных досок. Николенька невольно вздрогнул и, превозмогая охватившую его робость, взглянул со странным любопытством на бледное и неподвижное лицо мертвеца.

В гробу лежал мёртвый мальчик. Да это же Макар! — мелькнуло в голове у Николеньки, — верно сегодня похороны! Глаза у мальчика были открыты и Николай, не выдержав неприятного зрелища, поспешно отвернулся и тут же лицом к лицу столкнулся с неслышно подкравшимся отцом Никоном.

Приметив невольный испуг юноши, отец Никон ощерил в ехидной улыбке мелкие острые зубы.

— Интересуетесь, Николай Дмитриевич? — проворковал он вкрадчивым голоском, — али так в прохладе божьего храма отдохнуть решили?

— Да я, собственно, племянника искал — Виктора, — растерянно пробормотал Николенька.

— В церкви? — уточнил отец Никон, удивлённо вздёрнув вверх реденькие бровки, — однако… не забредал, нет-с не видел, да и то вишь — похороны у нас! Дело скорбное!..

— Отец Никон! — внезапно решившись, спросил Николай, — мы с отцом давеча письмо читали Софьей Михайловной написанное, так должен вам сказать, что мне многое известно!

— Ну, так что ж, — охотно поддержал беседу отец Никон, — уж я и знаю, что известно! Заходил ко мне Генрих-то Карлович, рассказывали-с…

— Тогда скажите, отец Никон, — Николай тронул юркого попика за рукав, — что вы думаете об этом преступлении, — он показал глазами на гроб с телом погибшего Макара, — ведь вы здесь всю жизнь живёте, знаете каждого жителя! Так кому же мог помешать мальчик?!

Отец Никон искоса глянул на Николеньку быстрым прищуренным глазом.

— Да что ж тут скажешь-то, барин? Кабы было всё так просто, я б ответил, что заезжий супостат был! Нет у нас в деревне таких окаянных тварей, что ребятёнка могли сгубить! Да вишь дело-то и вовсе непростое!..

Он приблизил свои губы к уху Николая и прошептал тревожно оглядываясь:

— Макар-то сгорел шесть лет назад в доме Старой Барыни!

Выговорив эту фразу, он, тотчас пригнувшись, отскочил от Николеньки в сторону, и смешно приподняв при этом руки, словно ждал удара за такие дерзкие слова.

— Так значит это не Макар? — недоумённо спросил Николай.

— Макар, — с готовностью подтвердил отец Никон, делая новый скачок, теперь уже в сторону Николеньки, — истинный крест — Макар и есть!

Он почесал заскорузлыми пальцами рыжеватую бородёнку, выдвинув вперёд нижнюю челюсть и бегая глазами во все стороны.

Николеньке его гримасы показались сродни ужимкам шимпанзе, и были крайне неприятны. Превозмогая раздражение, он спросил ещё раз, уточняя:

— Так всё же? Как это может быть Макар, ежели он сгорел? Или не сгорел? — придав лицу проницательное выражение, Николай строго глянул на отца Никона.

— И-и-и, голубчик! — нежно пропел отец Никон, — да кабы мне знать! Сгорел Макарушка-то, али не сгорел, теперь поди — узнай! Вроде как бы и сгорел, а вроде бы вона он — ножом злодейским убиенный лежит!

Он вновь приблизил свои губы к Николенькиному уху, невольно понуждая того пригнуться.

— Ведь словно и годов для него не было, для Макарушки-то! Каким в огонь ушёл, таким и вернулся через шесть-то лет! Ровня-то его уже, глянь — взрослые мужики, а он как мальчонкой был, так и остался! Вроде как ангелом на земле-то возродился! Вона как! А коли ангела-то истребить решились, так, стало быть, и конец света грядёт! Прости господи, душу грешную мою!

Ошеломлённый Николай с оторопью взирал на истово крестящегося отца Никона.

— Ангел? — туповато переспросил Николенька.

— Истинно так! — с жаром кивнул головой священник, — ангел небесный сошёл на землю, приняв облик заживо сожженного раба божьего Макара! Видно весть благую нёс он людям, да только грешны мы и грехи наши тяжки! — отец Никон вновь перекрестился, воздев очи к небу, и торжественно закончил, — не донёс!

Мысленно покрутив пальцем у виска, Николенька сдержанно распрощался и поспешил прочь.

За порогом церкви его вновь обдало палящим жарким зноем. Николай хотел, было, продолжить поиски пропавшего

племянника, но новая мысль заставила его вернуться назад в церковь.

* * *

Тем временем Виктор, благополучно избежавший преследования, беззаботно вышагивал с верным другом Матвеем по направлению к развалинам старой господской усадьбы. При этом друзья, не теряя времени даром, вели весьма занимательный разговор.

— Что же это, выходит Кондрат украл это Зеркало? — перепрыгивая через ствол упавшего дерева, который раз спрашивал Виктор у своего спутника.

— Да не крал он его! — терпеливо объяснял его товарищ, — какая же это кража, если он после вернуть хотел!

— Отчего же не вернул?

— Так говорю же — некому было! В ту ночь пожар случился, в нём Старая Барыня и погибла! Кому возвращать-то?

— Ну не зна-аю… Управляющему бы отдал — господину Мюллеру!

— Да мы спервоначалу хотели… только знаешь он какой, Генрих Карлович-то! Как начнёт пытать, что? Да, почему? Опять же слухи нехорошие про тот пожар ходили, поговаривали, что никакой не пожар это вовсе, а поджог! А тут мы с Зеркалом! Здоровья вам, уважаемые селяне, вчерась тута был пожар, а сегодня у нас зеркальце Старой Барыни случайно, оказалось! — глумливо проговорил Матвей, — нет, Витьша, ежели бы мы хоть заикнулись тогда об этом — несдобровать бы нам!

— А как вы догадались, что с помощью Зеркала можно в Отражение выйти?

— Так мы об этом и доселе знали! Раньше у нас в деревне изба стояла — холодная, для тех, кто порядок нарушал. А потом Старая Барыня удумала нарушителей в Отражение отправлять! Побродит там, какой ослушник день другой промеж пустых домов — волком от тоски взвоет! Небось, не станет больше безобразничать!

— Постой! — внезапно остановился Виктор, — так значит теперь всё?! Конец?! Не будет больше никакой войны с Пауками? В Отражение то не попасть, коли Зеркало назад отдадим!

Тут Матвей хитро скосил свои круглые, немигающие глаза.

— Отчего же не попасть? Попасть завсегда можно! Зеркало оно, знаешь ли, с загадками! Да только Кондрат не зря столько времени Зеркало у себя держал, он у нас голова! Многие загадки

разгадать сумел! И вот до чего додумался: путь в Отражение навсегда сохранить можно, если проложить его через такое место, где более трёх раз пересекутся лучи отражённые от Зеркала Сути. Помнишь Старый Дуб, через который мы в Отражение попали?

Виктор с готовностью кивнул.

— Так вот оно то место и есть! Теперь во всякое время, как захочешь в Отражение попасть, полезай себе в дупло Старого Дуба и вмиг в Отражении окажешься. Захочется обратно — возвращайся той же дорогой, вот тебе и весь секрет! Взрослые-то навряд в дупло, за какой надобностью полезут, да и не больно кто и ходит к развалинам-то! Только ребятня ту дорогу знает, а уж мы будем помалкивать — будь спокоен!

Тут надо сказать, что Виктора этакое известие несказанно обрадовало. Да и шутка ли! Перед угрозой навсегда лишиться такого удовольствия, как война с пауками в Отражённом мире, Виктор, пожалуй, отступил бы от моральных принципов и оставил себе незаконно присвоенное Зеркало!

Наконец друзья подошли к развалинам. Ставший привычным запах гари защекотал ноздри Матвея и тот приглушённо чихнул. Не долго думая Виктор ткнул товарища в спину, да так, что тот упал на землю. Виктор мешком свалился рядом с ним, напряжённо вглядываясь сквозь высокую зелень, на разрушенные стены.

— Ты чего? — обиженно прошептал Матвей, тараща на Виктора круглые глаза.

В ответ мальчик прижал палец к губам, призывая к молчанию. Они лежали, притихнув в густой траве, и вскоре явственно услышали глухие заунывные звуки. Переглянувшись, друзья, не сговариваясь, поползли к кирпичной осыпавшейся стене, служившей когда-то фасадом господского дома. Осторожно ступая вдоль закоптелой стены, мальчики увидели проломленное отверстие невысоко от земли и, подтянувшись на руках, одновременно заглянули внутрь.

Посередине комнаты с обгорелым, обвалившимся полом сидел человек в белой, рваной рубахе, покрытой коричневыми пятнами и глухо стеная, бился головой о стену. Косые тени от чёрных закопченных балок на верху и полуразрушенной крыши не позволяли, как следует разглядеть лицо страдальца. Однако вскоре он поднялся с колен, и слепо перебирая руками, двинулся в сторону от того места, где, затаив дыхание, сидели мальчики, с каждым неверным шагом рискуя провалиться сквозь обгорелые доски, бывшие когда-то полом. Не доходя до выхода, он медленно развернул голову и его опухшее от слёз лицо мягко осветил луч ласкового летнего солнца. Дети тотчас узнали добродушного

увальня Данилу, сына мельника Захара. Виктор даже думал окликнуть его, но Матвей тревожно мотнул головой и Виктор смолчал. Недоумённо переглядываясь, мальчики бесшумно сползли по стене и юркими ящерицами скользнули от страшных развалин проч.

Они перевели дух, только отойдя от неприветливого места на приличное расстояние, усевшись под уютной и безопасной тенью Старого дуба.

— Ну, дела! — первым начал разговор Виктор, — чего это Данила в развалинах делает?

— Так кто ж его знает… — с сомнением ответил ему товарищ, зорко поглядывая по сторонам, — Данила, говорят, уж который день домой не появляется. Искали его…

— Постой-ка! — припомнил Виктор, — так его же отец в город посылал! Ну да, как Макара убили, так батюшка его и заслал за приставом!

— Да? — недоверчиво отозвался Матвей, — ну не знаю… Чего бы ему тогда здесь делать?

— А он и вчера здесь прятался! — с уверенностью заявил Виктор, — право слово! Я когда тебя здесь намедни поджидал, так слыхал, что будто крадётся кто! А теперь понял, так то Данила и был!

— Во-она! — протянул Матвей, — ну моли бога, что не повстречался он тебе поближе!

— Отчего же? Разве Данила плохой?

— Да нет… только вот поговаривали про него всякое… странно только, чего он в развалинах делает? И рубаха его, заметил? Вроде как в крови!..

После таких умозаключений, мальчики решили не появляться в развалинах, пока там бродит этот чудной Данила и нашли себе занятие более безопасное и не менее увлекательное — лазить в птичьи гнёзда в редколесье позади Гнездовища. Очень быстро странное поведение несчастного Данилы благополучно было позабыто весёлыми и бессердечными мальчиками полностью поглощёнными шумными и беззаботными играми…

* * *

Войдя в церковь, Николенька поискал глазами отца Никона, но никого не обнаружив, подошёл к маленькой дверце в самом дальнем углу, откуда доносились громкие голоса. Постучав и не дождавшись ответа, Николай вошёл в низенькую узкую каморку, освещённую маленьким окошком, расположенным под самым

потолком. Из комнатки вела ещё одна дверь, выходящая прямо на улицу, откуда и раздавался бодренький голосок отца Никона. Николенька поспешил туда и, не заметив разложенные на полу вещи, споткнулся о твёрдый тяжёлый предмет, завёрнутый в тряпицу. Морщась от боли, Николай глянул вниз и с изумлением и ужасом увидел перед собою огромный окровавленный топор.

Николенька не успел и подумать, зачем такая вещь находиться в храме, как за дверью послышался громкий разговор отца Никона с невидимым собеседником, от которого у молодого человека волосы встали дыбом на голове!

— Зачем же вы загубили его, отец Никон?! — укоризненно выговаривал священнику низкий женский голос.

— Но что же делать, мать моя, ведь он бы мне всю жизнь покоя не дал! Появился невесть откуда и смеет заявлять о своих правах! Не позволю! Я здесь, матушка, не абы как! Я, позволю заметить опосля бога тут наипервейшее лицо! Так-то!

— Так вы же права не имели, батюшка! — продолжал настаивать невидимый голос.

— Имел! Матушка моя — имел! Да сколь разов я говорил Пелагее, что терпеть его появления не стану, а? Говорил я, что порешу его? Говорил! А Пелагея не слушала! Так что же говорить теперь, что я права не имел?!

С этими словами дверь распахнулась, и в камору бодро вошёл отец Никон, со своею супругой. Оба они с удивлением воззрились на бледного Николая, державшего в руке топор.

— Так это вы! — вырвалось у Николеньки, — это вы его убили!

— Я… — неуверенно пробормотал отец Никон, — так я и… а что, собственно…

Слёзы выступили на глазах у бедного Николеньки. С отвращением, бросив на пол окровавленное орудие убийства, он выбежал вон не в силах более произнести ни слова. Не помня себя от горя и отчаяния, Николенька добежал до озера и, укрывшись в тени густо растущих деревьев, упал ничком в траву — слёзы душили его.

Сколько раз в своей жизни представлял себе юноша, своё мужественное и самоотверженное поведение в ситуациях самой невероятной сложности! Так что же! Теперь он встретился с преступником, с убийцей, хладнокровно признавшимся в своём преступлении и ничего, совершенно ничего Николенька не сумел сделать! Слишком велико оказалось потрясение, не под силу избалованному изнеженному юноше воспитанному более на книжных примерах. А ведь надобно было арестовать злодея, на суд людской вести, а поди ж ты, расплакался, как маленький, да и

убежал! И осознание собственной слабости и горькой обиды сжигало Николая жарким огнём. Да и как можно представить такое! Маленький, неопрятный сельский священник убил мальчика, ребёнка и самоуверенно утверждает, что имел на это полное право! А он, Николенька, и возразить ему не смел!

Юноша вытер грязной рукой злые горячие слёзы. Нельзя ему здесь лежать! Преступник может скрыться в лесах так, что и не отыщешь! К отцу надо бежать! Бежать что есть мочи и во всём признаться и в том, что убийцу нашёл, и в том, что струсил!

Ополоснув лицо холодной водой, Николенька утёрся наскоро рукавом и быстрым шагом направился к дому.

Измученный и опустошённый Николай споро двигался к усадьбе, часто судорожно вздыхая и жадно глотая ртом горячий воздух. Он уже позабыл про сбежавшего племянника, да и не хотелось ему более никакого следствия да поисков! Придти бы домой, укрыться одеялом, да и пролежать так всю жизнь, чтоб не думать ни о чём и не тревожил бы никто!

Войдя в дом, Николенька увидел старого дядьку своего Ёру Семёновича. Старик сидел на стульчике в передней, свесив седую кудлатую голову набок и тихонько похрапывая.

От стука входной двери он встрепенулся, и тот час стал выговаривать Николеньке:

— Ну что же вы Николай Дмитриевич! Как ушли из дома-то, так и пропали! Батюшка с матушкой, уж который раз вас спрашивают, а мне и сказать нечего!

— Так что они — искали? — отрывисто и хрипло отвечал Николай.

— Да где уж! Некогда им, всё меня засылают, да куда ж я пойду? Нешто я знаю, где вас искать? А они в библиотеке с утра собрались всею толпой и уж ругаются-то! Дым коромыслом стоит! Так что вся дворня разбежалась!

— Кто ругается? — слабым голосом машинально проговорил Николя, поправляя перед зеркалом растрёпанные в беспорядке волосы.

— Да кто? Родители ваши значит, немец — управляющий, а недавно батюшка прибежал, весь в мыле! И тоже — ну давай кричать!

— Отец Никон?! — с трудом выговаривая ненавистное имя непослушными губами, поражённо воскликнул Николай, — и он здесь?!

— Здесь, Николай Дмитриевич, а то, как же! С получаса назад прибежал, запыхался, в полах длинных на лестнице запутался, так чуть не убился! — рассмеялся Ёра Семёнович, припомнив забавное происшествие.

— Ты вот что, дядька! — лихорадочно заговорил Николай, — ты сиди тут и никого не выпускай из дому, понял?

И прокричал уже с лестницы, перемахивая молодыми крепкими ногами сразу несколько ступенек:

— Здесь сиди!

* * *

Распахнув дверь в библиотеку, Николай застал весьма странную картину. Его матушка ползала на коленях посреди комнаты, тыча пальцами в большой кусок аляповато разрисованного полотна. Отец и господин Мюллер, оба с красными вспотевшими лицами, вертели в руках потёртый кожаный пояс, с широкой медной застёжкой весь изукрашенный изображениями невиданных зверей и птиц и при этом заглядывали поочерёдно в огромную старинную рукописную книгу, что-то поочерёдно бормоча.

Там же был и отец Никон. Он и вовсе стоял на столе и пытался острым крючком открыть дверцу старинных часов, висевших высоко на стене, при этом нещадно царапая драгоценную полировку.

Увидев Николеньку, каждый продолжал заниматься своим делом, лишь отец, подняв голову недовольно буркнул:

— Ну что же ты, Николя! Здесь столько дел, а ты бродишь незнамо где! Давай-ка, братец, помогай разобраться что к чему.

При этих словах отец Никон повернул голову в сторону Николеньки и неожиданно самым возмутительным образом подмигнул ему с высоты своим бесстыжим, жёлтым глазом! Такого нахальства Николай уж никак не мог вынести!

— Отец! — голос Николеньки звонко прозвучал в просторной комнате, — я знаю, кто убийца Макара!

Дарья Платоновна оторвалась от своего задумчивого созерцания, с тяжёлым вздохом поднялась с колен и тут же плюхнулась широким задом в подвернувшееся кресло, с состраданием глядя на Николу и значительно переглядываясь с супругом, смущённо потиравшим ладонью гладко выбритый подбородок.

Отец Никон гнусно хихикнул, продолжая уродовать антиквариат, и лишь господин Мюллер, подслеповато щуря глаза, сочувственно отозвался на опрометчивое высказывание Николая:

— Вы верно, Николай Дмитриевич, батюшку Никона за убийцу-то приняли? Так вы молодой человек не правы! Отец Никон мальчика не убивал, вы уж не грешите на него, да ему и не

к чему…

— Да как же так! — вскричал оскорблённый равнодушием окружающих Николенька, — да он же сам! Сам признался! И топор я видел! Весь в крови…

Дмитрий Степанович поморщился, как от зубной боли, и хотел, было, сказать что-то, но его перебил кудахтающий голосок отца Никона.

— Петуха! — ликуя, вскричал священник, — Пелагеюшкиного петуха зарубил, как есть вчистую! А не шастай в мой двор! У меня куры-то — порода! А ейный плюгавый кавалер, курочек моих топтать повадился! Ну, я ему голову-то и снёс! А вы что же, Николай Дмитриевич, нешто в убийстве Макарки меня заподозрили? — и он зашёлся мелким заливистым смехом, шустро прыгая со стола и панибратски хлопая остолбеневшего Николеньку по плечу.

Николенька почувствовал, как горячая волна быстро заливает его лицо пунцовою краской.

— А ведь каков! — продолжал веселиться отец Никон: это ведь вы! — говорит, а мне и невдомёк о чём он! — я, говорю, а то кто же?

Его зловредное хихиканье острыми иглами впивалось в Николенькино самолюбие. Молодой человек внезапно почувствовал страстное желание ударить служителя церкви, да так, чтобы тот замолчал надолго! Из пунцово-красного цвета лицо Николая сделалось мертвенно бледным, а ладони сами собой сжались в крепкие кулаки.

— Будет вам, батюшка, над ребёнком-то изгаляться! — наконец не выдержала Дарья Платоновна, — ошибся мальчик, с кем не бывает! А вы уж его сразу и на смех!

От защитной речи матери, где прозвучало ребёнок и мальчик Николеньке стало совсем худо.

Но отец Никон неожиданно дружелюбно взял его под руку.

— Э-э, да бросьте вы, Николай Дмитриевич, чего уж вы так разобиделись-то? Я, чай, тоже сердит на вас был, за такие-то злые наговоры! И — ничего! Посмотрите-ка лучше, какую штуковину, я вам отыскал! — и он показал металлический предмет, только что выуженный им из-за дверцы старинных часов.

— Это, братец вы мой, знак, так сказать высшей власти — скипетр!

— Для чего же он? — полюбопытствовал Дмитрий Степанович, оторвав внимательный взгляд от древней рукописной книги.

— Да что вы, батюшка наш Дмитрий Степанович! — всполошился отец Никон, — а ежели вас завтра на Совет

призовут? Вам же непременно надо при параде быть! Вы, чай не страну даже — планету нашу перед мирами иными представлять должны! А к слову сказать, тут одёжа нарядная да дорогая ни к чему — не поможет! Ведь ежели вы свой парадный мундир оденете, так, к примеру, озёрные жители всё одно по достоинству оценить его не смогут. Не принято у них в мундиры яркие рядиться — не поймут! А в Стране Горящего Камня так и вовсе одёжи не носят! Какие уж там одёжи, когда и не поймёшь вовсе, где у них голова, где ноги?! Другое дело, ежели при вас скипетр! Тут уж сразу видно — не простой гость прибыл — Видящий из-за границы пожаловал.

Отец Никон величественно взмахнул скипетром и торжественно присел в реверансе, приподняв длинный подол засаленной рясы.

— Вот эдак встречать вас будут — с реверансами! В Совете такую штуковину каждый имеет, по ней-то и отличают Видящего от простого смертного!

Отец Никон любовно погладил скипетр по гладкой, полированной поверхности.

— Его Софья Михайловна, царствие ей небесное, завсегда в этих часах хранила! Только ключик у неё был, а нынче вот, вишь — затерялся! И ведь как знала Старая Барыня, что усадьбе скоро конец, незадолго до пожара часики эти, вместе с книгами во флигель снести велела!

Отец Никон неожиданно пустил скупую слезу, и не найдя чем утереться, с благодарностью принял от Дарьи Платоновны белоснежный кружевной платочек.

— Святая женщина! — неизвестно в чей адрес произнёс батюшка, трубно сморкаясь в предложенный платок и утерев им же вспотевший лоб, заключил, — на сто шагов вперёд видела, храни господь её душу безгрешную!

После чего отец Никон бережно передал драгоценный жезл Николеньке, тут же подтолкнув его к пёстрому полотну, которое с таким вниманием доселе изучала матушка. При ближайшем рассмотрении это оказалась очень подробная карта с изображением здешней местности.

— А вот! — с восторгом продолжал отец Никон, — извольтека взглянуть — карта имения нашего! Здесь — всё! До каждого пенёчка, каждого кустика всё как есть обозначено!

Дмитрий Степанович и господин Мюллер, оставив свои странные изыскания, тоже подошли взглянуть и вскоре все пятеро дружно сидели за большим письменным столом вокруг разложенной карты испещрённой таинственными письменами и знаками.

— Вот оно, царство наше! — любовно провёл ладонью по неровной поверхности старинного холста Генрих Карлович.

— И царство и тюрьма! — тотчас откликнулся отец Никон.

— Отчего же тюрьма? — недоумённо вскинул брови Дмитрий Степанович.

— Да оттого, что пришельникам нельзя покидать границы имения, — пояснил священник, — ежели только по особому соизволению Видящего, да и то — ровно как пёс на поводке!

— А вы разве не человек?! — потрясённо спросил Николенька.

— Отчего же?! Человек, как есть человек! — снова мелко захихикал отец Никон, — я-то человек, а вот супруга моя, кто не знает, пришлая, и детки, стало быть, как здесь родились, так тут и помрут, нет им хода отсюдова — никуда и никогда!

— А разве можно людям с пришельниками-то венчаться? — строго вопрошала Дарья Платоновна.

— Нельзя, мать моя! Это уж и вовсе не можно! — гримасничая, отвечал отец Никон, — но слаб человек! Слаб и духом и телом! Что же делать, молод я был, а сердцу-то не закажешь, кого возлюбить! Так вот и обвенчались с Дуняшей моей с благословения Софьи Михайловны, царствие ей небесное! Благословила, да зарок велела дать, что я теперь вроде как пришлый, отсюда мне хода нет! — он снова рассмеялся, будто вспоминал необыкновенно смешные вещи.

— Да я то что! — польщённый всеобщим вниманием воодушевлённо продолжал отец Никон, — я то, как ни будь! Ништо — не пропаду! Да и привык я здесь, куда мне отсюдова? Деточек жаль, им бы учиться, да нет — нельзя! Так и судьба им видно с мужиками век в деревне крестьянствовать!

Рассказывая, он всё продолжал смеяться, но Николай заметил, как дрожит его голос и маленькая слезинка, навернувшись на кончик коротких выгоревших ресниц, бесшумно упала, растворяясь в воздухе. Видно не одну бессонную ночь провёл отец Никон в тяжких думах за судьбу своих детей.

— Полно вам убиваться-то, батюшка! — пожалела его Дарья Платоновна, также заметившая его невысказанное горе, — чай, сами вы такую судьбу выбрали, чего уж пенять!

— Истинно так, матушка! — благоговейно глядя на Дарью Платоновну резко изменившимся голосом (уж более он не дрожал!) пропел отец Никон, — уж верно сам господь бог всемилостивый вашими-то устами говорит! Что ж мне роптать!

И суетливо захлопав себя по бокам, будто что-то отыскивая, забормотал невнятно, пряча сощуренные в горькой усмешке глаза.

* * *

— К делу, господа! — призвал собрание господин Мюллер, и почтительно обратился к Перегудову, — вы позволите начать, Дмитрий Степанович?

Перегудов молча кивнул, неторопливо набивая табаком деревянную трубку.

— Итак, господа, — торжественно заговорил управляющий, — перед вами подробно составленная, но несколько устаревшая карта имения основанного в 1603 году Данилой Евграфовичем Перегудовым. Как гласит древняя рукопись, — Генрих Карлович широким театральным жестом указал на потрёпанный манускрипт, который они внимательно изучали с Дмитрием Степановичем, — Данила Евграфович имел в своей жизни редкую возможность встретиться с высшими божественными силами, случай, который предоставляется далеко не каждому. Не растерявшись при встрече, ваш предприимчивый предок тут же попросил о некоей услуге, суть которой в рукописи не раскрывается. Судя по всему, его просьба была выполнена, но в обмен на то, весь род Перегудовых навечно обременён заклятием, исполнять обязанности Видящего, на границе Открытых миров. Если внимательно изучить записи Данилы Евграфовича, данную ношу, ваш далёкий предок принял с восторгом, ибо человеком слыл весьма авантюрного склада. Но вот один из сыновей его — Александр, не захотел продолжить дело отца, и ему пришлось навсегда покинуть имение. После смерти Данилы Евграфовича титул Видящего перешёл к Михаилу Даниловичу, а после к дочери того — Софье Михайловне. Поскольку Софья Михайловна была бездетна, то должность Видящего по праву переходит к вам, Дмитрий Степанович, как к старшему представителю семейства.

При этих словах Перегудов вздрогнул и, мрачно пожевав бледными губами, угрюмо произнёс:

— А что ежели бы я эту вашу деревню продал? Ведь была у меня такая мысль…

— Это исключено, — мягко прервал его управляющий, — заклятье действует и по сию пору, и ваше появление здесь было предопределено. А что касается продажи… ну что же, думаю, что незадачливый покупатель не дожил бы до подписания купчей. Таковы правила!

— А ежели я откажусь? — продолжал упорствовать Дмитрий Степанович.

— Что ж, — пожал плечами Генрих Карлович, — у вас ведь есть дети. Рано или поздно наследие перейдёт к ним. Вот только хлопот у них прибавиться! Тут и за шесть-то лет работы

накопилось непочатый край, а уж ежели ещё на годы деревню без присмотра оставить, то боюсь, как бы и большой беды не вышло!

Дарья Платоновна зябко поёжилась, укоризненно глядя на управляющего, и решительно вмешалась в беседу:

— Что это вы нас страстями-то всё пугаете! Уж конечно никуда мы не уедем, нешто на детей ношу эдакую взвалим! Чай, ещё не старики, можем и сами управиться!

Дмитрий Степанович с удивлением воззрился на супругу:

— Да что это вы, матушка! Да вас и в деревню-то было не заманить, а теперь вы в этакую кабалу пойти готовы?! Тут ведь чертовщиной-то со всех сторон несёт! Так и смердит!

— Ну, уж так-таки и чертовщиной! — уклончиво отвечала Дарья Платоновна, — да ведь у нас выбора-то большого и нет, верно ведь, Генрих Карлович?

— Выбор может быть только между вами, — подтвердил господин Мюллер, — если не Дмитрий Степанович, то кто-то другой из вашей семьи всё одно станет Видящим!

— Попал, как кур во щи! — с досадою воскликнул Дмитрий Степанович, мрачнея всё более, — что ж, делать нечего! Докладывай дальше!

— А вот дальше начинаются сплошные загадки и сложности, — охотно продолжил Генрих Карлович, — как известно, здесь на нашей территории открываются двери восьми миров. Первый — Нуагур, край суровый и негостеприимный — оттуда родом Нуагурцы, коих здесь прозвали — Летава, жители Полянки с недавних времён. Они селятся в той части деревни, что принято называть Гнездовище.

Господин Мюллер провёл рукой по карте, указывая места поселения Нуагурцев.

— Нуагурцы или Летава, народ гордый и независимый. Причиной того, что Летава оказались здесь, послужили внутренние распри в их родной стране, в результате чего три семьи народности Летава вынуждены были искать убежище в нашем имении, чтобы избежать жестокой расправы на родине. Более подробное описание их обычаев и быта вы сможете найти в книгах Софьи Михайловны…

— А ещё подробнее вам внучёк ваш расскажет — Виктор! — встрял в рассказ неугомонный отец Никон, — он с Летавами тесную дружбу свёл, и ноне с утра вместе с Матвейкой Сорокиным в лесу за Гнездовищем бедлам устроили! Промеж деревьев летают, в птичьи гнёзда лазят и при этом ржут аки кони!

— Как летают?!

— Какой такой, Матвейка?!

Одновременно крикнули Дмитрий Степанович и Дарья

Платоновна.

— Обыкновенно, летают, — с удовольствием наябедничал отец Никон, — у них у Летава-то крылья из спины растут, словно как у летучей мыши. Так вот они и летают всюду — чисто упыри!

— Не опасно ли это, Генрих Карлович, — встревожился Перегудов, — надобно из дворни кого послать, пусть домой приведёт негодника!

— Не думаю, что Матвей может представлять угрозу для Виктора, — успокоил его управляющий, — он обычный мальчишка и они, верно, озорничают, как и все дети в их возрасте. Но, тем не менее, вашему мальчику следует посидеть дома — неспокойные времена настали в Полянке!

Тотчас за Виктором послали дворового паренька Сеньку, служащего на посылках, коему велели разыскать и привести молодого барина в усадьбу. Но не успел Генрих Карлович продолжить свой рассказ, как внизу послышался странный шум и вскоре в библиотеку боком ввалился злополучный Сенька, держась рукою за покрасневшую и на глазах опухающую щёку.

— В чём дело! — сердито спросил Дмитрий Степанович.

Однако Сенька, глотая горькие слёзы, долго не мог выговорить ни слова и лишь когда Перегудов пригрозил ему жестокой расправой, ежели он не объяснит своего странного поведения, проговорил, плаксиво утирая нос рукавом.

— Там Ёра Семёнович, в дверях сидит и не пущает никого! Феклушке — кухарке на двор надобно, а он и её не пущает! Все двери на засов запер и не велит выходить! Я говорю, мол, вы меня послали, а он всё одно твердит — не пущу! Я, было, так пошёл, а он даром, что старый, так наподдал, что у меня звёзды пред глазами посереди белого дня засветились!

— Да что ж это с Ёрой-то случилось? — заахала Дарья Платоновна, — уж не взбесился ли он часом? Право здесь всякого ожидать можно!

И вдруг закрыла себе рот ладошкой, осенённая страшной догадкой и выпучив в испуге глаза.

— Матерь божья! Да не он ли разбойник и есть?! Видно всех решил погубить в одночасье, оттого и двери запер!

Дмитрий Степанович решительно поднялся с кресла и направился к двери.

— А ну-тко, я разберусь, что это за блажь на Ёру-то нашла!

Но неожиданно путь ему преградил смущённый Николенька.

— Не надо, папа! Это я наказал Ёре Семёновичу никого из дому не выпускать! Да уж и забыл об этом…

— Эт-то к чему же?! — вытаращил глаза на сына Дмитрий Степанович.

Но его изумление тот час развеял развесёлый голос отца Никона.

— А это он, батюшка, меня ловить изготовился! И Ёру Семёновича охраною к двери поставил, чтоб значит, супостат безнаказанно не ушёл! — и закатился мелким смехом, трясясь всем своим тщедушным тельцем.

Страдания Николеньки от осознания собственной глупости вновь вернулись к нему сторицей, становясь совершенно невыносимыми. Он повернул к священнику покрасневшее лицо и выговорил, с трудом подбирая нужные слова.

— Я прошу меня простить, отец Никон! Я необдуманно обвинил вас в жестоком преступлении и искренне раскаиваюсь!

— Ах ты, господи! — тут же умилился отец Никон, — барин-то молодой у меня ничтожного слуги божьего, прощения попросил! Дай-ко я тебя расцелую, отроче! — и тут же подскочив к Николеньке, трижды запечатлел на его алых щеках звонкий поцелуй.

Николай, не нашедший, что ответить на такую внезапную выходку, молча поклонился и, сделав Сеньке знак, следовать за ним, вышел вон.

Вскоре Николенька вернулся и на вопросительный взгляд отца ответил, что дело улажено и заложники его, Николенькиного необдуманного поступка отпущены на свободу. На том инцидент был исчерпан и Генрих Карлович мог продолжить своё повествование.

— Следующая дверь открывается в мир Няш-Привожи. Этот край густо населён, его природа во многом схожа с нашей. Мы ведём с Привожцами торговлю, навещаем, изучаем их нравы, но никто из его жителей не селился на нашей территории, кроме одного — единственного случая.

— Моя Дуняша! — горестно воскликнул отец Никон, тяжко вздыхая и утирая краем чёрной сутаны, уголки глаз, — позвала меня как-то Старая-то Барыня на торги, я ведь, к слову сказать, большой знаток по дипломатической части! Там меня Дуняша и повстречала! А я-то! В сутане новенькой, глаза как уголья горят, борода по ветру развевается! Орёл ведь был! Да-а… Дуняша-то моя, как меня увидала, так прямо и сомлела вся! А ведь она там не последнего роду-племени была, а вишь ты полюбила меня, так всю свою родню навек и покинула! Не простили ей, что с чужаком спозналась. Там ведь тоже — свои порядки! Так вот мы с ней меж двух миров-то и застряли, ни туда нам нельзя, ни отсюда!

Высказав наболевшее, отец Никон размашисто перекрестился, глядя на портрет Степана Степановича Перегудова висевший на стене и, уставив на управляющего жёлтые хитрые глазки, придал

своей физиономии вид задумчивый и благородный, приготовляясь слушать дальше.

Покачав головой, Генрих Карлович повествовал далее.

— Страна Горящего Камня — Яму-ри-Тау — мир странный и загадочный. Софья Михайловна нечасто открывала Дверь в этот мир и всегда уходила туда одна. К сожалению, она не раскрывала мне сведений об этом мире, но возможно в её рукописях сохранились описания Яму-ри-Тау. Достоверно известно лишь то, что Большой Ползун, или по иному Ползучая топь — родом из этого мира!

— Да не может быть! — ахнул изумлённо Дмитрий Степанович, — неужто это болото — живое?!

— Именно так, — серьёзно подтвердил Генрих Карлович и продолжил профессорским тоном. — Большой Ползун имеет тело неопределённой формы, приблизительно полтора километра в диаметре. В основном он лежит неподвижно, лишь изредка меняя положение своего необъятного туловища, растекаясь огромной топкой лужей. Раз в три месяца Ползучая топь меняет место своего пребывания, не удаляясь впрочем, слишком далеко. Вокруг лежбища Большого Ползуна всегда повышенная влажность и туманные испарения, что зачастую способствует необычному искажению видимости. Можно прошагать через всего Ползуна и не отличить его от обычного болота, но, как правило, он не позволяет с собой таких вольностей!

— Удивительно! Никогда не слышал ни о чём подобном! — восторженно вскричал Николенька, — но чем же питается Большой Ползун? Можно ли с ним общаться? Для чего он покинул свой мир?

— Слишком много вопросов сразу, юноша! — смеясь, отвечал господин Мюллер, — но на некоторые я охотно отвечу. Пропитание своё Ползучая топь берёт прямо из земли, причём, не нанося ей никакого ущерба. Известно, что место, где лежал Ползун, всегда наиболее плодородно, даже были попытки местных жителей заманить Ползучую топь на свои земельные наделы, но эти попытки всегда заканчивались неудачей! Большой Ползун сам решает, где ему расположиться. Что касается общения с ним, то знаю лишь, что Софья Михайловна умела с ним разговаривать и кажется, они прекрасно понимали друг друга. Она же и дозволила ему проживать в границах имения. А только вот каким образом она находила с ним общий язык, и отчего Большой Ползун покинул свой мир — про то мне неведомо.

Генрих Карлович перевёл дух и налил себе из высокого хрустального графина чистой холодной воды. Выпив не торопясь мелкими аккуратными глотками, он утёр рот чистым платочком и

вновь заговорил:

— Далее — Велливон — оттуда пришли к нам Велливонцы или люди-Пауки.

— Название-то, какое жуткое! — встревожилась Дарья Платоновна, — отчего же прозвали их так? Я ведь пауков-то до страсти боюсь, — пояснила она свой внезапный испуг.

— Ну, в этих существах нет ничего страшного, успокаивающе улыбнулся господин Мюллер, — они мало, чем отличаются от людей, разве что своим необыкновенным умением лазать по совершенно отвесным стенам и искусством плести необычайно крепкие сети и тончайшее красивое кружево.

— Ну, это-то ладно! — тут же легко примирилась с существованием людей-Пауков на своей земле Дарья Платоновна.

— Про озёрных жителей, представителей мира Долила-лила, я давеча уже упоминал. В Полянке к ним прочно пристало прозвище — Водяные, хотя к мифическим существам из народных сказок они не имеют абсолютно никакого отношения. Народ из Долила-лила смирный, не воинственный. Для естественного существования этим существам необходимо жить возле воды, но в стране, где они жили, произошла природная катастрофа и озеро, у которого из поколения в поколение проживали Водяные, исчезло в подземных недрах. Водяные не способны преодолевать дальние расстояния в поисках нового источника, и потому обречены были на гибель. Семья Долильцев поселилась здесь во времена Данилы Евграфовича. К счастью, старик открыл Дверь в страну Долила-лила, когда они были ещё живы, и уникальных существ удалось спасти.

Господин Мюллер указал рукою на карту:

— Здесь, между рекой и озером живёт семья мельника Захара, — при этих словах Генрих Карлович внимательно глянул на Николеньку, — эти люди высланы к нам из страны Монкалина.

— Высланы? Отчего же они высланы? — пролепетал невесть от чего смутившийся Николенька.

— А за шалопутство! — встрял вездесущий отец Никон, — да по обмену на местных пустобрёхов! Софья Михайловна, царствие ей небесное, тогда ещё молода была, к ней соседи в гости езживали, всё сосватать хотели. Вот один женишок-то и повадился наезжать. Раз, другой приехал, а на третий приметил, что в деревеньке-то не совсем обычные дела творятся! Он к Софье Михайловне с расспросами, а она ему смехом — показалось, мол! Ну, так он не угомонился, в город съездил и друзей-учёных сюда привёз, чтобы показать им чудеса необычные! Тут уж, конечно Софья Михайловна осердилась. На ту пору у нас переговоры были с Монкалина с родом Шалаков. Их глава возьми и пожалуйся

Софье Михайловне, что де девка в его роду своевольничает, никакого покоя от неё нет! По местным-то законам её к пытке представить следует, а главе жалко стало, всё ж родная кровь! Ну, тут они с Софьей Михайловной и сговорились, он сюда девку со всей семьёй выслал на постоянное житьё, а Софья Михайловна ему — женишка своего несостоявшегося, вместе с сотоварищами! — отец Никон весело рассмеялся, — вот уж отомстила болтливому кавалеру Старая Барыня! Не хотел бы я на их месте оказаться!

— Чем же так ужасна жизнь в Монкалина, — полюбопытствовала Дарья Платоновна.

— Так ведь она, матушка, не то чтобы ужасна, — словоохотливо пояснил отец Никон, да только законы у них уж больно от наших обычаев отличаются. С непривычки-то пропасть недолго! Шалаки ведь народ взбалмошный, да сумасбродный — никто им не указ!

— Вместе с тем Шалаки смелы и отважны, — возразил отцу Никону управляющий, и оборотился к остальным поясняя — у себя на родине они ведут в основном ночной образ жизни и прекрасно видят в темноте. Живя здесь в Полянке, они приспособились к обычаям местного населения, но сохранили некоторые свои повадки до сих пор.

— Сохранили! — согласился отец Никон, энергично тряся редкой бородой (видно было, что спор об образе жизни Шалаков ведётся ими не в первый раз!), — да так сохранили, что по сию пору мужики с Верхнеречья зачастую безвестно пропадают! Вы бы многоуважаемый, Генрих Карлович лучше подробнее рассказали об этих их повадках!

Управляющий пожал плечами.

— Что ж, извольте. Во главе рода у Шалаков стоит мужчина, в роду несколько семей, куда входят только женщины и дети. Семьи в нашем понимании у них нет…

— Бабы мужа законного не имеют, да и не хотят! — скороговоркой вставил отец Никон, — когда придёт их пора они из другого рода мужиков умыкают, в глухомань заводят и держат там силою. Как не нужен станет — так и бросят, а то и убьют, у Шалаков жалости нет!

Генрих Карлович укоризненно глянул на отца Никона, и тот сразу замахал худыми жилистыми руками:

— Всё, всё! Молчу аки рыба, более и взглядом не перебью!

— Женщины очень бережно относятся к своим детям и почитают главу рода — продолжил свой рассказ господин Мюллер, — ежели глава умирает, либо состарится и не может более управлять, то главой избирают одного из мужчин из этого

же рода. Избранник получает титул Отец и так его зовут все, включая родную мать, сестёр и братьев. Глава рода для них судья и защитник. Он призван разбирать внутренние споры и защищать ежели вдруг возникнут раздоры между родами. Надобно заметить, что один род Шалаков никогда не пойдёт войной на другой, все вопросы между родами решают исключительно Отцы. Бывают случаи, что Отцы не в состоянии вести мирные переговоры и тогда дело доходит до поединка, где глава рода может погибнуть, но даже такой исход не заставит неутешных родственников начать военные действия против другого рода.

— Вот, собственно в общих чертах и всё об образе жизни Шалаков, а что касается наших ссыльных земляков, то боюсь их участь незавидная! Поскольку они не принадлежали ни к одному роду, то вероятнее всего либо вообще вынуждены добывать пропитание в одиночку, что в суровых условиях Монкалина дело весьма непростое, либо, действительно, были уведены женщинами Шалаками и брошены в скором времени в самых неблагополучных условиях!

— А что же девка-то? — спросил Дмитрий Степанович, — что же она натворила, что её из страны выслали?

— Так это дело тёмное! — ответил за управляющего отец Никон, поблёскивая жёлтыми глазками, — говорят, она парня умыкнула. Ну, умыкнула и умыкнула это уж так у Шалаков заведено, так она после-то не бросила его, а в семью за собой привела! Пожалела, вишь! А что семье делать-то с чужаком? Свои бы рты прокормить, такое-то самоуправство никому не по нраву пришлось. В семье, опять же своих сыновей хватает, каждому из них в своё время главою рода хочется стать, да и каждая мать взрослого сына имеющая, о том же думает! А эта блаженная, возьми, да чужого с собой приведи! Соперники-то нигде не нужны, вот и выслали её… а уж так ли было или нет — про то врать не стану!

— А что же здесь-то? — потрясённо спросил Николенька, — неужто такое бывает, что девки парней в лес на погибель уводят?

— Официально такого случая зафиксировано не было, — сухо ответил Генрих Карлович, — но я бы советовал быть с Шалаками поосторожнее.

— Вот-вот! — подтвердил отец Никон, потрясывая сухеньким кулачком, — держись-ка ты вьюноша от них подальше!

Господин Мюллер пальцем провёл по старинной карте, указывая новое направление.

— Самые необщительные обитатели Полянки, живущие особняком — это Слипуны или Слипы. Они пришли к нам из страны Синегории. Пожалуй, это самые первые поселенцы из

другого мира. Они живут здесь так давно, что порою кажется, будто они считают себя истинными хозяевами имения! Слипы селятся на отдалённом хуторе, на востоке, возле небольшой горной гряды под названием Красные Горы. Они поставили свои хижины у подножия гор, но большую часть времени проводят в Летохиной пещере. Самому мне в пещеру заходить не доводилось, но судя по записям покойного Михаила Даниловича, пещера эта весьма примечательна! Вход в неё довольно узкий и неприметный, но сама пещера настолько глубока и обширна, что, пожалуй, только Слипам известны её истинные размеры.

— Что ж эти Слипы? — поинтересовался Дмитрий Степанович, — что за нужда пригнала их в наши края?

— Слипуны не простые жители, — пояснил Генрих Карлович, — в отличие от других они прибыли сюда по особому приглашению Данилы Евграфовича и являются хранителями множества жутких тайн покоящихся в бездонных подземных глубинах. К сожалению, Слипы общаются только с Видящими, глубоко презирая всех остальных и потому я не могу более полно рассказать об их образе жизни.

— Откуда название такое — Летохина пещера? — полюбопытствовала Дарья Платоновна.

— Пещера названа так по имени местного разбойника Летохи, обитавшего в ней, согласно старинной легенде, — пояснил господин Мюллер, — Летоха, дерзкий и бесстрашный атаман, скрывался в этой пещере от преследования властей. Разбойника всё ж таки удалось обнаружить, но вот поймать его так и не смогли! Он затерялся в бескрайних лабиринтах подземелья и вероятно умер там от голода и жажды. Иногда, особенно в ветреную погоду, со стороны Красных Гор слышатся странные звуки, похожие на стон и плач. Местные жители говорят, что это мечется неуспокоенная душа несчастного грешника…

— А что за тайные силы скрываются в пещере? — задал очередной вопрос Дмитрий Степанович.

— Об этом вам придётся расспросить Слипов, — пожал плечами Генрих Карлович, мне они вряд ли откроют свои тайны.

— Сколько же ещё народностей проживает в нашем имении? — с опаской спросила Дарья Платоновна.

— Да собственно осталось сказать о последних, — улыбнулся управляющий, — народ из страны Охтакона. Местные жители прозвали их Окручи. Так же как и Слипы, они проживают особняком, но не в силу своей нелюдимости, напротив! Окручи очень общительны, веселы и энергичны. Но несколько лет назад Общий Совет деревни постановил выделить народу Окручей

земельный надел в Западной стороне имения и запретил Окручам появляться в Полянке без особой на то надобности.

— Отчего же это к ним эдакая немилость? — округлила глаза Дарья Платоновна.

— Окручи великие мастера притворства и обмана, — пояснил Генрих Карлович, — некоторые, наиболее сильные из них обладают магическим даром отводить глаза.

— Это как же? — заинтересовался Дмитрий Степанович.

— Думаю, они способны человека ввести на время в состояние некоего забытья. Я, знаете ли, читал, что этот метод с успехом практикуется ныне среди некоторых учёных…

— Среди шарлатанов он практикуется! — возмущённо фыркнул отец Никон, — а лукавые Окручи, глаза отведут кому хочешь! Да вот хоть у меня был случай: отслужил я как-то обедню и спустился в погреб, кваску холодного испить. Смотрю, там супруга моя сливки с молока в кринку собирает. Собирает и эдак с усмешечкой мне подаёт: Возьми, касатик, да вместе с этим копчёным окороком наверх отнеси, а то мне что-то тяжеловато! Подивился я, что это она меня касатиком назвала, но ничего — смолчал! Поднял наверх и окорок и кринку со сливками и ей помог подняться. А как сам-то из погреба вылез, рядом уж и нет никого! Я сразу неладное-то заподозрил! Шасть в дом, а Дуняша, супруга моя, там сидит, пяльцы деревянные в руках держит — на рушнике цветочки голубые вышивает. Где же, — говорю, — матушка, окорок, что вы из погреба унесли? А она глазищи на меня вскинула и в ответ: Окстись, батюшка, какой такой окорок, чай, нынче пост! Тут уж и я вспомнил, что пост! Ровнёхонько на Страшной неделе эдакое со мной приключилось! Выскочил я на крыльцо, а неподалёку девки-Окручи проходили. Увидали меня и — ну хохотать! А попробуй, докажи, что это они ко мне в погреб лазили и меня же, старого дурака, заставили помогать мои же запасы таскать! Не пойманный не вор! — заключил отец Никон, впрочем, без особой обиды.

Присутствующие выслушали его с улыбкой, а Генрих Карлович добавил:

— Это верно — таковы Окручи! Безобразят и шалят, а после насмехаются над одураченными жителями. В конце-то концов, их безалаберные выходки рассердили обитателей Полянки, и решено было выселить Окручей за пределы деревни.

* * *

Взволнованный Дмитрий Степанович подошёл к открытому

окну, вдыхая жаркий летний воздух. Он долго задумчиво теребил пушистые бакенбарды и, наконец, обратился к управляющему:

— Вот вы давеча, Генрих Карлович, рассказ-то свой начали с того, что загадку будто разрешить не можете! Мне-то признаться опосля ваших басен и вовсе мало что понятно, да только скажите мне, ради Христа, в чём же сейчас-то наша наиглавнейшая сложность?

— Убийство, разумеется, — нахмурил белесые брови господин Мюллер, это дело весьма серьёзное, требуется обсуждение всего Совета Видящих, да и решить пора, кто из вашей семьи в Совете место займёт!

— Да как же я встречусь с другими Видящими? Где ж я их найду? — развёл руками Дмитрий Степанович.

— С помощью Абуджайской Шали, естественно, — в свою очередь удивился Генрих Карлович.

— А это что ещё за штука такая? — вопросительно глянул Перегудов.

Генрих Карлович и отец Никон оба в совершеннейшем изумлении воззрились на Дмитрия Степановича. Затем они так же молча посмотрели друг на друга, снова на Перегудова и, наконец, воскликнули одновременно в страшной тревоге:

— Как?! Да разве Старая Барыня не указала в своём письме про Шаль?!

— Ни словечка! — отрицательно покачал головой Дмитрий Степанович, гадая о причинах такого странного волнения.

— Ну а Зеркало Сути? — жадно спросил отец Никон, — хоть Зеркало-то она вам оставила?!

— Ничего она мне не оставила! — рассердился Дмитрий Степанович, — ничего, окромя обгоревшей усадьбы, поросшего непроходимым лесом клочка земли и двух пустоголовых помощников!

Управляющий безнадежно переглянулся с отцом Никоном.

— Это очень усложняет дело, господин Перегудов, — тихо и печально покачал головой Генрих Карлович, — Зеркало и Абуджайская Шаль, главные атрибуты, позволяющие Видящему обнаружить и открыть Двери в другие миры. Покойный Данила Евграфович, говорят, умел обходиться без них, но на то нужен особый дар и умение…

— Спокойно, господа! — решительно вмешалась Дарья Платоновна, — объясните-ка мне толком, что это за вещи такие и на что они нам сгодятся?

— Зеркало Сути отражает сущность вещей, — тусклым, безжизненным голосом пояснил Генрих Карлович, не всё то, что видим мы глазами, выглядит так, как нам представляется. Глаз

человека — орудие весьма несовершенное, и Зеркало позволяет увидеть предмет в его настоящем изображении. Таким образом, Видящий находит Двери, присутствие которых скрыто для обычного человеческого взгляда.

— Ну, а Шаль? — в нетерпении спросил Николенька.

— Шаль позволяет открывать и закрывать обнаруженные Двери. И если Зеркалом может воспользоваться всякий, то Абуджайская Шаль послушна лишь в руках Видящего.

— То есть только представитель нашей семьи способен открывать Двери? — уточнил Дмитрий Степанович.

— Именно так, — подтвердил господин Мюллер, — но если эти предметы утеряны, боюсь, таковые их свойства не имеют более никакого значения.

— Но как же так? — разволновалась Дарья Платоновна, — отчего же вы, управляющий, не знаете где сыскать наше имущество? Так то вам управление доверено?!

— Я боюсь предположить самое страшное, — поднял на неё печальные глаза Генрих Карлович, — все эти годы я упорно гнал от себя эту мысль, но видно всё сводится к одному — магические предметы безвозвратно погибли в пожаре!

Неожиданно от двери раздался звонкий мальчишечий голосок:

— Не погибли!

Заговорщики разом повернулись, застигнутые внезапным возгласом врасплох.

У порога стоял Виктор. Ворот его ещё сегодня утром чистенькой рубашки был безнадежно заляпан следами глины и копоти. На коленях сиротливо висели безжалостно вырванные куски ткани, которые Виктор безуспешно пытался придерживать рукой. Но при этом чумазое, загорелое лицо мальчика дышало здоровьем и энергией.

Собрание молча и вопросительно взирало на смутившегося нарушителя.

— По крайней мере, не все… — тише добавил мальчик.

Глава 10
Похороны

— Зеркало Кондрат взял, — насупившись, и ковыряя пальцем ободранную коленку, проговорил Виктор в полной тишине, — не нарочно, так получилось. Старая Барыня Зеркало в саду оставила, на скамье, а сама зачем-то в дом ушла. Ну, Кондрат и взял. Он не навсегда взял, только посмотреть, а потом обратно положить хотел. Да только в тот день не удалось ему снова в сад пробраться, а ночью-то в усадьбе пожар начался, а уж утром некому было Зеркало отдавать. Так оно у Кондрата и осталось…

— Откуда вам это известно, молодой человек? — преувеличенно вежливо поинтересовался Генрих Карлович.

— Кондрат сам сказал! И ещё попросил вам рассказать. Он сам боится, думает, накажут его… Он не вор, просто так получилось… — повторил Виктор, просительно глядя на собравшихся.

— Так где же Зеркало теперь? — в нетерпении спросил отец Никон.

— Здесь, — просто ответил Виктор, доставая из-за пазухи небольшое овальной формы зеркало, обрамлённое фигурной рамкой из лёгкого красноватого металла с необычайно тёмной, почти чёрной поверхностью.

— Боже мой! Это оно! — Генрих Карлович торопливо подошёл к Виктору и бережно принял драгоценный груз из запачканных мальчишечьих рук, беспрерывно счастливо улыбаясь.

— Оно, оно родимое! — подтвердил ликуя отец Никон, — ну возблагодарим господа нашего всемилостивого и всемогущего, что не оставил нас в трудную пору и вернул нам благосостояние наше! — и добавил довольно потирая ручки, — авось теперь и Шаль сыщется!

Он тут же подозрительно глянул на Виктора и, подскочив к нему, цепко ухватил руками за плечо:

— Ну, те-с, молодой человек, а что же вы о Шали-то не сказываете? Может вам и про то известно?

— Известно! — Виктор невежливо дернул плечом, освобождаясь от крепкой хватки отца Никона.

Услышав такое заявление, все с надеждой воззрились на мальчика.

— То есть про Шаль мне просто известно, ну то, что она существует вообще, — пугаясь всеобщего напряжённого

внимания, поправился мальчик, — а где она есть — про то я не знаю!

Разочарованно вздохнув, отец Никон тут же отошёл от Виктора, сокрушённо вздыхая.

— Не унывайте, батюшка, — повеселевшим тоном подбодрил его управляющий, — коли Зеркало нашлось, глядишь и Шаль сыщется!

— Так что же, господа! — взволнованно крикнул Николенька, — неужто сейчас мы сможем в иной мир заглянуть?

— Ну, заглянуть, скажем, не сможем, — улыбнулся ему в ответ управляющий, — для того надобно Дверь открыть, а вот саму Дверь обнаружить сможем!

Он порывисто взъерошил рукой свои светлые волосы.

— Эх, молодой человек! Да это Зеркало не только Двери найти может, оно способно в душу каждому созданию живому заглянуть! Всю сущность человека, никому не видимую, во всей своей красе, а может и не красе вовсе, а со всею неприглядностью показать!

Генрих Карлович с сожалением отложил Зеркало в сторону.

— Да только не дело это в душу-то человечью любопытства ради лезть, оттого Старая Барыня редко им пользовалась, так только, Двери отыскать…

— Как же выглядят эти пресловутые Двери? — поинтересовалась Дарья Платоновна

— А это можно увидеть! — господин Мюллер возбуждённо потёр руки, — зрелище презанятное, вот глядите-ка!

Он осторожно взял в руки Зеркало и отогнул металлическую подставку, до того крепко прижатую к обратной стороне. Затем Генрих Карлович поставил Зеркало на стол и осторожно повернул вверх маленький рычажок с правой стороны. При этом раздался странный звук, словно Зеркало тяжело вздохнуло. Тёмная, гладкая поверхность засветилась мутным сиреневым цветом и окуталась туманной дымкой. Зеркало медленно поднялось, опираясь лишь на металлическую подставку и, направив вверх зеркальную свою сторону, с тихим шелестом принялось медленно вращаться по кругу. В какой-то момент оно вдруг дрогнуло и остановилось. Николенька протянул, было, к нему руки, испугавшись, что Зеркало упадёт со своей шаткой опоры и разобьётся, но Генрих Карлович мягко отвёл его ладони назад, слегка покачав головой.

Зеркало замерло неподвижно, и вот из глубины его показался светлый, золотистый луч, который, постепенно расширяясь, охватывал всё большее пространство, становясь похожим на просторный светящийся коридор. Там, где пролегал его

мерцающий свет, все предметы, волшебным образом, становились едва видимы. Стены, дома и деревья приобрели смутное, едва уловимое очертание и прикасаясь к ним, рука не чувствовала привычных ощущений — все предметы будто растворялись под воздействием чудесного луча.

Зато стало видно движение ветра, колебания воздуха от легчайшего дыхания и, как ни странно, получили видимость звуки, облачившись в яркие необычные краски.

Наконец движение золотистого света остановилось — Зеркало нашло, что искало!

На самом конце сверкающего луча, где-то возле смутно угадываемой реки, за мостом, яркий свет упёрся в непрозрачный монолит, который, меняя попеременно все цвета радуги, сам оставался неподвижен.

— Есть! — восторженно прошептал отец Никон, — не забыло Зеркало своей работы! И минуты не прошло, как первая Дверь найдена!

— Как же узнать, что за мир скрывается за этой Дверью? — спросил Дмитрий Степанович, в крайнем удивлении разглядывая открывшуюся перед ним картину.

— Для того в Дверь заглянуть надо, — с сожалением произнёс Генрих Карлович, — а тут нам без Шали не обойтись, ежели конечно, кто из вас даром особым не обладает, как предок ваш Данила Евграфович…

Перегудовы переглянулись, словно спрашивая друг у друга, не сокрыл ли кто из них такие необычные способности? Виктор даже покачал отрицательно головой, доказывая, что уж он-то точно ни в чём подобном не замечен!

— То-то и оно! — вздохнул господин Мюллер, — Потому Данила Евграфович для потомков своих, эти вещи чудесные и приобрёл. Зеркало Сути, как и Скипетр, изготовлены в Монкалина, а Шаль Данила Евграфович привёз из дальнего путешествия, откуда-то из Африки.

— Эко жаль, что Шали-то нет! — расстроилась Дарья Платоновна, — хоть бы глазом одним взглянуть, что за Дверью этой скрывается!

Та же мысль занимала и остальных, но — делать нечего! Генрих Карлович осторожно повернул рычажок в прежнее положение, и сверкающий луч стал медленно угасать. Сузился и потускнел мерцающий коридор, исчезли краски ветра, и вновь потемнела гладкая поверхность Зеркала. Стены вновь встали на свои места, и все предметы приобрели прежнее очертание. Убранство библиотеки, коим так гордился Дмитрий Степанович, показалось вдруг таким серым и скучным, что все невольно

вздохнули…

Равнодушно и мерно тикали старинные часы, тускло блестевшие тёмными лакированными боками. За окном жаркий ветер, лениво перебирал яркую листву белоснежной берёзы, спасающую своей густой кроной от летнего зноя всякого случайного прохожего, временами налетал в полураскрытое окно, пытаясь поиграть с золотыми кистями массивных портьер и не находя достаточных сил справиться с тяжёлой тканью бессильно затихал, растворяясь в солнечном летнем дне.

Перегудов, опершись на крепкий подоконник, задумчиво пощипывал уныло опущенные бакенбарды, мрачно двигал седыми бровями, морща широкий, морщинистый лоб и недоверчиво хмыкал, то и дело подозрительно оглядывая притихшую компанию.

Дарья Платоновна, не обращая на насупившегося супруга ровно никакого внимания, уютно откинулась на спинку мягкого кожаного кресла и рассеянно перебирала пухленькими пальчиками, постукивая по блестящей поверхности изящно изогнутого подлокотника, словно наигрывая неслышную мелодию. Лицо её было совершенно непроницаемо и только раз внимательный взгляд Перегудова заметил яркую блеснувшую искорку в глубине голубых глаз Дарьи Платоновны, которые она тотчас устало прикрыла потяжелевшими от времени веками, словно скрывая от окружающих какую-то только ей одной ведомую тайну.

Дмитрий Степанович, привыкший к тому, что его обычно открытая и даже несколько излишне эмоциональная супруга всегда безапелляционно и с удовольствием высказывает своё мнение по любому, даже самому незначительному вопросу был немало поражён её странным молчанием. Он с неудовольствием вглядывался в непроницаемое лицо Дарьи Платоновны в надежде услышать её мнение, (что она-то думает обо всём этом?!) и, не желая признаться даже самому себе, что впервые в жизни растерян и жаждет любой, хоть самой бестолковой подсказки, что же ему-то делать? Что говорить? С чего начать?! Но весь вид Дарьи Платоновны продолжал оставаться безмятежным, а поблёкшие губы безмолвно застыли то ли в ироничной усмешке, а то ли исказились тонкой гримасой лихорадочной мысли.

Перегудов перевёл тяжёлый взор на управляющего и священника и последний тотчас заёрзал, будто ужаленный угрюмым взглядом барина. Вскочил было с дивана, беззвучно шлёпнул губами, яростно топорща неопрятные рыжеватые усы, и не нашедши, что сказать, присел обратно, невозмутимо задирая вверх реденькую бородёнку и принимая независимый и

безучастный вид.

Сидевший рядом Генрих Карлович, не замечая всех телодвижений суетливого соседа, продолжал с мягкой мечтательной улыбкой смотреть на волшебное Зеркало, задумчиво проводя белыми, ухоженными пальцами по его блестящей серебристой поверхности. Перегудова неожиданно кольнула в сердце ревностная мысль, что уж больно вольготно его управляющий держит себя со столь бесценными вещами, которые принадлежат по праву наследования только ему, Дмитрию Степановичу и его семье! Но тут же осознание всей тяжести обладания сими необычайными предметами и весьма сомнительными привилегиями, вновь захлестнуло Перегудова с новой силой, и он с тоской подумал, как бы было хорошо, окажись всё это только дурным сном! С невольной дрожью несчастный Дмитрий Степанович посмотрел на своего младшего сына — вот кому может достаться нелёгкая доля управления имением, населённым столь странными и недобрыми существами! Ах, кабы знать!!! Разве привёз бы сюда семью свою?! Да за тыщи вёрст отседова схоронил бы, уберёг…

Побледневший и осунувшийся за этот нелёгкий день Николенька, не чуя жалостливого взгляда отца, неловко примостился на краешке добротного письменного стола. Ломал, не замечая того лёгкие белые перья, которые с печальным треском гибли в его руках, превращаясь в пыльное крошево. Тысячи мыслей роились в отяжелевшей голове бедного юноши, толкаясь и бранясь меж собою, не давая одной единственно верной выбраться наружу и привести в порядок весь тот хаос, что гнездился в его воспалённом мозгу. В силу своей молодости и обладая некоторыми, прямо скажем, весьма поверхностными знаниями в области естественных наук, Николенька отличался недюжинной долей здорового скептицизма, позволяющего ему снисходительно относиться ко всякого рода мистицизму, кстати, столь распространённому во всех уважающих себя модных салонах города. И вдруг, все его научные познания и доводы стали совершенно бессильны здесь, в этой маленькой комнате, с треском рассыпаясь перед серебристым, мерцающим Зеркалом, старинными пергаментами и потёртыми книгами, написанными его далёкими и не очень предками. Оказалось, что невзрачный сельский священник, в жизни своей не покидавший глухой лесной деревушки знает о Мире гораздо больше, чем он Николенька, не самый последний студент столичного университета, видавший известных поэтов и художников и не раз побывавший в Европе! Всё это решительно не укладывалось в Николенькиной голове и стремительный водоворот событий, куда

бедный юноша был столь бесцеремонно втянут волей обстоятельств, ни мало не способствовал трезвому размышлению и степенному осознанию всего происходящего. И Николенька, как когда-то в детстве с надеждой взглянул на своего стареющего отца, уверенный, что уж он-то во всём разберётся и скажет своё веское слово, которое тотчас разрешит всяческие сомнения и всё встанет на свои места, обретая привычный и милый сердцу порядок. Но, поднимая глаза, натолкнулся на такой неожиданно растерянный и виноватый взгляд отца, что сердце юноши болезненно сжалось.

Затянувшуюся тишину нарушил внезапный стук. Юному Виктору, единственному из всех, кто не обременял себя хлопотными мыслями, наскучило сидеть без движения, и он принялся шарить по своим уцелевшим карманам, в надежде хоть как-то себя развлечь. Мелкие, зелёные и нестерпимо кислые яблочки, набранные утром в лесу, покатились из его рук, когда он осторожно выуживал их из кармана, и своим дробным весёлым стуком заставили всю компанию оторваться от своих мыслей, возвращая каждого к действительности.

Дарья Платоновна с неудовольствием глянула на Виктора и уже собиралась сделать ему замечание, как её опередил озабоченный голос отца Никона, поспешно подскочившего с дивана:

— Однако, господа, спешу откланяться! Уж и так изрядно задержался.

— Куда же вы спешите, батюшка? — озадаченно спросила Дарья Платоновна, тут же позабыв про внука, и с недоумением воззрилась на подскочившего священника.

— Да как же благодетельница! — всплеснул руками отец Никон, одёргивая помятую рясу — ведь, чай, в церкви мне надобно быть — сегодня раба божьего Макара отпеваем! — и добавил еле слышно, — нет ведь, чтоб один раз помереть, они по второму разу умудряются, а ты изволь — служи!

Он хлопотливо пробежался по комнате, бесцельно трогая быстрыми руками старинные вещи, словно раскланиваясь и с ними тоже, и поспешил к выходу, нелепо подёрнув одной рукою полы длинного одеяния, а другой небрежно осеняя оставшихся крестом и торопливо бормоча благословения.

Дарья Платоновна тут же всполошилась, ахнула, всплёскивая полными ладошками, и тоном, не допускающим никаких возражений, выговорила супругу о необходимости тоже присутствовать на похоронах.

— Да как же, Дмитрий Степанович! — восклицала она, возмущённо разводя руками, хотя Перегудов и не пытался с нею

спорить, — ведь мы здесь с вами — закон и власть! А тут такое дело — смертоубийство! Беспременно нам надобно на отпевании быть!

Тут же решено было посетить службу всей семьёй, и Дарья Платоновна вышла распорядиться, чтоб поторопились с обедом.

Виктора отправили приводить себя в порядок, выговорив ему за непослушание (не очень, впрочем, усердствуя), но, тем не менее, в наказание оставили его дома под присмотром верного Ёры Семёновича.

Пообедали наскоро, причём часть семейства, посвящённая в чудесные и невероятные тайны, хранила важное молчание. Дмитрий Степанович немало озабоченный эдакими прямо скажем странными новостями, Дарья Платоновна и Николенька, горделиво раздуваясь от приобщения к семейному таинству, а Виктор просто потому, что чувствовал снисходительную мягкость знающего человека к ничего не подозревающим малышам и тётке Екатерине.

И вот пару часов спустя семейство Перегудовых в неполном составе чинно выступало по деревенской улице. От усадьбы до церкви было рукой подать, а поскольку Дмитрий Степанович и Дарья Платоновна не склонны были к помпезности, то запрячь коляску и не подумали. Шагали по-простому пешком, раскланиваясь со встречными крестьянами.

Дмитрий Степанович был непривычно задумчив, по-новому оглядывая свои владения и живущих в нём людей. Его супруга всю дорогу развлекала себя тем, что старалась угадать, к какой народности принадлежит тот или иной житель. И порою до того пристально осматривала встречных обитателей Полянки, дотошно донимая их двусмысленными расспросами, что Дмитрий Степанович, осердившись, был вынужден сделать ей замечание. После этого Дарья Платоновна немного угомонилась и лишь шёпотом комментировала шедшему рядом Николеньке свои предположения относительно того либо другого крестьянина.

Катенька, единственная дочь Перегудовых, была как обычно довольна и безмятежна. Она шла, поддерживая под руку близорукую мисс Флинт и рассеянно оглядывая деревенские окрестности, одинаково радушно глядя на пролетавших ли птиц или на кланяющихся ей крестьян. По обыкновению она всё больше молчала и лишь кивала иногда с лёгкой улыбкой на безумолчную трескотню гувернантки. Её бездумный поверхностный взгляд оживлялся, только падая на одетых в аккуратные тёмные платьица Настеньку и Володеньку, да и то ненадолго, а затем она вновь уходила в свои далёкие никому неведомые мысли.

Катюшина спутница мисс Флинт надевшая маленькую чёрную шляпку с вуалеткой по случаю печального торжества, поначалу безуспешно пыталась спасти подол длинного чёрного же платья, мгновенно намокший после недавнего дождя. Поняв, наконец, всю тщетность своих попыток она принялась воинственно разглядывать в позолоченный лорнет местных жителей, изредка делая замечания своим воспитанникам на английском языке. Впрочем, дети Настенька и Володенька, осознавая всю важность момента (мисс Флинт сообщила им с печальной миной, что они будут присутствовать на похоронах маленького мальчика и должны вести себя достойно) шествовали серьёзно и чинно, крепко держась за руки и не шаля, как обычно, так что замечания мисс Флинт отпускала более по привычке.

Наконец всей процессией подошли к церкви, и степенно перекрестившись, поднялись по ступенькам. Внутри уже шла служба. Крестьяне, завидев барина с семьёй, расступились, освобождая место впереди, и Перегудовы тесной стайкой встали у самого амвона, окружённые большой толпой молящихся людей.

Неподалёку от них стояла бабка Пелагея, тяжело опершись на крепкую суковатую палку. Против ожидания, её глаза были сухи, а лицо непроницаемо и строго. Надобно заметить, что, несмотря на печальное и трагическое событие никто не плакал. Лица крестьян были напряжённые, словно в страшном тоскливом ожидании грядущей беды. Бабы с боязливым любопытством вытягивали шеи, разглядывая покойника, и тут же крестились торопливо и испуганно, тихо перешёптываясь между собой. Мужики всё больше угрюмо молчали, склонив обнажённые головы и неловко переминаясь с ноги на ногу, обречённо глядели в пол.

Отец Никон ходил кругом деревянного гроба, помахивая дымящимся кадилом, и неразборчивой скороговоркой читал молитвы, изредка перемежая своё бормотание единственно понятной фразой: Во имя отца и сына и святого духа! заслышав которую, добросовестная Дарья Платоновна всякий раз крестилась и отбивала низкие поклоны, успевая при этом искоса поглядывать по сторонам.

Младшие дети Настенька и Володенька скоро заскучали, вынужденные стоять неподвижно среди большого скопления народа и вначале осторожно, а затем всё смелее начали возиться, пихать друг друга в бок острыми локотками и дёргать мисс Флинт за подол, громким шёпотом спрашивая нельзя ли им выйти. Гувернантка, в конце концов, осердилась и развела детей в разные стороны. Она поставила девочку справа от себя, строго погрозив ей длинным, ухоженным пальцем, а присмотр за

Володенькой взял на себя Николай, крепко ухватив мальчика за маленькую ладошку и сурово при том, нахмурив широкие брови. Володенька лишённый привычного общества сестры тотчас присмирел, но живая натура не позволила мальчику долго находиться без действия, и вскоре он принялся вертеть головой в разные стороны, разглядывая церковное убранство и высоко откидывая назад тонкую шею, рассматривал роспись на потолке. Николенька не мешал этим его занятиям, справедливо полагая, что более полного послушания от шестилетнего ребёнка он навряд ли добьётся.

Неожиданно Николай почувствовал, что маленькая ручонка мальчика внезапно запотела и крепко вцепилась в его ладонь. Он с недоумением глянул вниз на Володю и увидел, что лицо малыша совершенно побелело, а трясущиеся губы приоткрылись, будто он силился что-то сказать. Левая рука его медленно поднималась вверх, указывая на что-то дрожащим указательным пальчиком. Николенька проследил за его взглядом и увидел ту самую иконописную картину, что не далее, как сегодня утром привлекла его пристальное внимание. Николай слегка сжал ладошку мальчика и тот тут же повернул к нему испуганное бледное личико.

— Что случилось? — одними губами спросил Николенька.

Володя в ответ странно и некрасиво втянул голову в плечи и отрицательно закачал головой, показывая, что всё в порядке, но вид при этом имел такой жалкий и беззащитный, что у Николеньки невольно сжалось сердце.

— Что с тобой, малыш? — шепнул он, присаживаясь на корточки.

— Я боюсь! — неожиданно и быстро прошептал ему Володенька в ответ, тревожно оглядываясь по сторонам.

Николенька встал под осуждающим взглядом недремлющей Дарьи Платоновны и, виновато улыбнувшись, вывел мальчика на воздух.

На улице щёки Володи тотчас зарозовели, но он всё продолжал крепко держать дядю Николя за руку.

— Ну что же ты, Володенька! — упрекнул его тот, — ты же знаешь, что в церкви шалить нельзя, отчего же ты не слушаешься?

— Я слушаюсь, дядя Ники, — тоненьким голоском оправдывался мальчик, — я изо всех сил слушаюсь! — и добавил, глубоко вздохнув, — только я очень устал слушаться…

Николай улыбнулся и ласково потрепал малыша по пухлой щеке.

— А чего же ты испугался, глупыш? Ведь мы же все с тобою рядом, разве можно тебе бояться?

Мальчик тотчас замкнулся, низко наклонив голову и ковыряя носком ботинка, подвернувшийся кусок ссохшейся глины.

— Так что же ты, Володенька? — продолжал допытывать его Николай, присаживаясь на деревянную широкую скамью и усаживая мальчика рядом с собой.

Володя посопел немного, напряжённо размышляя, но, почувствовав себя в сильных дядиных руках в безопасности, наконец, опасливо произнёс:

— А Марья не велела про это рассказывать! Ну, как она меня опять в воду кинет!

Эдакое заявление, словно обухом Николеньку по голове ударило! Вот так штука! — лихорадочно подумал он, — видно не зря Дарёнка-то не верила, что мальчик сам с моста свалился!

Твердо решив не оставлять мальчика в покое, пока тот не расскажет всё начистоту, Николенька осторожно, боясь напугать малыша начал свои расспросы.

— Послушай меня, Володя, — медленно выговорил он, тщательно подбирая слова, — ты, знаешь ли, будущий хозяин этого имения и негоже тебе своих-то крестьян бояться!

— Так то — будущий! — резонно возразил мальчик, — а пока я ещё маленький! — и добавил тихо, — и потому мне страшно…

Николенька решительно встряхнул его за худенькие хрупкие плечи.

— Зато я большой! — возразил он, — и дедушка твой — тоже большой, и в обиду мы тебя не дадим!

Он ласково провёл ладонью по мягким шелковистым кудрям мальчика.

— Не надо бояться, глупыш! Мы должны знать, что тебе угрожает, чтобы суметь защитить тебя!

Володенька коротко вздохнул, всё ещё недоверчиво поглядывая на дядю и, наконец, решившись, тихо произнёс:

— Это Марья меня с моста кинула!

— Это которая же Марья? Та, что из воды тебя вытащила? — уточнил Николай.

Мальчик кивнул.

— Она. Только она меня топить не хотела! Она рассердилась, что я запретное увидел, оттого и кинула! А потом сама и вытащила, только велела никому не рассказывать, что я видел, а не то накажет!

— Постой-ка, — недоумённо спросил Николай, да как же она тебя с моста могла скинуть, когда сама на берегу стояла?

— А рукой махнула! — простодушно ответил Володя и вскинул вперёд маленькую ручонку, показывая, как махнула Марья, — вот так!

— Вот так… — задумчиво повторил Николенька.

Случись ему услышать эдакое заявление двумя днями ранее, он бы едва придал значение детскому лепету, снеся всё за нелепые фантазии. Но за эти дни столько перемен произошло в жизни и сознании молодого человека, что он с огромным вниманием продолжал терпеливо расспрашивать Володеньку, обдумывая и анализируя каждое его слово.

— Как же ты узнал, за что она на тебя осерчала? — снова задал вопрос Николай.

— Так мы под водою-то долго после плавали, — продолжал рассказывать мальчик, (на что Николенька с сомнением поднял брови, но смолчал) — она там и сказала, что б я забыл всё, что видел — иначе не миновать мне беды! А потом ещё на берегу повторяла, чтоб я не болтал — только кроме меня никто и не понял…

Володя помолчал немного, припоминая события страшного дня.

— Да я ведь и правда забыл! — виновато и удивлённо мальчик взглянул на Николая, — а вот нынче вспомнил!

— Отчего же? — продолжал допытываться Николенька.

Володя снова засопел, перебирая мелкими пальчиками складку на коротких штанишках.

— Там в церкви картина висит… — наконец произнёс он и закончил неуверенно, — так я её и видел…

— Ты видел картину? — не понял Николай.

— Не-а!.. — помотал головой мальчик, — не картину! Я видел то, что на ней нарисовано!

Николенька абсолютно ничего не уяснил себе из его слов и размышлял, как бы ему половчее задать вопрос, чтобы мальчик доходчиво объяснил ему, что же он всё-таки видел, но Володенька, увидев на лице дяди недоумение, сам принялся растолковывать ему смысл сказанной фразы.

— Я на мосту стоял и за перила раскачивался. Там с моста всё хорошо видно — далеко! Я смотрел на другой берег, он весь лесом зарос, а потом в одном месте деревья исчезли и там горы появились и речка, только совсем другая, не такая как наша! Это всё сразу появилось, ну как я не знаю… — он поморщил носик, пытаясь подобрать нужное слово, — ну вот как будто дверь в другую комнату открыли, а там всё другое! Понимаешь?

— Да, кажется, понимаю, — со всё возрастающим вниманием проговорил Николай.

— Ну вот, — воодушевился мальчик, польщённый неподдельным интересом взрослого человека, — горы там такие же, как на картине, острые — как зубы! Речка — такая быстрая и

злая, что вот будто укусит! А деревья, как огромные пауки!

— Ты всё это за секунду рассмотреть успел? — недоверчиво спросил Николай, начиная сомневаться — не фантазирует ли мальчик?

— Рассмотрел! — серьёзно кивнул тот головой, — я такое нигде больше не видал! А ещё там тётя стояла, такая же, как на картинке, только с крыльями!

— С крыльями! — невольно повторил удивлённый Николай.

— Ну да, — подтвердил Володя, — крылья большие и чёрные. Она там осталась, возле реки, а мальчик через дверь прошёл и сюда вышел…

— Какой мальчик? — запоздало спросил Николенька, задумавшись над Володиным рассказом.

— Ну, этот мальчик, дядя Ники, — Володенька простодушно махнул рукой в сторону церкви, — тот, которого сейчас хоронят — Макар!..

* * *

Совершенно забыв о своём статусе взрослого, серьёзного мужчины, Николенька, открыв рот в совершеннейшем потрясении, смотрел на пухлощёкого малыша, доверчиво хлопающего длинными ресницами. После такого сообщения Николай так долго не мог собраться с мыслями, что благоприятный момент для дальнейших расспросов был упущен.

Служба кончилась и из широко распахнутых дверей церкви появились люди. Они неторопливо спускались по высоким ступеням и, останавливаясь тут же, собирались в тесные безмолвные стайки, повернув головы в сторону входа.

Вскоре вынесли гроб с телом покойного и вся толпа молча и торжественно зашагала в сторону деревенского кладбища.

К Николеньке и Володе подошла Дарья Платоновна, идущая под руку с Катей.

— Идём, Николенька, — прикладывая кружевной платок к покрасневшим глазам, попросила Дарья Платоновна, — папенька Макарушку покойного на кладбище проводит вместе с Генрихом Карловичем, а мы уж домой!

И тут же добавила возмущённо, наклонившись к самому уху младшего сына:

— Эко ведь народ какой! И не всплакнёт никто! — и добавила убеждённо, — одно слово — нелюди!

Подождав, когда мимо пройдёт толпа деревенских жителей, Перегудовы двинулись в обратный путь. Они не успели выйти за

церковную ограду, как Николай почувствовал, что сзади его кто-то робко тронул за плечо. Обернувшись, Николенька увидел Дарёнку. Девушка прижала палец к губам, призывая к молчанию, и таинственными жестами пригласила следовать за собой.

Немного помедлив, Николенька глянул в сторону удалявшейся матери. Но та была так увлечена разговором (точнее будет сказать собственным монологом!) с дочерью и мисс Флинт, что совершенно ничего не замечала вокруг. И Николенька тотчас скрылся из поля её зрения за густо разросшейся сиренью, вслед за позвавшей его девушкой.

— Насилу-то нашла вас, барин! — чуть запыхавшись, выговорила девушка, — к отпеванию-то я опоздала, думала уж не успею вас повидать!

— Зачем же я тебе понадобился? — заинтересовался Николенька.

— Беда у нас, Николай Дмитриевич! — тревожно зашептала Дарёнка, — братец-то мой, Данила, как ушёл по приказу батюшки вашего, так и пропал!

— Ну-у, так ведь город далеко! — пожал плечами Николай, — а уехал он позавчера уже к ночи, пока-то доедет туда, пока в городе… рано ты забеспокоилась!

Дарёнка вдруг тихо заплакала, завывая по-щенячьи и по-детски вытирая слёзы сжатым кулачком.

— Ну что это ты, Дарёна? — мягко спросил Николай, обнимая её за плечи.

Что же это право за день такой, — подумалось ему, — всё — не слава богу!

— Ах, барин! — жалобно пролепетала девушка, — да ведь Данила и не уезжал никуда! Разве его Абуджайская-то Шаль на дорогу выпустит?!

— О чём ты? — насторожился Николай.

— Да как же вам сказывать-то, барин? — ещё горше зарыдала девушка, — вам ведь что не скажи — всё не верите!

— Да ты говори! Мало ли… Ты рассказывай, не бойся, уж, кажется, я нынче всему поверю…

Всхлипнув, Дарёнка жалобно пролепетала:

— Из имения-то только пять человек по своей воле уйти могут: управляющий с женой, бабка Пелагея, да Агафья с внучкой. Остальным дорога Абуджайской Шалью перекрыта, ещё с незапамятных времён! Данила даже если бы и захотел уйти — не смог бы!

— Отчего же его Генрих Карлович в город послал, разве ж он не знал?!

— Знал… отчего ж не знал! Только не можно сюда чужих

людей привести — зачарованное место это! Самим надобно злодея изловить, что на людей нападает! А Данила пропал… — лицо девушки снова жалобно скривилось, — может и он где с проломленной головою в непролазной чаще лежит и на помощь ему никто не придёт!

И совсем расстроившись, Дарёнка снова беззвучно расплакалась, глотая горькие слёзы.

— Вот что, Дарёна! — Николенька решительно оттёр ей слёзы горячей ладонью, — мы с тобою должны всё отцу рассказать! И Генриху Карловичу! Авось вместе что и придумаем, не оставим в беде твоего братца!

— А батюшка ваш? — опасливо спросила Дарёна, — не осерчает, что Данила-то наказ не выполнил? Да и господина Мюллера подведём!

— Не осерчает, — чуть подумав, отвечал Николенька.

Дмитрия Степановича с господином управляющим решено было поджидать тут же, благо другой дороги с кладбища всё одно не было. Пока ждали, Николай разговорился с расстроенной девушкой, стараясь беседой отвлечь её от печальных дум.

— А что, Дарёна, правду говорят, что Шаль в пожаре сгорела?

— Навряд ли, — задумчиво покусывая травинку, отвечала девушка, — слыхала я, что не горит она и в воде не тонет. Вот только куда запропала? После смерти Старой Барыни её никто не видел. Хотя — узнать её мудрено!

— Отчего же?

— Старая Барыня её всегда на плечах носила. Оденет она, к примеру, платье белое, а Шаль тут же светлым кисейным платком обернётся! А оденет черное-то, так и Шаль чёрная становится, а то ещё цветами красным расцветёт! К любому наряду она подходила и всяк своё обличье меняла. На деревне все бабы в платках ходят, поди, узнай, может какая, и Шаль Абуджайскую на себя одела?!

— А коли Шаль у любого отыскаться может, так тот и дорогу, верно, открыть сумеет?

— Нет, — печально покачала головой девушка, — Шаль Абуджайская заговорённым словом охраняется и рукам чужим не подвластна. Только тот, кто со Старой Барыней одной кровью связан, может Шалью повелевать.

— А поговаривают, что третьего дня кто-то Дверь в мир Нуагурцев открывал, — осторожно заметил Николай, пристально глядя на Дарёнку.

— Две-ерь?! — недоверчиво протянула девушка, — ну уж это враки! Ни одна Дверь не открывалась в Полянке с той поры, как Старая Барыня сгорела! Некому их открывать…

Она придвинулась ближе к Николаю и горячо заговорила, глядя ему прямо в глаза:

— Я вот думаю, что Шаль сама схоронилась до поры, а теперь беспременно найдётся, коли батюшка ваш приехал, дайте только срок!

Николай снова и снова прокручивал в мыслях все новости, услышанные им сегодня. Как же так? Выходит, что солгал Володенька? Нафантазировал по детской своей простоте, а он Николенька ему и поверил? А может Дарёнка лукавит? А впрочем, что ж ей лукавить? Ведь и Генрих Карлович о том говорил, не может чужой Шалью пользоваться! Не подвластна она ему! А в то же время мальчик был так убедителен в своём рассказе, что право трудно и ему не поверить? В чём же загадка?

— А что Марья? — внезапно спросил Николай.

— Что, Марья? — удивилась девушка.

— Ну да, Марья. Ты ведь говорила про неё. Помнишь? Могла бы она на расстоянии взмахом руки человека с ног сбить?

— Могла, — ни секунды не раздумывая уверенно подтвердила Дарёнка.

— Постой-ка, — проницательно добавила она, — уж не думаешь ли ты, что это она мальчишку вашего с моста скинула?

— Володя утверждает, что так оно и было, — тихо отвечал Николай.

— Ну, она, конечно, скинуть-то могла, — недоверчиво протянула девушка, — да вот только зачем ей? Показалось видно, мальчишке вашему. Марья, конечно, не добрая, но ребёнка, забавы ради с моста в воду кидать не станет!

Увлёкшись занимательным разговором, они чуть было не просмотрели Дмитрия Степановича и господина Мюллера.

Надобно сказать, что недавнее недоверие Дмитрия Степановича к своему управляющему совершенно прошло, и они вновь чувствовали друг к другу симпатию, как и в самом начале знакомства. Взаимное расположение, однако, не мешало им о чём-то отчаянно громко спорить, бурно жестикулируя при этом. Но благодаря этим звучным выкрикам, Дарёнка и Николай, наконец, заметили их и, спохватившись, бросились вдогонку.

Глава 11
Госпожа Видящая

Меж тем Дарья Платоновна с детьми и гувернанткой благополучно добрались до дома.

Всю дорогу госпожа Перегудова без умолку вещала на разные темы: о значении хорошего образования для развития подлинно высоких чувств; о правильном воспитании детей; о необходимости благоустройства имения, словом всё то, о чём способна часами говорить любая женщина, причём каждая уверена, что только она знает всё о предмете беседы. Но настоящие свои мысли Дарья Платоновна не открывала никому, хотя они настолько занимали её, что она даже не заметила отсутствия сына и на редкие вопросы мисс Флинт отвечала столь невпопад, что даже Катенька очнулась на время из своего безмятежного оцепенения и взглянула на мать с неподдельным изумлением.

Войдя в дом, Дарья Платоновна тотчас оставила своих спутников, сославшись на невыносимую головную боль, и с прытью завидной для дамы столь почтенного возраста ринулась в библиотеку. Лишь только захлопнув за собой дверь, и повернув ключ в замочной скважине дважды, она, наконец, перевела дух.

В комнате было тихо. Тяжёлая крепкая дверь и плотно зашторенные окна не пропускали звуков снаружи (окна в библиотеке вообще открывали редко, дабы безжалостное солнце не выжгло своим ярким светом страницы драгоценных книг). Дарья Платоновна постояла немного, пока её глаза не привыкли к полумраку. Затем она зажгла свечи в канделябрах и, глядя на себя в зеркале, провела рукою по морщинистому лицу, словно стирая значительно-надменное выражение, столь приличествующее супруге господина, занимающего высокое положение в обществе. Удовлетворённо кивнув своему отражению, Дарья Платоновна села за стол и затаив дыхание, раскрыла старинную рукопись древнего прадеда Дмитрия Степановича. Разгладив ладонями пожелтевшие страницы, она придвинула к себе оставленные мужчинами в беспорядке таинственные предметы — широкий потёртый кожаный пояс и скипетр, изготовленный из блестящего серебристого металла.

Тут надобно сказать, что всю жизнь свою Дарья Платоновна ждала, что вот-вот произойдёт с ней что-то необыкновенное! Особливо смолоду грезилось ей небывалое и чудесное, а спроси — что? И сама не знала! Так и всю жизнь свою жила мечтами да

фантазиями — до самых преклонных лет. Бывало, увидит сон — красочный, яркий, такой, что сердце в груди защемит, вскочит с кровати взбудораженная — вот оно знамение! Теперь всё в моей жизни измениться, всё по-другому пойдёт — но!.. Жизнь шла своим чередом, замужество, дети, визиты, салонные разговоры, вот уж и старость подкралась незаметно и всё чаще, глядя в зеркало, качала Дарья Платоновна печально головой. Нет! Чудеса в жизни может и есть, но не для этой старухи с потухшим взглядом и усталым лицом, изборождённым мелкими морщинами, в помятом чепце, сбитом набекрень и выглядывающими из-под него клочками седых волос накрученных на тряпичные папильотки.

Не подумайте только, что она была несчастна! Вовсе нет! Вольготно и радостно жилось ей в родительском доме окружённой заботой папеньки и маменьки! Прямо из родительского гнезда выпорхнула она вить собственное семейное гнёздышко, и рядом оказался удачливый и домовитый красавец муж, бесконечно любящий и горячо любимый. Дети — её гордость и предмет всестороннего обожания, не принесли в её жизнь никаких особых забот, радуя покладистыми характерами, послушанием и трудолюбием.

Только временами она будто просыпалась от тяжкого сна и в голову её приходили странные мысли — отчего она здесь? Отчего эти люди рядом с ней? Почему она должна думать о них и переживать над их мелкими заботами, когда весь мир такой огромный и манящий звал её за собой?!

Но тут же гнала от себя такие нелепые и крамольные мысли и принималась за свои обычные ежедневные хлопоты, полностью погружаясь в обыденную суету. Брюзжала с утра на служанку — отчего скатерть не отглажена? Ругалась со швейцаром, отлучившимся по естественной надобности и не поспевшим открыть двери нежданным визитёрам: — Будут теперь люди говорить, что Перегудовы на дворне экономят и сами дверь входную отворяют! Распоряжалась на кухне, вникая во всякие пустые мелочи, встречала по вечерам гостей, развлекая их бесконечными праздными разговорами в ожидании ужина, а жизнь та, что виделась ей в чудесных снах, проходила всё мимо, мимо!..

В тот день, когда прочла она письмо Софьи Михайловны, в сердце кольнула безумная и подзабытая надежда окунуться в мир несбыточных грёз и поразительного волшебства, хотя весь опыт её прошлой жизни восставал против того, чтобы поверить в такую небывальщину, но всею своей душой искренне и страстно взмолилась она в тот миг: Господи! Пусть это будет правдой!

В задумчивости сидела теперь Дарья Платоновна за столом, перебирая в памяти минувшие дни. Наконец, энергично тряхнув головой, она улыбнулась, отгоняя одолевшие её мысли, и со всем свойственным ей прилежанием углубилась в изучение лежащих перед нею предметов.

Взяв в руки скипетр, Дарья Платоновна почувствовала его прохладную приятную тяжесть. Повертев его и так и эдак, она подошла к зеркалу. Встала напротив и, поджав губы, придала лицу своему вид величавый и торжественный.

— Мадам Видящая! — громко проговорила она, пробуя новое звание на слух.

Нет, лучше так:

— Госпожа Видящая! — при этих словах она согнулась в угодливом поклоне своему отражению и, взвизгнув от восторга, совсем как девчонка, подскочила вновь к столу и принялась копаться в старинных записях.

Так, посмотрим, с чем там мужчины разобраться не могли! Пояс-переместка… так, так…

Прижав к близоруким глазам пенсне в золотой оправе, она принялась терпеливо разбирать неразборчивый почерк, беспрестанно шевеля губами.

Пояс одень на себя, где и положено поясу быть.
Пояс покуда с тобою, ты сможешь прыгнуть на милю и более,
но осторожнее будь!
Мысленно место представь,
где ты оказаться желаешь и расстоянье к нему без труда одолеешь.

Ежели места представить не можешь,
поскольку ты в нём не бывала,
встань, направляясь лицом к возжелаемой точке.
Пальцы загни на руке равных по счёту тем милям,
что, несмотря на препоны надо тебе перепрыгнуть.

Нетерпеливо нацепила Дарья Платоновна пояс вокруг своей располневшей талии, для чего ей пришлось несколько втянуть живот и вдохнуть в себя воздух.

Пояс одень на себя, где и положено поясу быть…

Ну, что ж, думаю, что пояс на месте, не на нос же его цеплять?! Что же дальше?

Мысленно место представь,
где ты оказаться желаешь…

Куда бы мне пожелать? Вот если бы отсюда, да прямо ко мне

в спальню!

Она зажмурила глаза, готовясь к отчаянному, головокружительному полёту, но ничего не происходило. Постояв немного, Дарья Платоновна сделала два небольших прыжка по комнате, затем ещё, подтягивая себя руками вверх за пояс. Но это также не дало никакого результата.

— Хочу в спальню! — запыхавшись, обиженно проговорила она.

Огонёк свечей насмешливо заплясал в ответ, колеблясь от её тяжёлого дыхания.

Дарья Платоновна взяла в руки скипетр и, взмахнув им над головой, грозно крикнула:

— А ну! В спальню!

За дверью послышался топот и отдышливый голос мальчишки Сеньки произнёс:

— Звали, барыня?

От досады Дарья Платоновна скрипнула зубами.

— Нет! Пошёл вон, дурак!

За дверью обиженно засопели, и Сенька удалился ворчливо бормоча.

Дарья Платоновна устало опустилась в кресло и прикрыла глаза: Ах, нет! Всё совершенно напрасно! Зачем я здесь, в этом дурацком поясе? Что я делаю — народ смешу? Уж пойти бы мне, право, прилечь. Так здесь душно и темно! Пойду… в комнате моей солнечно, окошко открыто, и ветерок ласковый шумит! Постель под балдахином розовым такая мягкая, что так и тонешь в перинах. На комоде романчик недочитанный лежит, вот и пойду я…

Додумать Дарья Платоновна не успела. Со страшной силой голову её вдавило в плечи и всю её мгновенно и быстро, словно вывернуло наизнанку, пропустив через пояс, а затем, будто вновь вернуло обратно! Процедура была безболезненная, но каждая частичка тела так и загорелась огнём, хотя и надо признать огнём приятным и будоражащим!

Ошеломлённо и дико поводила Дарья Платоновна выпученными глазами в разные стороны. Она сидела на краю постели в своей комнате, пред ней стоял комодик, покрытый розовой краской и недочитанный роман на нём…

— Господи! — жалобно простонала Дарья Платоновна, — да что же это со мной, не помню, как и дошла сюда!

И тут же подпрыгнула на кровати, как резиновый мячик.

— Я смогла! У меня получилось! Боже, храни царя! — неизвестно отчего вскрикнула она и расхохоталась над собственной глупостью.

Дарья Платоновна встала, закрыв пухлыми ладошками глаза. Библиотека. Тёмные зашторенные окна, свечи, колеблющиеся причудливые тени на корешках старинных книг, большой тяжёлый письменный стол, заваленный потёртыми свитками и разнообразными предметами для письма, пол из дубового паркета…

В этот раз она была готова, и удар не застал её врасплох. Оторвав ладони от глаз Дарья Платоновна огляделась и увидев знакомую обстановку библиотеки, вновь счастливо рассмеялась.

А что, ежели на кухню прыгнуть? Вот Феклушка то переполошиться! — подумалось ей, и она тут же представила себе кухонное убранство, предвкушая удовольствие от предстоящей потехи. Но, переместившись в кухню, её ждало глубокое разочарование — там не оказалось ни одного свидетеля её чудесного появления. Раздосадованная, Дарья Платоновна вышла в коридор, отделявший кухню от передней, и тут же услышала разговор прислуги.

— Что, Сенька? — спрашивали там, — барыня наверху?

— А где ж ей быть? — грубо отвечал мальчик, — чай, хлопот-то нету! В библиотеке они. То кричат благим матом, то смеются, а то ругаются почём зря! Видать, что на старости лет и вовсе разум потеряли!

Дарья Платоновна в негодовании сжала пухленькие кулачки, собираясь вмешаться в беседу, но тут первый голос, принадлежавший горничной Авдотье, произнёс:

— Так ты тут постереги, Сенька! А я ужо на кухню сбегаю, пока Феклушка с Ёрой Семёнычем во дворе любезничает! Я из чуланчика хозяйского колбаски кровяной отрежу, да пива из жбана нацежу! То-то угостимся!

Дарья Платоновна подпрыгнула возмущённая такой наглостью, но тут же, тронув себя рукой за пояс, ухмыльнулась многообещающе и ехидно: Вот уж я вам приготовлю угощение!

Через секунду она стояла на улице возле входа, что есть силы, дёргая за шнурок колокольчика и для пущего эффекта колотила башмаками в дверь. За стенкой послышались шаги — посыльный Сенька бросился открывать. Но в тот момент неуловимая Дарья Платоновна уже выглядывала из дверей своей спальни и дурным голосом кричала, чтоб ей тотчас подали стакан холодного молока.

Расторопная Авдотья кинулась выполнять приказ взбалмошной хозяйки и бегом понесла стакан с молоком в комнату, тогда как голос разгневанной барыни внезапно послышался из библиотеки, понося, на чём свет стоит, нерадивую прислугу!

Подумав, что обозналась, Авдотья вприпрыжку помчалась в библиотеку. Она постучала и, не дождавшись ответа, открыла дверь, но к своему величайшему удивлению никого там не обнаружила!

Из детской показалась удивлённая и сердитая мисс Флинт.

— Что здесь происходит, что за шум? — строго спросила она у пробегавшей Авдотьи.

Несчастная горничная только пожала плечами, жалобно взглянув на рассерженную мисс Флинт.

В то же время внизу опять раздался громкий звон дверного колокольчика и глухие удары ногою. Ополоумевший Сенька, споткнувшись по дороге, распахнул дверь, но, как и в первый раз, там никого не было!

Меж тем раздражённый и визгливый голос зловредной Дарьи Платоновны раздавался на кухне, отпуская в адрес дармоедов, что стакан молока бедной больной старухе принести не могут! весьма нелестные эпитеты, доведя тем самым измученную Авдотью чуть не до обморока.

Сбитая с толку, растерянная и недоумевающая, Авдотья вернулась снова на кухню, но застала там только бестолково топчущегося Сеньку. В досаде, хлопнув паренька тряпкой по загривку, Авдотья велела ему убираться вон и после часа два просидела на табурете, вздрагивая от каждого звука и не смея тронуться с места.

Справедливости ради надобно заметить, что холодного пива с кровяной колбасой Сеньке с Авдотьей в тот день более не захотелось!

А довольная собой Дарья Платоновна вновь уселась за рукописную книгу и принялась перечитывать страницы, позабыв про пенсне.

Ежели места представить не можешь,
поскольку ты в нём не бывала,
встань, направляясь лицом к возжелаемой точке.
Пальцы загни на руке равных по счёту тем милям,
что, несмотря на препоны надо тебе перепрыгнуть.

Перебирая в нетерпении полными ногами, Дарья Платоновна встала лицом на запад. Подумав, она загнула на руке один палец, затем второй, третий и стоя так зажмурила глаза, ожидая, куда вынесет её судьба и пояс-переместка!

Увы! На сей раз, судьба была к ней неблагосклонна! Не успела Дарья Платоновна оглядеться, как обжигающий ледяной холод обдал её с ног до головы. Она попыталась крикнуть, но в горло тотчас попала вода. В ужасе открыла Дарья Платоновна глаза и увидела над собой водяную толщу, сквозь которую

просвечивало мутное вечернее солнце.

Задыхаясь, Дарья Платоновна исступлённо заработала руками и ногами, пытаясь выбраться на поверхность. Ноги её нащупали твёрдое дно и, в последнем отчаянном порыве она оттолкнулась и вылетела на поверхность, жадно глотая воздух и откашливаясь.

Берег оказался очень близко и прямо над головой Дарьи Платоновны висели низко склонённые ветви плакучей ивы. Она тотчас ухватилась за них, и осторожно перебирая руками, выбралась, наконец, на твёрдую землю, едва переводя дух.

Перед нею во всей своей красе раскинулось Голубое озеро. На другой его стороне виднелась усадьба, возле которой можно было разглядеть снующих взад и вперёд людей.

Сердце Дарьи Платоновны бешено колотилось, мокрое озябшее тело тряслось крупной дрожью, изнемогая от страха и усталости. Только сейчас Дарья Платоновна осознала всю опрометчивость своего поступка. А ежели бы я угодила на середину озера? — подумалось ей, и она содрогнулась, поняв, что случись такое, доживать бы ей сейчас последние секунды своей жизни!

Возле самого берега, недалече от места, где сидела утомлённая Дарья Платоновна, раздался тихий всплеск. Из воды показалась мокрая, лоснящаяся мордочка маленького ребёнка, лет пяти-шести. Он сидел в воде, выставив наружу только огромные светлые глаза и широкий нос, словно лягушонок на мелководье.

— Ты кто? — слабым голосом спросила Дарья Платоновна, обирая прилипшую тину с ворота платья.

Ребёнок молчал, пуская изо рта на поверхность озера крупные пузыри.

— Ну что сидишь? Отвечай! — раздражаясь, велела Дарья Платоновна.

Ребёнок тут же испуганно нырнул, только таращил круглые глаза из-под воды на рассерженную Дарью Платоновну.

Заинтересовавшись его замечательной способностью, Дарья Платоновна принялась подсчитывать, сколько времени необычный ребёнок-лягушонок проведёт под водой. Она уже сбилась со счёта, но малыш всё сидел в воде, пуча на барыню глаза и не думая покидать своего места.

Наконец терпение Дарьи Платоновны иссякло.

— Ишь ведь, уставился пучеглазый!

Она взяла длинную тонкую ветку и принялась тыкать в воду, надеясь достать надоедливого соглядатая. Малыш, верно, подумал, что барыня играет с ним, быстро ухватил ветку рукой и

с силой дёрнул на себя. Бедная Дарья Платоновна, не удержав равновесия, с громким воплем плюхнулась в воду около берега, подняв целую тучу брызг.

Испуганный ребёнок что есть мочи заработал руками и ногами, стремительно уплывая от опасного берега, а мокрая и грязная Дарья Платоновна уже с привычной ловкостью выбиралась по влажному склону на сушу, на сей раз не на шутку разгневанная.

Выпрямившись во весь рост, она долго грозила пухлым кулачком во все стороны, пытаясь высмотреть невидимого под водою врага, но никто более не показывался на неподвижной поверхности голубого озера.

Казалось бы, такое злополучное происшествие навсегда должно отбить у бедной старушки охоту к приключениям, но не такова была Дарья Платоновна! Отдышавшись и отдохнув, она мудро заключила, что из-за одного неудачного эксперимента не стоит впадать в уныние, но впредь поклялась соблюдать осторожность.

Мысленно вновь представив себе, полумрак библиотеки, она тотчас оказалась там и первым делом отстегнула пояс, не решаясь более проводить опыты с перемещением.

— Хватит, пожалуй, на сегодня, — бормотала она себе в нос, — хорошего-то понемногу! — и с удовольствием вспомнив, как давеча проучила незадачливую прислугу, заключила, — а всё же занятная штучка, поясок-то этот!

Глава 12
Яма

А Дарёнка плакала. Так плакала навзрыд горько и безутешно, что бедный Николенька не знал, что и сказать, как успокоить несчастную девушку.

Да и что тут скажешь, когда стоит рядом отец и грозно хмурит брови.

— Ну, будет, будет, — ворчал Дмитрий Степанович, — сказано ведь — отыщем. Эко вы девицы мокроту любите разводить! Ну, посуди сама — куда мы на ночь-то глядя? Хоть бы знать, где искать! А вот ежели завтра к утру не вернётся, так отрядим людей — поищем! — он угрюмо посмотрел на плачущую девушку, — да я хочешь, сам пойду! Но только не сегодня!

Бедная Дарёнка уныло кивнула в ответ.

Разговор происходил у самого входа в господскую усадьбу.

Генрих Карлович при первых же словах Дарёнки о пропавшем Даниле озабочено глянул на часы и, извинившись, ушёл, обещая быть позже. И вот стоя на высоком крыльце, Дмитрий Степанович и Николенька как могли, успокаивали плачущую девушку. Наконец ретировался раздосадованный Дмитрий Степанович (мало мне забот!) и Николенька остался с Дарёнкой наедине совершенно не представляя, как же ей помочь.

— Дарёнка, — он ласково пожал её безвольно опущенную руку, — отец, верно, говорит, ну куда мы, на ночь-то, глядя, пойдём!

— Нет! — выкрикнула девушка, — вы не понимаете! Да может он кровью истекает, и жить ему осталось не более часа! Как же я ждать до утра буду?! Я сейчас же пойду! Наверху на холме у Ведьминой опушки нынче ночью огонёк от костра виднелся. Может там Данила наш скрывается? Туда пойду!

— А ежели там разбойник? — припугнул её Николай.

— А ежели разбойник, — повторила Дарёна, презрительно сощурив глаза, — так и вам надобно идти, вы здесь земельных угодий хозяин. Но коли вы, с папенькой вашим, боитесь по ночам-то ходить, что ж придётся мне одной!

Взмахнув чёрной косой, она стремительно сбежала по ступеням.

— Постой! — вслед ей бросился Николенька, — а ну стой! — развернув её за плечи, он сердито заговорил, — ты вот что! Самовольством-то не занимайся! Одна она пойдёт, как же! — и, успокоившись, продолжил, задумчиво оглаживая рукой гладкий

подбородок.

— Ты возле моста меня жди. Я только домой забегу, соберусь. Только смотри! Нашим никому ни слова — вдвоём пойдём!

Дарёнка обрадовано кивнула головой и, бросившись Николеньке на шею, расцеловала его прямо в губы, после чего оба страшно смутились и опустили глаза.

— Так я пойду? — оробев, спросила девушка.

— Иди! — краснея в ответ, выговорил Николай и оба до поры разошлись в разные стороны.

* * *

В столовой большого господского дома вся дружная семья сидела за одним столом — ужинали, не доставало лишь Николеньки и Дарьи Платоновны.

Припоздавший Николенька, извинился и сел на своё обычное место, торопливо заправляя салфетку за ворот платья и принимаясь за еду.

Дмитрий Степанович обвёл домочадцев грозным взглядом:

— Отчего это Дарья Платоновна задерживается? — сурово спросил он.

Все молчали, только Катенька с готовностью предложила:

— Позвольте, папенька я схожу, узнаю? Она давеча на головную боль жаловалась, не захворала ли?

— Сиди! — повелительно пригвоздил её к месту отец, — Авдотью пошлю! Всё без дела сидит день деньской!

Это решение неожиданно развеселило юного Виктора.

— А Авдотья, дедушка, в каморке у себя с нервическим припадком лежит, и пойти не сможет!

— Эт-то ещё, что с прислугою случилось? — насупил брови Дмитрий Степанович.

— А она в обморок упала, когда нашу бабушку увидела, — охотно объяснил внук, — та из библиотеки выходила, а за нею вода ручьём, как от утопленницы и вокруг шеи лилии водяные висят, я признаться и сам струхнул, как увидал! А уж Авдотья-то и вовсе напугалась! Она и давеча была не в себе, всё по комнатам бегала, как угорелая, бабушка её битый час дозваться не могла!

— Что ты несёшь-то, неслух! — недовольно проворчала Дарья Платоновна, заходя в комнату и услышав последние слова внука.

Она не больно шлёпнула разболтавшегося мальчика ладошкой по затылку и величаво уселась напротив супруга.

— Что это с вами, матушка приключилось нынче, — поинтересовался супруг, — что бессовестная Авдотья, ровно

барышня-институтка при виде вас в обморок падает?

— Ох, не знаю, отец мой! — озабоченно пропела Дарья Платоновна, пряча лукавую усмешку, — верно воздух деревенский так на беднягу действует, непривычная она, вы уж не обессудьте, полежит немного, да оклемается!

Дмитрий Степанович недоверчиво приподнял брови, но допрашивать более не стал.

После ужина Николенька украдкой прошёл в чулан и взял оттуда дорожную котомку. В неё положил спички, нож, длинную, крепкую верёвку, свечи и большой ломоть чёрного хлеба. Ещё он прихватил с собой фонарь. Он был большой и громоздкий потому в котомку не влезал, пришлось нести его в руках. Подумав, Николай накинул на себя сверху длинный плащ из плотной непромокаемой ткани, и сборы были завершены.

Дождавшись, когда утомлённые долгим днём домочадцы разойдутся по своим комнатам, Николенька украдкой вышел из дома и заспешил в сторону моста.

Моросил лёгкий нудный дождь. Ни одна звезда не просвечивала в небе из-за плотной облачной завесы. Темень стояла такая, что не разглядеть было пальцев на вытянутой руке. Проклиная свою мягкотелость и Дарёнкино упрямство, Николай уныло шагал к мосту, временами выбирая дорогу только на ощупь. Он очень быстро вымок, и поднявшийся холодный ветер продувал его насквозь. Николенька порадовался, что догадался надеть плащ, он хоть и немного помогал от промозглой сырости, но без плаща Николеньке пришлось бы совсем худо.

Не доходя до моста, Николай приметил две светящиеся точки, словно глаза дикой кошки. Сверкающие огоньки приходились почти на один уровень с Николенькиными плечами, и он невольно вздрогнул, гадая, что за зверь поджидает его в ночи!

— Это я! — раздался тоненький голосок.

Николенька расслабленно вздохнул, признав голос Дарёнки. Подойдя ближе, он разглядел свою спутницу, закутанную в широкий тёмный платок.

— Ну! — сурово вымолвил Николай, — сказывай, куда пойдём?

В душе он надеялся, что девушка отложит поиски из-за непогоды, и они вернутся под тёплый домашний кров, но этого не случилось.

— К Ведьминой опушке нам нужно, — едва различимо в темноте махнула рукой девушка, — между опушкою и Ямой нынче опять огонёк светился, подкрадёмся потихоньку и поглядим, кто там костры жжёт.

Всякая надежда, что поход будет отложен, пропала, и Николенька покорно зашагал, поддерживая свою спутницу по скользкой дорожке.

В полной темноте они ступили на мост. Его сильно раскачивало под напором резкого холодного ветра, и Николенька ухватился рукой за перила. Вокруг не было видно ни зги, только шаткая опора под ногами, вой ледяного ветра и глухой рокот невидимой реки далеко внизу.

Наконец они миновали неуютное место и ступили в густой лес.

На этой стороне реки росли одни сосны. Высокие гладкие стволы уходили далеко в небо и на самой вышине плотно переплетались густыми вечнозелёными иглами. В лесу не чувствовался ветер и дождь не донимал мелкой занудливой моросью. Вот только темнота стояла пуще прежнего.

Николенька решительно достал из-за плеча громоздкий фонарь и принялся его разжигать, пытаясь высечь огонь отсыревшими спичками.

— Не надо бы нам огня, — осуждающе заметила Дарёнка, — слишком приметны мы станем в лесу!

Николай повернулся, отыскивая её по голосу:

— Но я ничего не вижу, — возразил он, — я не могу идти в такой темноте!

Дарёнка вздохнула, соглашаясь:

— Ну, ладно! Только ты его сразу погаси, как скажу! Мало ли…

Они пошли дальше, с трудом находя узкую тропу среди огромных вековых стволов.

— Дарёнка! — окликнул девушку Николай, — а ты знаешь, у тебя в темноте глаза светятся!

Дарёнка обернулась к нему, сверкнув глазами и тихо рассмеялась:

— Знаю! Генрих Карлович говорил, что у нас строение глаз как у кошек. Они с Софьей Михайловной всё через приборы разные глаза наши разглядывали, и в тетрадь всяко разное записывали. Софья Михайловна книгу про Шалаков написать хотела, да не успела! Мы ночные жители, оттого у нас и глаза другие. Мы по-разному видим, не так как вы…

— А как? — заинтересовался Николенька.

— Ну, цвета другие, формы. Да я бы и сама про то не знала, но Генрих Карлович, как опыты разные с нами проводил, то растолковывал.

— Вот интересно, как ты меня видишь? Каким?

— Мокрым и неуклюжим, — рассмеялась девушка, — вам бы,

барин лучше под ноги смотреть, вона вы два раза в грязь-то свалились!

Разговаривая, они забредали всё дальше в лес. Одинаковые стволы мелькали у Николеньки перед глазами, в неверном свете тусклого фонаря. Николай вдруг подумал, что окажись он здесь сейчас один, нипочём бы ему не выбраться обратно и на миг ему стало жутковато.

— Дарёнка, — снова заговорил он, — далеко ли ещё до Ведьминой опушки?

— Нет, — отозвалась девушка, — сейчас в овражек спустимся и по дну его выйдем на Звенящий родник. Как выходить станем, ты фонарь-то загаси. Упаси бог нам со старой Агафьей встретиться!

— А что она здесь живёт? На Ведьминой опушке? — невольно понизил голос Николенька.

— А то где же, — понизила в ответ голос и Дарёнка, — ей по-другому то и жить нельзя, уж больно у неё глаз не хорош, — ни одна живая тварь не выдерживает, сразу замертво падает!

Николенька поёжился не то от холоду, не то отчего другого и дальнейший путь они продолжали молча.

Вскоре путники дошли до оврага и принялись спускаться вниз по сырому, склизкому склону. Не удержавшись на ногах, Николенька упал, увлекая за собой Дарёнку, и они покатились оба по мокрой траве, безо всякого успеха пытаясь ухватиться руками за мелкую древесную поросль. Потерянный фонарь погас и Николенька, скатившись на самое дно, ничего не мог разглядеть в наступившей кромешной тьме. Рядом завозилась Дарёнка и в ночи блеснули её светящиеся глаза.

— Ну что? — тихо спросила она, — руки-ноги целы?

— Да вроде бы всё в порядке, — отозвался Николенька. Поддерживая друг друга, они поднялись на ноги, отряхиваясь от грязи и налипших сосновых иголок. Вдруг Николенька, неловко оскользнувшись, вновь очутился на боку, вцепившись при этом Дарёнке в руку и опрокидывая её на себя.

На сей раз, новое происшествие рассмешило молодых людей, и они не сдерживаясь, громко и беззаботно расхохотались над собственной неудачей. Ответом на их беспечный смех прозвучало зловещее и страшное эхо. Хохот, многократно усиленный повторился вдали жуткой издевательской насмешкой.

Ночные путешественники притихли, затаившись на дне оврага и не смея поднять головы.

Наконец дикое эхо умолкло, и вокруг опять слышался только шум ветра в кронах высоких деревьев. Дарёнка и Николай тихонько поднялись и, отыскав укатившийся далеко в сторону

фонарь и котомку, бесшумно зашагали по дну глубокого оврага.

Вскоре послышалось тихое приветливое журчание.

— Родник Звенящий, — шёпотом пояснила Дарёнка. — здесь владение ведьмы начинается. Поостеречься бы нам…

Цепляясь за мокрый, колючий кустарник они осторожно выбрались из овражка, который возле родника стал вовсе не глубок.

— Теперь ведьмину хибару стороной обойдём, прошептала Дарёнка, — и в сторону Ямы пойдём, там огонёк-то виделся!..

Николенька кивнул и отправился за девушкой, смутно угадывая очертания её фигуры в темноте.

— Что за место такое — Яма? Отчего его так зовут?

— Так там и есть Яма. Отверстие в земле небольшое, но глубины необыкновенной! Говорят, что у Ямы и вовсе дна нет, сколь не пытались измерить, до дна ещё никто не достал!

— А разглядим мы в темноте её, Яму эту? Вниз-то не свалимся?

— Не бойся. Её уж давно оградили, случаев-то много разных нехороших бывало, попадали в Яму и люди и звери, так уж назад не возвращались! Вкруг неё теперь хибару надёжную возвели, с крышей и дверью крепкой, всё как полагается. Саму Яму по краям кирпичом обложили и крышкой закрыли для надёжности, небось, никто не провалится более!

Они замолчали и крадучись, осторожно обошли кругом Ведьмину опушку, на которой едва видимая чернела обветшалая кособокая хижина, и опять углубились в лес.

Дождь всё продолжал моросить, идти в мокрой, холодной одежде было очень неуютно, и Николай предложил выбрать местечко посуше, и остановиться на отдых.

— Сейчас, — отозвалась Дарёнка, не оборачиваясь, — скоро уж до места дойдём. Там и отдохнём.

Но всё же отдохнуть им пришлось гораздо раньше. Плохо ориентирующийся в темноте Николенька споткнулся о невидимый в ночи пень, и кубарем покатившись по траве, так зашиб себе колено, что некоторое время не мог даже встать.

— Сейчас костёр разведём, — сочувственно поблёскивая глазами, сказала Дарёнка, — я тебе травки заварю — полегчает!

— А можно, костёр-то? — морщась от боли, спросил Николенька, — ну как увидит кто?

— Навряд ли, — засомневалась девушка, — мы далеко ушли, теперь уж нас не увидать!

Пока Николенька сидел, прислонившись к стволу высокой сосны, Дарёнка прошлась кругом в поисках сухого валежника. Такового почти не находилось и потому костёр разгорался

медленно и неохотно. Наконец сырые ветки занялись, и огонь загудел весело и ровно. Дарёнка достала из своей котомки маленький закоптелый котелок, налила из фляжки немного воды и, бросив туда щепотку красноватых листьев, поставила снадобье на огонь.

В ожидании, когда целебный отвар будет готов, мокрые и усталые путники сидели, тесно прижавшись, друг к другу и протянув к огню озябшие руки.

— У тебя, Дарёнка, ладошки, как лапки у кошки, — внезапно сказал Николенька, наблюдая, как девушка помешивает веточкой варево.

— А вам-то почём знать! — тотчас осердилась та, — нешто вы мои руки трогали?

— Трогал, — тихо отвечал Николай, — там, возле дома, помнишь? Ты меня ещё поцеловала…

— Вот уж нашли, о чём говорить! — тут же фыркнула невесть, отчего расстроенная девушка, — это я так, вроде благодарности… Нечего и вспоминать об этом!

— А я вот вспоминаю, — задумчиво возразил Николенька, — и верно всегда вспоминать буду… Меня, знаешь ли, девушки никогда не целовали, — и, усмехнувшись, добавил, — даже в знак благодарности.

Дарёнка нервно обламывала тонкие веточки у припасённого валежника и сердито бросала их в огонь, ничего не говоря.

— Дарёнка! — внезапно решившись, позвал Николай, — а вправду говорят, что девушки в роду вашем, парней силой в лес уводят?

— Правда! — продолжала сердиться девушка, — а в лесу языки длинные отрезают, чтобы не болтали лишнего!

— Тогда в лесу, помнишь? — не обращая внимания на её злые слова, продолжал выпытывать Николенька, — в тот день, когда мы впервые встретились, скажи, ты тоже хотела меня в лес умыкнуть?

— Очень надо! — презрительно скривила Дарёнка пухлые губы, но ночная темнота и причудливые блики костра не позволили разглядеть, как она мучительно покраснела.

— Знаешь, а я бы согласился, — продолжал меж тем Николай, глядя ей прямо в глаза.

— На что же? — спросила Дарёнка, отводя взгляд в сторону.

— Чтобы самая красивая девушка в мире увела меня с собою в лес. И мы бы бродили с ней по дремучим чащам и… и любили бы друг друга! Пусть даже потом я бы и погиб! — волнуясь, отвечал Николай, осторожно беря её за руку.

Но Дарёнка тот же час принялась снимать снадобье с огня и

на последние его слова ничего не ответила.

— Пей! — она сурово сунула ему в руки горячий закоптелый котелок и Николенька пил покорно обжигающе огненный отвар.

Девушка молча наблюдала за ним, сурово сдвинув тонкие брови, а как только напиток закончился, она подняла на Николеньку горящие глаза и дрожащим голосом гневно произнесла:

— Стыдно вам, барин, словами-то играть! Чай, ведь я вам не ровня!

— А я не играю, — виновато пожал плечами Николенька, — я Дарёнка, то, что на сердце говорю. Ты можешь всё, что хочешь про меня думать, но я тебе одно скажу — ежели тебе понадобиться помощь моя, хоть ночью, хоть днём, я всегда буду рядом и всегда тебе опорой буду, только позови…

Девушка с громким треском разломила большую суковатую палку и кинула обе половинки в костёр.

— Пойду валежника наберу, — быстро проговорила она и тут же исчезла меж деревьев.

Николенька на некоторое время остался один и, щуря глаза, вглядывался в изменчивый и неповторимый огненный танец.

Послышались тихие шаги и в круге, освещённом огнём, показалась Дарёнка. Руки её были пусты.

— Что же валежник? — потирая ушибленное колено, спросил Николай.

— Не нужен нам валежник, — тихо проговорила девушка, — сейчас костёр догорит, мы с тобой домой пойдём, в деревню. Куда ты с больной-то ногой! Не дойдёшь…

— Ты напрасно так думаешь! — запротестовал Николай, — твоё снадобье подействовало совершенно чудесным образом, и я вполне способен двигаться!

— Нет! — почти выкрикнула девушка, — говорю же — не надо!

Николай примирительно поднял руки, соглашаясь (сказать по чести ему вовсе не хотелось продолжать путешествие по сырому, мрачному лесу) и в тот же миг почувствовал, как холодная, тяжёлая ладонь крепко сжала его плечо.

— Не хорошо, девонька, уговор нарушать, — раздался сзади вкрадчивый, насмешливый голос, — за эдакое дело и головой поплатиться можно!

Дарёнка сидела, сжавшись в маленький беззащитный комочек, крепко закусив губы и не поворачивая головы.

Не успевший удивиться Николенька пытался разглядеть неизвестного пришельца, но тут же получил ощутимый толчок в голову, и костлявая рука сжала его плечо ещё сильнее. Николай

хотел было закричать и оторвать от себя эту омерзительную липкую ладонь, но вдруг с ужасом почувствовал, что губы не повинуются ему. Более того, всё его тело будто одеревенело, и он продолжал сидеть неподвижным истуканом не понимая, что происходит.

Ледяная рука, наконец, оставила его плечо и из-за спины Николеньки в круг, освещённый огнём, вышло существо странного вида и неопределенного пола. Оно было одето в весьма разнообразные и живописные лохмотья. Наличие огромного количества надетых одна на другую юбок разной длины, позволяло предположить, что существо является женщиной, но выглядывающие из-под юбок штаны с широкими красными лампасами, явно были от жандармского мундира и заставляли сомневаться в принадлежности существа к прекрасному полу. Лицо же, сморщенное и старческое с маленькими впавшими глазками и огромным крючковатым носом, могло с равным успехом принадлежать как мужчине, так и женщине.

— Ну! — существо ткнуло в Дарёнкину сторону смуглым, отродясь не мытым пальцем, — сказывай, отчего к Яме его не привела, как велено было?

— Ногу он зашиб, — неохотно отвечала Дарёнка, по-прежнему не поднимая головы, — идти не может.

— Врёшь! — с удовольствием произнесло мерзкое создание, наклоняясь к Николеньке и пристально глядя ему в глаза, — слыхала я давеча разговор-то ваш! И чего ради ты дура-девка голову-то потеряла? Аль забыла Машку мою, как увёз её такой же разговорчивый, натешился, да и бросил?

Дарёнка, наконец, подняла голову, в глазах её отражалось смятение.

— Бабушка Агафья, — попросила она (от этого имени Николенька внутренне дрогнул. Внешне, к сожалению, он по-прежнему не мог шевельнуть даже пальцем), — бабушка Агафья, — повторила Дарёнка, — ты уговор обещала исполнить, коли я тебе барина молодого приведу, так я хочу…

— Что ты девонька хочешь, о том я и без тебя знаю! — жёстко оборвала её старуха, — да сдаётся мне, что не проследи я за вами, так ты бы его назад увела! Придётся тебе исполненье желанья-то своего по-новому зарабатывать.

— Что же я должна сделать? — тихо спросила бедная девушка.

— Мальчишку приведёшь сюда! Коли он раз проболтался, так и другой верно не смолчит!

— Володю?! — Дарёнка умоляюще прижала руки к груди, — но как же я смогу?! Он же всегда с матерью, с няней!

— А ты смоги! — гневно оборвала её старуха.

Она плюнула себе на ладонь, потёрла ею правое плечо и, забормотав неразборчиво, поковыляла прочь.

К своему ужасу Николенька почувствовал, что встаёт и идёт за ней, не в силах отступить в сторону ни шага. Когда он проходил мимо Дарёнки, девушка равнодушно смотрела мимо, погружённая в свои одной ей ведомые мысли, а затем и вовсе отвернувшись, легко шагнула меж деревьев и исчезла в темноте.

Николенька шагал следом за ужасной старухой, не разбирая дороги и не имея ни малейшей возможности оглядеться. Несколько раз он словно слепой котёнок натыкался прямо на дерево, и больно ударившись, обходил его стороной и шёл всё дальше в черноту негостеприимного леса.

Вскоре, вслед за колдуньей Николай вышел на широкую поляну, посреди которой стоял добротный деревянный дом, не имевший ни единого окна. В отличие от лесной чащи на поляне было довольно светло. Дождь давно прекратился, и где-то далеко за горизонтом небо посветлело, предвещая скорый рассвет.

Старуха подошла к двери, ведущей в дом и, толкнув её, внутрь позвала хриплым, каркающим голосом:

— Марья, здесь ли ты?

— Здесь! — молодо и звонко ответили из черноты таинственного дома.

Непослушные ноги Николеньки завели его внутрь, и он стал истуканом не в силах шевельнуться и заговорить.

Видно было, что в доме этом никогда не жили люди, да и строился он вовсе не для жилья. Сколоченный из широких сосновых брёвен, с крышей покрытой залежалой прелой соломой, странный дом запирался только снаружи, толстой навесной балкой. Посреди единственной комнаты возвышался колодец, выложенный позеленевшим от времени кирпичом и покрытым тяжёлой, неподъёмной с виду крышкой. На земляном утоптанном полу странно было видеть тяжёлый медный подсвечник с тремя ярко горевшими свечами.

Верхом на крышке восседала молодая женщина с распущенными угольно-чёрными волосами.

— Вот, Марьюшка, — удовлетворённо молвила старуха, тыча неподвижного Николеньку в спину, — привела я тебе недруга твоего!

Темноволосая женщина, приподняв голову, с любопытством разглядывала Николеньку.

— Чего он, бабушка, столбом-то стоит? — наконец произнесла она, — ты бы отморозила его.

Старуха с готовностью плюнула на грязную ладонь, вновь

произнесла неразборчивое заклинание, и Николенька тотчас почувствовал, что вновь способен управлять своим телом. Вместе с тем Николенька ощутил такую боль во всех суставах, что вынужден был присесть, прислонившись к неровной стене, иначе он вряд ли удержался бы на ногах.

Женщина, которую старуха звала Марьей, насмешливо смотрела на него сверху вниз.

— Что, барин, али утомился? Так теперь тебе долго здесь сидеть придётся, чай отдохнёшь!

— Послушайте, — хрипло проговорили Николай одеревеневшими губами, — что я вам сделал? Отчего вы привели меня сюда?

— Да пока ещё ничего не сделал, спокойно отвечала Марья, не сводя с него тёмных глаз, — но сделать можешь. Аль ты думаешь, не видела я, как ты с мальчишкой в церкви разговаривал? Ведь предупреждала мальца — молчи! Нет — не послушался! Что ж, пеняйте теперь на себя!

— Значит это правда? — поднял голову Николенька, — правда, что Володя рассказывал, про Двери и про то, как ты его в воду кинула?

— Правда, — не стала отрицать Марья, — да вот только лезть вам в это дело не надо было! Вот и нажили беды!

— Но скажи, кто же мог открыть двери? Кто?!

— Эх, паря! Не для того привели тебя сюда, чтобы на вопросы твои отвечать!

Марья рассмеялась и прыгнула с колодца, потягиваясь всем телом.

— Да ты не пугайся! Посидишь здесь, поскучаешь, а после к отцу-матери вернёшься, как всё кончится!

— Что кончится? — не понял Николенька.

Марья стояла напротив него, заложив руки за спину, и молчала, будто не слышала вопроса.

— Что-нибудь да кончится, — наконец произнесла она, после чего взяла с собою подсвечник и собралась выходить. У самой двери Марья вдруг остановилась.

— А где девчонка? — она повернулась лицом к старухе, — отчего ты его привела, бабка?

— А тебе бы, внученька, сразу об этом спросить! — обиженно поджала губы колдунья, — а то ишь, раздобрилась — посидишь, отдохнёшь, — передразнила она Марью, — да девчонка уж домой его вести хотела, и отпустила бы, кабы я вовремя не вмешалась!

— Да? Это отчего же? — тяжёлый немигающий взгляд чёрных глаз в упор разглядывал Николая.

— Сладкими речами улещал, — гнусно ухмыльнулась

старуха, — вот девка-то и растаяла!

— Как вам не стыдно! — не выдержал Николенька, — вы подслушивали! Вы…

— Цыц! — неожиданно прошипела Марья глухо и страшно, наклонившись над Николенькой так, будто собираясь вцепиться ему в глотку.

Глаза её вспыхивали мрачным, холодным блеском, губы кривились в злобной, презрительной усмешке. Лицо молодой колдуньи, только что прекрасное и печальное исказилось в безобразной безумной судороге.

— Ну, как же, как же! Знала я одного такого речистого! Песни сладкие пел, да про любовь вечную рассказывал! Да так, что позабыла я и про стыд и про честь, всё к ногам его кинула, всё за любовь отдала! Да только любви его на один месяц и хватило! А после женился он, да вот только не на мне!

Марья засмеялась хрипло, высоко запрокидывая голову и хватая себя руками за горло, будто ей не доставало воздуха.

— А знаешь, не врал дружок-то мой, любовь всё-таки может быть вечной! Может! Только помогает ей в этом — смерть!

Она наклонилась ещё ниже, почти к самому лицу измученного Николеньки, глаза её стали вовсе безумны, на красиво очерченных губах выступила пена. Николенька пытался отвернуться, устрашённый неприятным зрелищем, но она схватила его за лицо жёсткими горячими пальцами.

— Я его отравила! Отравила! Осуждаешь меня? А знаешь, каково это в шестнадцать-то лет остаться одной, без родных и друзей, обманутой, опозоренной? Рассказать тебе, как я кусок хлеба на помойке искала?! Как милостыню просила, а меня словно собаку паршивую в пинки гнали!

Голос Марьин сорвался до визга, пальцы до боли сжимали Николенькино лицо, но он не смел шевельнуться.

— За что же наказывал меня господь? За любовь мою? За доверие?

— Может за легкомыслие? — осторожно вставил Николай, освободившись, наконец, из её цепких рук.

Женщина неожиданно успокоилась.

— Что ж может и так. Может и за легкомыслие. А только скажи мне, друг любезный, отчего это вора и убийцу судия судит, а защитник защищает, а мне глупой девчонке, каждый встречный был судьёй, да вот только защитника не было!

— Так вы ж любовника вашего тоже вроде бы, ну того… — Николенька мучительно подбирал нужное слово, боясь рассердить Марию, — на тот свет отправили!

— Так он же душу мою убил! — гневно воскликнула она,

стуча себе кулаками в грудь, — как же это ровнять можно! Ведь его душа жива, я не погубила её, а моей более нет!

— Это да, конечно, — испуганно согласился Николенька, — я, знаете ли, в таких тонкостях не силён, вам бы вот к отцу Никону! Да может нам вместе к нему и сходить?! Поговорили бы…

— К Никону?! — Марья снова расхохоталась, — да он ненавидит меня, как и все здесь ненавидят! Я ведь тогда в деревню вернулась, некуда мне более было идти. Так меня не принимали здесь, опозоренной считали. И кто?! Нелюди! Существа, коих вовсе нет в списках обитателей земных! А родственница ваша, Софья Михайловна, велела меня выпороть, другим в назидание! Меня!!!

Марья мучительно застонала, вспоминая о давнем позоре.

— Только один человек и пожалел меня тогда! Только один…

Она внезапно замолчала, будто опомнившись, и угрюмо покосилась на старуху-ведьму.

— Ну что, бабка? Что с парнем-то делать будем?

— Да кинуть его в Яму и вся недолга! А балахончик его я себе возьму, — старуха жадно протянула грязные скрюченные пальцы, ощупывая Николенькин плащ, — хороший балахончик, мне такой надобен!

Николай в крайнем смятении отпрянул от ведьмы.

— Послушайте, — стараясь быть убедительным, проговорил он, — это просто глупо. Меня же будут искать. Будут искать и найдут! Ежели вы сейчас посмеете сделать мне что-то плохое, вы будете строго наказаны! Неужели вы этого не понимаете!?

Не обращая на него ровно никакого внимания, Марья продолжала разговор со старухой.

— Это, пожалуй, верно, бабка! В Яме его уж точно никто не найдёт. Только вот девчонка! Не проболтается ли?

— Не успеет, — мерзко захихикала старуха, — я ей велела мальчишку привести, того, что вас увидел… вот приведёт, мы их вместе в Яму-то и кинем. И — концы в воду! Более живых-то свидетелей не останется…

Марья, выслушав колдунью, надолго замолчала, трогая узким длинным пальцем слабый огонёк свечи, обжигаясь и морщась. Наконец она вздохнула и подняла на Николеньку тёмные бездонные глаза.

— Что ж, видно так тому и быть. Только парня мы сначала здесь запрём. Как всех соберём, так и скинем в Яму, — и усмехнулась злорадно, — всё им повеселее будет!

Прыгнув вперёд, как разжатая пружина, Николенька оттолкнул стоящую на пути Марью и бросился к открытой двери.

Однако тяжёлая, крепкая дверь тотчас захлопнулась, словно кто-то снаружи стоял настороже и не позволил незадачливому пленнику бежать. От удара свечи потухли, и дом погрузился в полную кромешную тьму.

Николенька стоял, прижавшись разгорячённым лбом к запертой двери, мучительно переживая над своей неудачей. Спиною он чувствовал приближение затаившихся в темноте ведьм и развернулся резко, встав к опасности лицом и выставив вперёд сжатые кулаки.

— Глянь-ко, Маша! Какого Анику-воина я тебе привела! Как бы он нас не побил, чтой-то я беспокоюсь! — глумливо произнёс голос бабки Агафьи.

— А вот мы сейчас и поглядим, каков воин-то! — отозвалась в непроглядной тьме Марья.

В тот же миг по полу что-то шустро прошмыгнуло, потом ещё и ещё… Николенька неловко переступал ногами, не понимая, что происходит, и тот час наступил на юркое живое тельце. В ответ раздался возмущённый писк и в Николенькин сапог вцепились острые зубки. Прокусить толстую добротную кожу они не могли, но Николенька ощутил брезгливый, отталкивающий ужас. Глянув вниз, он увидел десятки ярких точек — горящие глазки злобных маленьких зверьков.

Теперь писк и возня раздавались отовсюду. Неожиданно сверху, на Николенькино плечо шлёпнулось увесистая тушка, моментально вцепившись ему в обнажённую шею. Он едва успел стряхнуть её, как на голову прыгнул другой зверёк, пробегая вниз прямо по лицу, оставляя за собой смрадный, тяжёлый запах. Николенька попытался спастись от быстрых, визгливых тварей и сделал несколько огромных прыжков в сторону, крича и размахивая руками. Но всюду, куда бы не бросался обезумевший от гадливого страха Николай, в огромном количестве копошились мерзкие создания. Николенька пробился к стене, надеясь по ней взобраться вверх, но оказалось, что толстые бревенчатые стены тоже кишат грызунами, извиваясь живым снующим потоком.

Не надеясь более спастись, Николай встал, затаив дыхание, ощущая, как по его ногам елозят мелкие пакостные существа. Некоторое время злобные зверьки не обращали внимания на затихнувшего Николеньку и сновали деловито во все стороны по своим неведомым делам. Но вот, словно по невидимому сигналу, бесчисленная армия мерзких грызунов отправилась в наступление на несчастного юношу, стремительно атакуя его со всех сторон. Несколько первых секунд Николеньке удавалось сбрасывать с себя извивающихся зверьков. Он топтал их сапогами, крича и задыхаясь, но силы были слишком неравны, и вскоре

облепленный гадкими созданиями страдая от бесчисленных укусов, Николенька рухнул в груду отвратительных тварей и потерял сознание.

Очнулся Николенька от громкого, издевательского смеха. Он открыл глаза и увидел, что лежит ничком на земляном полу, всё в той же хижине, напротив открытой настежь двери. Возле него стоял подсвечник с горящими свечами, а чуть поодаль на крышке колодца восседали рядышком Марья с бабкой Агафьей. Хохотала старуха.

— Ох, Марьюшка, и насмешила ты меня! Как это он руками-то махал! Ха-ха-ха! Прочь, — кричит, — мерзкие твари! Ну, внученька, удружила! Давно я эдак не смеялась! Что ж примерещилось ему, крысы аль пауки?

— Белки, — лениво отвечала Марья, бросая мелкие камешки в открытую дверь.

Это сообщение вызвало новый взрыв хохота у ехидной старухи.

Плохо соображая, Николенька поднялся на ноги и провёл дрожащими руками по лицу. Падая, он помнил, что истекает кровью от множества мелких укусов, но сейчас кожа была на удивление чистой и не чувствовалось никакой боли.

— Так вы это нарочно? — звенящим голосом спросил он, — это пригрезилось мне? Ничего не было, да?

Марья зевнула, прикрывая рот ладошкой.

— Было, не было, какая разница? Пойдём, бабка, нехай здесь сидит, пока девчонка не придёт.

— Ты иди, внученька, иди, — прошамкала старуха, — я покараулю молодца нашего. Сейчас ведь верить-то никому нельзя, ну как подведёт Дарёнка? Ужо я прослежу…

Равнодушно кивнув головой, Марья вышла из дома и закрыла дверь снаружи. Глухо проскрипел засов.

Николенька сел, прислоняясь к стене, и устало прикрыл глаза, совершенно обессиленный. Старуха зорко наблюдала за ним сверху, как стервятник, выглядывающий добычу.

— Бабушка Агафья, — тихо позвал Николай, не поднимая глаз, — скажите, что за уговор у вас с Дарёнкой был? Что вы ей обещали за предательство?

— Свободу, — неожиданно доброжелательно ответила старуха, — за свободу, милок, и не такой грех совершить можно!

— Что ж она, разве не свободна? — открыв покрасневшие от бессонной ночи глаза, Николенька в упор посмотрел на колдунью.

— Да какая ж ей тут свобода? — удивилась старуха, — Шалаки народ дикий, вольный, кочевой. Трудно им здесь, на

одном-то месте, тяжело… опять же выросла девка! Ей детей пора рожать, а где ж ей здесь жениха-то найти? Ведь у Шалаков свои законы, семьёю, где муж над женою верховодит, они жить не станут — не приучены! А по-своему, так как в её стране живут, ей никто поступить не позволит. Управляющий за порядком строго следит, воли ей не даст. Так и проживёт до старости пустоцветом…

— А чем же вы ей помочь сможете? — задал новый вопрос Николенька.

— Шибко ты любопытный, как я погляжу, — недовольно проворчала старуха, — вот за это своё любопытство здесь и сидишь!

— Ну, всё-таки? — не унимался Николенька.

— Замолчь, сказала! — разозлилась ведьма, замахиваясь сухим смуглым кулачком, — не велено об этом говорить!

Снаружи раздался скрип отодвигаемого засова. Николенька и бабка оба настороженно повернулись к двери, прислушиваясь. Дверь распахнулась, и в сырой неуютный полумрак заглянуло ласковое утреннее солнце.

— Дядя Ники! — широко раздвинув в сторону маленькие ручонки, в дверь забежал Володенька и повис на шее у Николая.

— Ты! — с горечью выдохнул Николенька, сжимая в объятиях худенькое тельце.

— Ты что не рад меня видеть? — с шаловливым кокетством спросил малыш, оглядываясь вокруг.

— Ой, дядя Ники! — воскликнул он, увидав нахохлившуюся бабку Агафью, — ты зачем сюда пугало посадил? Колодец охранять?

Старуха возмущённо закудахтала, с кряхтеньем слезая с возвышения.

— Иди-ка сюда, шельмец! Тебе бабушка Агафья расскажет, кто она такая!

— Ой, не надо! — с наигранным испугом мальчик отскочил от старухи и резво обежал кругом колодца.

От дверей за ними усмешливо наблюдала Марья, придерживая за плечо бледную, измученную Дарёнку.

— Ну, вот все и в сборе! — с непонятным энтузиазмом радостно воскликнула Марья, пальцами отстукивая по косяку двери весёленький мотивчик.

— Что ж, бабушка, ты своё дело сделала, — с улыбкой обратилась Марья к старухе-ведьме, — незачем тебе здесь больше оставаться, ступай, отдыхай!

— Ты сбрендила, что ли, Машка? — проворчала колдунья, с трудом отодвигая в сторону крышку колодца, — чай ещё дело-то

не доделано!

— Не нужно так себя утруждать, бабуся! — нервно выкрикнула Марья, — говорю же — отдохни! Я всё сама сделаю!

Старуха, наконец, сняла тяжёлую деревянную крышку колодца и медленно обернулась, поддерживая обеими руками скрюченную поясницу.

— Сама говоришь? Ну-ну… — Агафья сощурила маленькие зоркие глазки, подозрительно вглядываясь в лицо Марьи.

Под этим пристальным взглядом молодая женщина вдруг беспокойно заёрзала, оправляя беспричинно волосы и одёргивая длинную юбку.

— А дай-ко мне, Маша гребёночку заветную, что ты всегда в волосах носишь, — неожиданно попросила старуха.

Марья слегка тронула рукой тёмные волосы.

— Нету гребёночки, бабуся, потеряла, — нагло улыбаясь, заявила она, выставляя вперёд аккуратно обутую ногу.

— Да-а? — удивилась колдунья, — как же ты, дрянь, потерять могла, когда её у тебя отродясь не водилось! — вдруг рявкнула она и с диким воплем кинулась на Марью.

Стоявший поодаль Володенька стремительно упал на пол старухе под ноги, и она рухнула оземь со всего размаха, гулко ударившись о сырую землю. Марья прыгнула на неё сверху, пытаясь завязать, ужом извивающейся ведьме руки и ноги крепкой пеньковой верёвкой.

К Николеньке подбежала Дарёнка.

— Пойдёмте, барин! Уходить надо!

Совершенно сбитый с толку, ошарашенный и ничего не понимающий Николенька, тем не менее, холодно отвёл в сторону её протянутые руки.

— С какой стати я должен вам верить?

— Дядя Ники! — Володенька в нетерпении топнул маленькой ножкой, — не время ругаться-то, бежать надо, пока не поздно!

Он ухватился маленькой ручонкой за Николенькин плащ и потянул слабо упирающегося юношу к распахнутой двери.

Тем временем Марья, закончив связывать завывающую дурным голосом старуху, поднялась с колен и неожиданно мужским голосом произнесла:

— Бежим, братцы! Но тихо!..

Володенька, нетерпеливо прыгая на одной ноге, вдруг пискнул растерянно:

— Ой, я ножик обронил! — он бросился к колодцу, возле которого поблёскивал охотничий нож с маленькой деревянной ручкой и широким, но коротким лезвием.

Едва мальчик нагнулся за ножом, как старуха-ведьма змеёй

вывернулась из своих пут и с громким зловещим шипением кинулась на малыша.

Испуганно оглянувшись, Володя отчаянно крикнул и птицей взлетел на колодец, балансируя на самом краю бездны. Старуха бросилась за ним, но шустрый мальчик уже перепрыгнул на другой край кирпичной стены и, соскочив на землю, в страшной тревоге повернул назад голову.

Ведьма стояла на краю бездонной Ямы. Седые нечесаные волосы растрепались, взгляд её был ужасен, рот искривлён злобным звериным оскалом. Мерно раскачиваясь всем телом, колдунья угрожающим тоном нараспев произносила непонятные заклинания, постепенно повышая голос и переходя на пронзительный крик. Внезапно замолчав, она вскинула руки в сторону испуганно притихшего Володи, приготовляясь произнести страшное проклятие, но в этот момент старая кирпичная кладка осыпалась под ногами старухи, она не удержалась на шаткой опоре и с ужасающим воплем рухнула вниз в бездонную глубину жуткого отверстия.

На мгновение в доме стало тихо. Затем все бросились к колодцу, всматриваясь в его непроглядную черноту и пытаясь хоть что-то услышать, но из мрачной пугающей бездны не доносилось более ни звука.

— Всё! — выдохнула Дарёнка, — нет больше ведьмы! — она сжала руками бледное лицо, в страхе оглядываясь вокруг, — ох, что-то будет теперь!

— Что будет, что будет — да ничего не будет! — густым басом ответила Марья.

Николенька внимательно глянул на неё и с крайним удивлением заметил, что зловещий облик красавицы Марьи расплывается, тает, и вместо него проступают черты здорового мужика с огненно-рыжей бородой и весёлыми голубыми глазами.

Николенька охнул и поискал глазами Володю. На том месте, где только что был мальчик, беззаботно припевая, стояла девочка-подросток в длинном зелёного цвета сарафане и в таком же платочке, из-под которого выглядывали задорно загнутые тонкие рыжие косички.

— Где же Володя?! — обескуражено, крикнул Николай.

Дарёнка и её рыжеволосые спутники обернулись на его недоумевающий возглас.

— Ты что, не понял? — мягко спросила Дарёнка, — это же Окручи. Володи здесь и не было…

Девочка-подросток рассмеялась звонко и побежала к Николеньке, доверчиво беря его за руку.

— Мы с батюшкой сети на реке проверяли. Тут нас Дарёнка-

то и увидала. Помогите! — кричит, — ведьмы барина молодого в Яму кинуть хотят! А мы их страсть как не любим ведьм-то! Да и они нас не жалуют, вот мы и пришли вам на помощь!

Николенька благодарно расцеловал зардевшуюся девочку в обе щёки.

— Как зовут тебя, спасительница?

— Ольгой! А батюшку моего — Прохором!

Николенька пожал огромную ладонь великана Прохора, пообещав никогда не забывать оказанную ему услугу.

Вчетвером они вышли из мрачной хижины и заспешили домой. Недалеко от Звенящего ручья Николай сердечно распрощался с новыми друзьями и некоторое время молча стоял на развилке двух лесных дорог, глядя вслед уходящим Окручам, когда утомлённая ожиданием Дарёнка робко тронула его рукой.

— Что же стоим-то, барин? Идти нам надобно…

Николенька медленно повернулся и смерил девушку холодным неприязненным взглядом.

— Так идите… кто же вас удерживает?

Дарёнка смешалась и неловко наклонила вперёд голову, теребя тонкими пальцами кончик тугой и толстой косы.

— Зачем вы так, барин? Чай не бросила я вас, вернулась… ведь не змеюка я подлая! Я…

— Почему ты предала меня?! — Николенька в бешенстве схватил девушку за хрупкие плечи и принялся трясти её в безудержном гневе, — отчего? Что дурного я сделал тебе? Разве не отправился я на помощь, по первому твоему зову?

Голова девушки беспомощно качалась из стороны в сторону, руки её бессильно повисли вдоль обмякшего тела.

— Ох, барин, Николай Дмитриевич! Не вините вы меня! — девушка беззвучно заплакала, глотая горькие слёзы, — как сказали вы давеча, что Двери к Нуагурцем кто-то открывал, так в голову мне эта мысль и запала! А вдруг, думаю, правда? Был же такой дар у покойного Данилы Евграфовича! Вот я и рассудила, уж коли, кто и может Двери открыть так беспременно тот, кто ворожить умеет, а уж это либо Марья, либо тётка её — Агафья-колдунья, более некому! Только подумала, а навстречу мне сама Марья вышагивает и веточкой еловой от комаров отмахивается, а я ей возьми да и скажи: Что, Марья, правду говорят, что ты по мирам иным ходишь? Она прямо вскинулась вся, и глаза зажглись блеском нехорошим: Это кто же про меня эдакое сказывает? Тут я, правда, пожалела, что спросила такое, да отступать поздно было: Барин, — говорю, — Николай Дмитриевич! А ему про то племянник его малый говорил — Володенька! Видел он, как ты двери к Нуагурцам отворяла! Она, Марья-то при таких словах

прямо как кошка дикая стала, слова-то мурлычит, а глаза такие, что лучше бежать, куда попало, да от неё разве убежишь! Что же, — говорит, — ещё увидел этот прыткий мальчик? Холодно мне стало от её взгляда нехорошего: Ничего, — говорю, — он больше не видел! Сказала так, и уйти хотела, а она ничего, не противиться. Только вслед мне слова, словно камни в спину кинула: А ты, — говорит, — не мечтаешь в свою страну вернуться?

Дарёнка вскинула на Николая огромные глаза необычайной синевы.

— А как не хотеть-то, барин! Ведь каждый вечер, себя, сколько помню, только и разговору было, что об этом! Когда бабка жива была, всё рассказывала про Монкалинские леса. Ах, барин, какие там леса! Деревья огромные, стволы всё толщиною в дом, а земля под ними усыпана мягкими листьями, идёшь по ним и ноги, будто сами тебя несут! Ветви длинные над тобою сплетаются ни дождь, ни снег, не проходит через них, вот какой густоты! Ходишь, словно по невероятно большому дому, с коридорами и залами, и нет тому дому ни конца, ни края! Всюду реки, да ручьи малые протекают, такие звонкие, как гармоника, поют — заливаются! По берегам маленькие, уютные гроты, в которых сселяться весёлые Шалаки и повсюду, куда не отправишься, гремят шумные прохладные водопады!

Голос девушки окреп и стал звонким и радостным, будто зазвенели тысячи ручейков, о которых она рассказывала!

Николай вдруг увидел её такой, какой не видал доселе, обычно лукавая и насмешливая, а последнее время усталая и даже жалкая, она необычайным образом изменилась. Таким радостным покоем и душевным умиротворением веяло от неё, что вся злость и боль Николеньки за нанесённую обиду испарилась куда-то, и он с невольной мягкой улыбкой слушал её страстный рассказ.

— А знаешь, как далеко простираются владения Шалаков?! Нет им ни конца, ни края! И день, и ночь ты можешь идти и не встретишь ни одного чужака, только лес и дикие звери вокруг! И ты можешь пройти много миль, в любую сторону света и никто никогда не скажет тебе: Нельзя! Нет! Никто не скажет! Эх, барин! Тому, кто не терял свободы и родины этого не понять! Я вот в неволе родилась, а душа моя всё одно, на волю стремиться!

Дарёнка перевела дух и утёрла усталым жестом вспотевший, грязный лоб.

— Я, барин, ещё, когда малой была, хотела из дому уйти. Сбежала в лес, и так мне хорошо было, так вольготно! Иду — сама себе хозяйка! А как к границе имения подошла, так, словно

ноги мне путами обвязали, я вперёд, а ноги не идут! Назад меня насилу тащат, будто чужие! Уж я и металась и выла, словно волчица, и землю грызла, да только стену невидимую клетки своей, перейти не смогла! Так по кругу всё имение обошла, да и назад вернулась… тогда мне моя старая бабка и объяснила про Абуджайскую Шаль, мол, не выпустит она пришельников! Навечно мы здесь останемся, навсегда… вот мне с тех пор и мечта была — свобода! Поманила меня Марья сладким словом, пообещала, коли я тебя в западню сведу — она мне Дверь в Монкалина откроет!

Дарёнка коротко и грустно взглянула ни притихшего Николеньку.

— Я, барин, дурно поступила. А ещё дурнее оттого, что на помощь вам не пришла бы, коли не догадалась — обманывает меня Марья! Нет у неё силы над мирами! А кабы не поняла я этого, каюсь, барин, не вернулась бы!

От такого признания у Николеньки больно кольнуло в сердце, и обида вновь ворохнулась в груди жгучим комком.

— Что ж… и на том спасибо! Как же догадалась ты, что обманули тебя ведьмы?

— Да просто! Сами посудите, барин, стала бы Марья скрывать, что ей двери других миров подвластны?! Да ни в жизнь! Как подумала я об этом, так и обмерла: глупая я глупая! Кому поверила-то? Марья удавилась бы за такой дар! Обладай она хотя бы его частью, давно взяла бы власть в Полянке, в Видящие бы вышла! Вот как! Нет, Николай Дмитриевич — не дано ей! Кто-то из вашей родни втихомолку в чужие миры заглядывает, а вот кто, о том Марья знает! Знает и прикрывает его!

— Что за чушь ты несёшь? — буркнул Николенька, — да мы только приехали сюда, а про миры иные так и вовсе намедни узнали!

— А батюшка ваш? Ведь он, кажется, третий год в Полянку ездит, ну как разыскал шаль Абуджайскую, да и с Марьей спутался?!

Николенька поднял с сырой земли небольшую крепкую ветку и принялся счищать грязь, налипшую на сапоги.

— Ты, Дарёна, глупости говоришь, а потому лучше помолчи…

С тем он развернулся и пошёл, ёжась от холода и сырости, по узкой тропе — к дому.

Дарёнка бросилась за ним.

— А как же Марья? Что же с ней теперь будет?

— А вы бы барышня лучше о своей судьбе подумали, — мстительно проронил Николенька, не оборачиваясь.

От таких слов бедная девушка совсем сникла и после всю дорогу виновато вздыхала, не решаясь заговорить. Николенька в свою очередь сурово молчал, и потому весь обратный путь между ними не было произнесено ни слова.

Когда, наконец, они выбрались к мосту через реку, Дарёнка спросила, робко поднимая на Николеньку печальные глаза:

— Что ж, барин, расскажете вы батюшке своему о том, как я вас к ведьмам завела?

— Я думал, барышня, — холодно отвечал Николай, что вами руководит любовь к пропавшему брату, и оттого вызвался помочь вам. Но я жестоко ошибся. Вам совершенно чужды такие чувства, как любовь и сострадание, и я не намерен более тратить время на пустые разговоры с вами!

— Но я же вернулась! — отчаянно крикнула Дарёнка, — я же…

— Не утруждайте себя никому не нужными объяснениями! Я знаю, что побудило вас вернуться. Что ж, думаю я не вправе вас судить и не стану докладывать о вашем мерзком поступке, но знайте! Я всегда буду следить за вами, и уж более никого вам обмануть не удастся!

Сухо наклонив голову в сторону огорчённой девушки, Николенька пошёл вперёд и до самой усадьбы более не оглядывался.

Глава 13
День пятый

В усадьбе стоял небывалый переполох! Новое печальное известие всколыхнуло всю Полянку! Жители деревеньки побросали работу, бегая от дома к дому и все — стар и мал, обсуждали неслыханное событие.

Дом Перегудовых гудел, как растревоженный пчелиный улей. Дарья Платоновна ходила с поджатыми губами с такою злою физиономией, что несчастная дворня не смела, попадаться ей на глаза. Временами она качала головой и произносила, картинно поднимая кверху полные руки: Как можно так обмануться в человеке! Такой приятный, милый юноша! после чего непременно звучало: Хотя я всегда! Всегда чувствовала! Но разве кто-то прислушивается к моему мнению?!. Она подозрительно вглядывалась в испуганные лица прислуги и как бы невзначай говорила каждому, делая при этом страшные глаза: Я всё вижу и всё знаю! И я намерена каждого вывести на чистую воду! Она так запугала бедных слуг, что кухарка Феклушка, с вечера отлившая малую толику вина из господских запасов для собственных нужд, вылила всё обратно, беспокоясь, как бы не догадалась о её проделках разъяренная хозяйка!

Дмитрий Степанович с верным господином Мюллером, озабоченно переговариваясь, уехали ещё до завтрака, обсуждая полученное дурное известие, и по сию пору не появлялись. Детям категорически запретили выходить из дому и зорко следили за каждым их шагом.

Ещё большую сумятицу внёс Николенька своим нежданным исчезновением, но поскольку хватились его лишь утром, а появился он после того, почти тот час, то испугаться не успели. От него лишь строжайше потребовали подробнейших объяснений, отчего в столь неурочный час его не было в комнате, но Николенька, делая честные глаза, отвечал, что спозаранку ходил на рыбную ловлю и видно ввиду непогоды ничего не поймал!

Таковое объяснение всех удовлетворило, и уставший Николенька отправился спать, не заметивший даже, что все в доме ходят с загадочными и печальными лицами.

Опережая события, следует сказать, что бедному Николеньке уснуть в этот день так и не удалось.

Благополучно отделавшись от назойливых расспросов, Николай поднялся наверх. У двери в спальню, ему повстречался Виктор, деловито раскладывающий прямо на полу различные

нужные вещи, коими до верху наполнены были его карманы, а именно: рыболовные крючки разной величины в коробочке из-под монпансье; большой кусок застывшего олова; длинный коричневый камушек, именуемый чёртов палец, найденный возле озера; маленький стеклянный флакончик; четыре медные пуговицы; перочинный ножик; моток верёвки; бубенчик, из тех, что вешают коровам на шею; недоеденный пряник, засохший и очерствевший и многое другое.

Николенька поморщился при виде этих сокровищ, хотя не так давно такие же крайне необходимые вещички были бесконечно дороги его сердцу!

— Что, этот мусор непременно надобно разложить возле моей спальни? — недовольно спросил Николай, — во всём доме и места другого не нашлось?

Виктор виновато сгрёб свои ценности обратно в карман.

— А Фёдор-кучер, нынче утром в себя пришёл! — услышал Николенька у себя за спиной, уже заходя в комнату.

Сон и усталость тот час как рукой сняло у обрадованного Николая.

— Да что ты? Вот новость, так новость! И что Фёдор? Хорошо ли себя чувствует?

— Пока ещё не очень. Но кризис уже миновал, — авторитетно заявил Виктор (как никак сын известного врача! Знает, что надо говорить в подобных случаях!)

— Что ты говоришь! — улыбнулся Николай, — хорошо, коли так! А скажи-ка, — Николенька понизил голос до таинственного шёпота, — не сказывал Фёдор, кто на него в лесу-то напал?

— Как же не сказывать! Уж конечно в первую очередь его об этом спросили! — захлёбываясь от желания первым сообщить дяде столь выдающуюся новость, проговорил Виктор.

— И кто же? — заволновался Николенька.

Виктор помолчал немного, выдерживая эффектную паузу, а затем выпалил:

— Данила!

— Сын мельника Захара? — не поверил Николай.

— Он! — энергично закивал головой мальчик, Фёдор как очнулся, сразу спросил — ловят ли Данилку? Это он, — говорит, — разбойник, в ночном лесу на болоте на меня напал!

— Вот так новость… — растерянно повторил Николенька.

Ему сразу представился печальный Дарёнкин взгляд и нестерпимо синие глаза на бледном поникшем личике. Что ж, видно вся семья у них такая, — мстительно подумал Николай, — так и жди, что со спины нападут!

Несмотря на злорадство, Николай всё же был сильно

встревожен. Не укладывалось у него в голове, что Данилка, простодушный и флегматичный паренёк с мечтательным взглядом серых глаз, мог зверски напасть на мирного кучера, да ещё ударить того чуть не до смерти!

— А что, Виктор, — задумчиво спросил он, — Фёдор-то всё лежит?

— Куда ж ему деваться? — удивился мальчик.

Николенька кивнул рассеянно, соглашаясь, и не говоря более ни слова, зашёл к себе в спальню, громко хлопнув дверью.

Там он наскоро переоделся, ополоснул холодной водой руки и лицо и бегом сбежал по лестнице вниз — к Фёдору.

У кровати больного сидела кухарка Феклушка, подавая тому еду и питьё и сердобольно глядя на его перевязанную голову.

— Здравствуй, Фёдор, — мягко произнёс Николай, подходя к кровати.

— Ох, Николай Дмитриевич, — тяжело протянул кучер, — какое уж тут здоровье, того и гляди что помру!

— Ну-ну, Фёдор! — ободряюще похлопал его по плечу Николай, — что за мрачные мысли?! Дело-то на поправку идёт!

Он дал знак Феклушке, что она может идти и сам сел на её место.

— Эх, барин! — Фёдор приподнялся на локте, страдальчески закатывая глаза, — что-то боязно мне! Явится ночью супостат, да и добьёт меня бедолагу — докончит своё черное дело! Что здесь охраны-то! Старый Ёра Семёнович, да малый Сенька! Ему, злодею, это нипочём! Как есть всех порешит!

Николай обрадовался, что Фёдор сам вывел разговор на нужную тему.

— Что ж, Фёдор, — ласково заговорил он, — расскажи, отчего напал на тебя Данила? Ведь кажется он малый спокойный, рассудительный? Да и ты вроде как покрепче его будешь, как так случилось, что одолел он тебя?

Фёдор утёр рукою набежавшую слезу и попросил слабым голосом:

— Вы уж, Николай Дмитриевич, уважьте старика, водички глоток подайте, слабость страшенная внутри, оттого всё горло сохнет!

Николенька с готовностью подал ему стакан с водой и помог больному подняться, чтобы тому удобнее было пить.

— Подушечку, барин, поправьте, страсть как лежать неудобно…

Николенька вскочил и бросился взбивать Фёдору подушку, и только затем сел приготовляясь слушать.

— Мне ведь батюшка ваш приказал в ночь-то ехать! —

слезливо начал Фёдор, — уж как я умолял его, не гони ты меня, родимый! Мыслимое ли дело одному, да ночью по лесу! Там же на каждом шагу звери дикие, да разбойники лихие бродят! А Дмитрий Степанович обнял меня и говорит: Езжай, Федя! Окромя тебя, важное письмо к его превосходительству генералу Островому никто не свезёт!

Фёдор шмыгнул носом, расчувствовавшись, и тут же поморщился от тупой боли в затылке.

— Это верно, батюшка тебя ценит, — осторожно заметил Николенька, — только ты Фёдор про Данилу расскажи! Где повстречался он тебе? Напал отчего?

— Эк, вы всё торопитесь! — осуждающе произнёс Фёдор, — я ведь, чай вам всё по порядку рассказываю! Вот давеча и Дмитрий Степанович, батюшка ваш, прибежал впопыхах, услыхал про Данилу-супостата и, бежать! А никто не спросит у Фёдора, сколь он натерпелся страху! Да разве кто о нём подумает? Не помер — и ладно! А и помрёт — беда невелика!

— Прости, Фёдор, — пристыжено промолвил Николай, — я ведь просто утомить тебя не хотел. Но ежели тебе говорить не тяжело, то я с радостью тебя выслушаю!

Фёдор покапризничал ещё немного для порядку, но на деле ему льстило то внимание, что оказывала ему вся семья Перегудовых. Знать не последний человек Фёдор в этом доме! Вона как хозяева об нём пекутся!

Подкрепившись глотком остывшего чая, Фёдор продолжил свой рассказ.

— Выехал я в путь-дорогу, а вокруг — тьма кромешная! Хоть глаза выколи — ничего не видно! Я, правда, с собою бутылочку лекарственную взял на липовом цвете настоенную. Во-первых, наипервейшее средство от всяческой хворобы, а во-вторых, всё не так страшно ночью-то одному по лесу ехать! Еду я эдак-то, песню ямщицкую пою, меня ещё Кузьма Игнатьич, кучер соседа вашего в городском доме, научил. Ну, там про чувства разные, как это…

На чужбине парень молодо-ой,
Повстречал зазнобушку свою-у.
Он кричит ей, милая, посто-ой!
Я тебе про жисть свою спою-у.

Хорошая такая песня, длинная и жалостливая. Игнатьич её бывало, как затянет от дома и до самой заставы, так и поёт, а она всё не кончается! Я-то сам признаться, до конца её так и не выучил!..

— Так что же Данила? — нетерпеливо перебил его

Николенька.

Фёдор покосился на неуёмного торопыгу.

— Эко ведь… Данила! Я и до Данилы-то страстей натерпелся! Ты вот послушай! — Фёдор заёрзал на постели, (показывая, что ему необходимо поправить подушки и Николенька тотчас торопливо исполнил его пожелание), — проезжаю я мимо развалин, проклятущих, а оттуда как завоет нечеловечьим голосом, как загудит! Лошади-то у меня спужались, да и понесли! Да так понесли, матушки мои, что и не удержать! Деревья мимо меня так и мелькают! Вижу, что дорогу-то я проскочил, ну, думаю, вынесет меня сейчас нелёгкая прямиком в болото! Однако вожжи-то в руках я не первый день держу! Другой-то на моём месте беспременно расшибся бы, да и лошадей загубил, а я-то что ж!.. Остановил таки коней… встали мы в лесу, кругом деревья, куды не глянь. Ни тропы, ни огонька, даже звёзд на небе не видать, всё как есть деревьями заслонено. Куды ехать? Опять же — ребус! Тронул я вожжи-то потихоньку, да лошадок своих погнал не торопясь. Сами, думаю, к жилью-то выйдут, чего уж тут голову ломать! Проехал я эдак немного, вдруг вижу, вроде как огоньки меж деревьев показались, ну тут уж я в сторону огней направился, сейчас, думаю, к деревне и выйду. Проехал немного, слышу — голоса! Эко, думаю, не спится! Ну, правда уж к тому времени и светать стало. Вскорости лошади на широкую тропу вышли и к людским домам меня вывезли. Смотрю я, а место-то незнакомое! Барин, Дмитрий Степанович, сказывали, что на много вёрст вокруг деревень более нету, а здесь, поди ж ты! Домов пять-шесть стоят, друг поперед дружкой и народец возле них суетится. Подъехал я к старику сельчанину, спрашиваю: В Полянке ли я, али занесло меня в сторону какую неведомую? Он отвечает мне: Верно, — говорит, — в Полянке. Да только ты видно заблудился, милый человек. К нам сюда по доброй-то воле никто не заходит! Ну, тут я, конечно, приосанился и говорю им, что я ни много, ни мало — кучер хозяйский. Послан в город с важнейшим поручением от самого Дмитрия Степановича Перегудова. Да по дороге кони напугались воя звериного, вот и вынесли куда — неизвестно! Выслушал меня старик. Я, — говорит, — тебя сейчас на дорогу сведу, а ты уж смотри! Более не плутай! Езжай с богом по своим делам, а нас не тревожь. Поблагодарил я его, хотя и странно мне показалось, что старик-крестьянин эдак сурово со мною разговаривает. Пошёл старик вперёд, борода длинная, белая и рубаха тоже белая, а в руках посох, как у нищих-странников, да вот ещё у богомольцев бывают. Идёт себе и посохом своим по земле постукивает. Я сзади иду. Лошадок своих веду под уздцы. Скучно молча-то идти, я и

спрашиваю: Отчего это я не припомню вашу улицу? Вроде как всю деревню мы с барином объехали, да и не раз! А старик идёт себе далее и только посохом по земле: стук, да стук! Я ему опять: Али, — говорю, — не слышишь, старый? Точно ли Полянка это? Не попутал ты, неровён час? Подлый старик даже ухом не ведёт! Плюнул я, да уж дальше иду себе молча, не разговариваю. Вдруг — глядь! Навстречу нам трое в рядок. По краям-то, прямо-таки как родные братья моего провожатого. Рубахи белые до колен, бороды как снег и посохи нищенские у каждого! А промеж них — Данила! Идёт, голову понурил, на меня и не взглянет! Я к нему: Что это ты, брат Данила, по лесу разгуливаешь, когда барин наш, ещё давеча, тебя окаянного, в город услал?! Поднял на меня Данилка глаза, а в них такая злость-тоска плещется, что кони мои на дыбки встали, насилу удержал! Тут старик давешний, как ткнёт мне палкой в спину: Не задерживайся, — говорит, — путник! Вот дорога твоя, поезжай себе, покуда цел! И такой при этом взгляд у него колючий, да суровый, что не посмел я перечить, сел в тарантас, да и покатил по знакомой дороге. Еду, а сам всё про Данилу думаю. И чем больше думаю, тем всё яснее понимаю, а ведь не по своей воле Данилка со стариками-селянами шёл! Ровно каторжника вели они его! Тут я конечно остановился…

Фёдор замолчал, прикрыв глаза. На висках у него выступили бисеринки пота, запрокинутая рука чуть дрожала.

Николай осторожно тронул его за рукав.

— Ты устал верно, Фёдор. Поспи немного, отдохни! Тебе теперь отдыхать надобно. А я к тебе ввечеру зайду, как полегчает, ты мне всё и расскажешь…

У больного дрогнули ресницы, он приоткрыл мутные красноватые глаза.

— Нет, барин, нет! — я вот только с силою соберусь, да и доскажу, как было!

Но Николенька решительно настоял на отдыхе, видя, что Фёдор ещё очень слаб.

— Поправляйся, Федя, ты нам здоровый нужен, а вечером я беспременно зайду! — успокоил он кучера, поправляя на нём одеяло.

Фёдор, утомлённый долгим рассказом, тут же закрыл глаза и не успел Николенька дойти до двери, как от постели больного раздался тонкий с присвистом храп.

Сосредоточенно сдвинув широкие, как у отца брови Николенька стремительно покинул душную комнатку уснувшего кучера. Самому же Николеньке было не до сна! Бодрым и уверенным шагом прошествовал он к библиотеке, там пошарил по

полкам, отыскивая нужную книгу и, наконец, сел в кресло, углубившись в содержание. Читал, впрочем, Николенька не долго. Удовлетворённо кивнув, он захлопнул книгу и энергично вскочил, поспешив к выходу. За дверью его окликнула Дарья Платоновна, но Николенька рассеянно поднимая на неё глаза, возбуждённо воскликнул:

— Да как же я раньше! Как же раньше не догадался!

С этими словами он сбежал вниз, совершенно игнорируя изумлённую матушку, и стремительно выскочил из дома.

Тем же торопливым шагом Николенька прошёл уже знакомой дорогой мимо озера и остановился только у домика управляющего, тяжело дыша и обмахиваясь летней лёгкой шляпой.

Позади дома, на небольшом распаханном клочке земли низко наклонившись, стояла бабка Пелагея медленно и тщательно, обрабатывая ровные ухоженные грядки небольшой острой мотыгой. Николенька присел на скамейку, под старой раскидистой яблоней, где не так давно слушал вместе с Дарёнкой бабкин невесёлый рассказ, и некоторое время молча наблюдал за старухой, не шевелясь и не произнося ни слова.

Бабка Пелагея, почувствовав его пристальный взгляд, вскоре обернулась. Она стояла, навалившись всем телом на высокий черенок мотыги и щурясь от солнца, в свою очередь угрюмо разглядывала Николеньку.

— Пришёл-таки! — наконец произнесла она дребезжащим старческим голосом.

Николенька только кивнул, внезапно волнуясь и теряя голос.

Старуха медленно приблизилась к нему, опираясь на остро отточенную мотыгу. Проковыляла мимо и с кряхтеньем опустилась на скамью, тяжело с посвистом дыша.

— Ну! — бабка Пелагея повернула к Николеньке иссохшее лицо, — сказывай, зачем пришёл! Уж верно не за тем, чтоб старуху попросту навестить? — она попыталась усмехнуться, но усмешка её выглядела жалкой и неестественной.

Николенька молчал, вглядываясь старухе в выцветшие глаза. Под его внимательным взглядом она съёжилась и опустила сморщенные веки, неподвижно застывая в неудобной, скрюченной позе.

— Не томи, барин, — мучительно прошелестела она едва слышно, — коли, говорить пришёл, так говори. А нет — так ступай себе, нечего мне молчанием своим душу наизнанку выворачивать!

Николенька виновато пожал плечами.

— Да я и не думал вас мучить, бабушка! Только дело у меня

уж больно деликатное, не знаю, как и сказать… Вам уж, верно, говорить об этом тяжело, да только не спросить я права не имею!

И набрав в грудь побольше воздуха, Николенька выпалил, то о чём не решался спросить:

— Отчего умер ваш младший ребёнок, Пелагея Михайловна?

— Вон ты о чём! — изумилась старуха.

Подскочив от неожиданности на месте, она уронила свою мотыгу и та с гулким стуком упала на утоптанную пыльную землю возле самой скамьи.

— Умер и умер, — настороженно сверкая глазами, прохрипела она, — сколь годов-то прошло! Дети часто умирают, поди, узнай — отчего! Вон у прежней жены Матвея-пасечника, каждый год дитя умирало. Родит ему баба, а он через день-второй хоронит. Она другой раз опять родит, а он следом снова хоронит! Вот и спроси — отчего?!

— Вашему ребёнку, кажется, было, года три? — заметил Николенька, — был ли он здоров? Не хворал ли? Правду ли сказывают, что ребёнок ваш калекой родился?

Бабка Пелагея угрюмо молчала, собираясь с ответом и устало, сгорбив поникшую спину.

— Это очень важно, — добавил Николенька, — я узнал что-то ужасное, что вам скорее не известно и у меня возникли страшные подозрения. Мне непременно надобно знать все подробности гибели вашего сына!

Бабка Пелагея, наконец, повернула к нему своё лицо, яростно впиваясь в него взглядом маленьких, тусклых глаз.

— Неизвестно? Отчего же мне не известно всего о моём сыне? — неистово прошипела она, брызгая беловатой слюной, — да только тебе то, что за дело до моего горя?!

— Так значит, вы знаете… — медленно проговорил Николай, поднимаясь со скамьи, — вы всё знали и молчали все эти годы!

Неожиданно старуха с необычайным проворством кинулась к валявшейся в ногах мотыге, хватая её обеими руками. Однако Николенька оказался проворнее. Мгновенно наступив ногою на длинный черенок, он не позволил озлобленной старухе броситься на него с опасным орудием.

Поняв, что её затея не удалась, старуха закрыла лицо руками и глухо зарыдала, тряся худыми, жилистыми плечами.

— Не стоит, — с презрением заметил Николенька, глядя на неё сверху вниз, — не думаю, что вам удастся меня разжалобить. Я хочу знать правду, что произошло в вашей семье около семнадцати лет назад и, клянусь богом, я эту правду узнаю!

Бабка Пелагея нехотя опустила руки, открывая смуглое лицо с сухими, выгоревшими от времени глазами, и кивнула головой,

при этом устало и безнадёжно, махнув заскорузлой, мозолистой ладонью.

— Ребёнок у меня родился, — глухим поникшим голосом начала она свой рассказ, — сыночек Фролушка… Я как впервой глянула на него, так и обмерла! Ни рук, ни ног, ни шеи! Голова одна, да туловище, не поймёшь даже что за страшилище! Это Антип говорит: Сыночек! У таких как мы, дочери не рождаются! Страшно мне спервоначалу было на эдакого страхолюда смотреть, а всё любовь материнская сильнее оказалась. Лежит в колыбельке кровиночка моя, не шевельнуться ему, не встать, а глазки такие умненькие, да печальные, что сердце кровью обливается! Макарушка мой его полюбил. На улице всё бывало, с мальчишками дрался, те дразнили Фролушку, уродом, да клопом безногим его дразнили. Макарушка за него заступался. Он Фролушку братцем звал, и весь день мог с ним нянчиться, то лодочку ему сделает, то сказку расскажет. Фролушка смотрит на него, слушает и смеётся всё, радуется…

Старуха утёрла набежавшие слёзы краем чёрного платка.

— Сам Фролушка говорить стал, когда ему и года не было. Покормила я его, в колыбельку положила, а он смотрит на меня и тоненько так говорит: Маманька… Расплакалась я тогда, дитя своё несчастное к груди прижала и поклялась не оставлять его ни в какой горести, что бы не случилось! Три года с рождения Фролушки прошло, тут Антип мне и говорит: Не может ребёнок-морок эдак далее жить. Должен он чужое тело занять — иначе погибнет! Как сердце моё на части от слов его рвалось — одной мне и ведомо! Полюбила я Фролушку всей душой, да только как же можно другое-то дитя жизни лишить, хоть бы и ради своего ребёнка! Плакала я и прощалась с Фролушкой, видела, как тает он, жизнь по капельке из него уходит. Да только муж мой, Антип, по-другому всё удумал: Не позволю, — говорит, — сыну своему единственному помереть! Нам мальчишка твой, Макар, всё одно ни к чему. Не примирюсь я, что ты его с другим прижила, не прощу! Фролушка Макаркино место займёт. Люди ничего не заметят, ты обличье ублюдка своего каждый день видеть будешь и тем тешиться, а я, зная, что Фролушка мой живёхонек, тоже доволен буду. Так всё ладно и устроится! Кинулась я на защиту сыночка своего: Не дам, — кричу, — Макарушку сгубить! Лучше всем расскажу, кто ты на самом деле есть! Значит, ты хочешь, чтобы Фролушка помер? — вкрадчиво спрашивает мой постылый муж, — что ж ты мать — тебе решать. Но помни, жить будет только один! А вот кто — выбирай! Проплакала я всю ноченьку. Всё мальчиков моих обнимала и целовала, а они тоже не спят, будто чуют близкую беду. Макарушка меня утешает, а Фролушка

немощный в колыбельке плачет и верещит слабеньким голоском: Не плачь, маманька, не плачь! Страшно мне, милая! Не пугай меня так… Поплакала я, а к утру у меня решенье твёрдое созрело. Не дам, думаю, сынов своих сгубить! Не для того я их на свет в мучениях рожала, чтобы погибнуть им, белого света невзвидев!

Бабка Пелагея замолчала, горестно раскачивая седой головой и роняя крупные слёзы в серую, дорожную пыль. Николенька сидел, чуть дыша с болью глядя на несчастную старуху и не смея произнести ни слова.

Старуха меж тем справилась со слезами и продолжала свой скорбный рассказ.

— Коли знаешь, живёт возле реки род Шалаков…

Николенька судорожно кивнул.

— Так вот, — продолжала бабка Пелагея, — главою рода у них на ту пору поставили Захара-мельника, внука той самой девки, что сослана была с семьёю к нам из Монкалина. Род их из двух отдельных семейств состоит, в каждой по одному мальчишке. Стало быть, придёт время — один из них главою рода станет. Знала я, что Анисья, мать одного семейства, Данилу, племянника своего за то невзлюбила, слыхала, как она в церкви молилась, чтоб господь мальчишке на голову кару небесную наслал, уж известно за какие грехи — хотела только Ерёмку своего главою рода видеть!

Старуха подняла на Николеньку покрасневшие, воспалённые глаза.

— Она бы извела Данилку рано или поздно! Уж коли, что Шалакам в голову взбредёт, непременно того добьются! Так зачем же ему зазря умирать, из-за прихотей глупой бабы! Вот тогда и решила я — пусть Фролушка мой Данилкино место займёт!

Бабка Пелагея вцепилась Николеньке в рукав, умоляюще вглядываясь в его строгое, непроницаемое лицо.

— Я никому не желала зла, пойми! Я просто хотела, чтобы мой мальчик выжил, а Данилка — что ж! Ведь он был обречён!

— Но ведь его бессердечная тётка не могла разглядеть подмены, — тихо заметил Николенька, — вы не боялись, что она погубит Фролушку, когда он примет обличье Данилы?

— Ну, конечно же, нет! — неестественно засмеялась старуха, суетливо пряча глаза, — ведь мой Фролушка не такой! Зачем ему быть главою никому не нужного рода взбалмошных Шалаков! У него совершенно другие цели!

— Это, какие же? — ледяным тоном поинтересовался Николенька, — отправить на тот свет ещё несколько людей для поддержания своего никчёмного существования?!

— Это не так! Не так! — старуха судорожно затрясла седой

растрёпанной головой, — ты ещё молод, у тебя нет своих детей, тебе не понять! Я ведь, когда Фролушкино тело погибло, по настоящему его хоронила, до конца поверить не могла, что душа мальчика моего в другом существе живёт. А через месяц после похорон прибегает ко мне маленький Данилка, смотрит Фролушкиным взглядом и ласково так говорит: Маманька, я вернулся! Скажи, кому я горе принесла? Разве мать Данилкина увидала подмену? Разве отняла я у неё сына?

— Никому, — пожал плечами Николенька, — кроме самого Данилы. Ваш тихий и ласковый Фролушка его убил. Причем не без вашей помощи!

— Убил… — задумчиво проговорила бабка Пелагея, — покойный Михаил Данилович любил повторять, что всякая тварь имеет право на существование, оттого и привечают у нас испокон веку и Окручей и Пауков и Водяных и прочих невиданных созданий. И заметь, все они, так же как впрочем, и люди, живут за счёт других! Все мы существуем, истребляя и поедая других! И никого это не печалит! Никого! Ну, возможно только тех, чью жизнь мы используем в угоду своей. Да только кто же их спрашивает — ведь они только пища! Отчего же мой сын не имеет права на жизнь? В чём он виноват? В том, что так устроен? Да разве он не божье создание, такое же, как другие?

— Скорее он создание дьявола, — тихо ответил Николай со смешанным чувством презрения и сострадания, глядя на поникшую усталую старуху.

Неторопливо Николенька поднял с земли позабытую мотыгу и подал её неподвижно сидящей бабке Пелагее.

— Не роняйте более, бабушка. Прощайте!

Быстрым шагом Николенька отправился прочь. Скоро дойдя до усадьбы, он взбежал на высокое крыльцо, но, внезапно передумав, решительно повернул назад и пошёл в сторону деревенской мельницы…

Глава 14
Летохина пещера

— Да что же это за напасть на нашу голову! Данилко-то, господи помилуй, уж парень-то спокойный, домовитый… а всё попустительство наше! Говорил я вам, Генрих Карлович, надобно построже нам с этими-то Слипунами. Ишь вообразили себя невесть кем! И чего бы это воображать-то? Почто они Данилу-то забрали, ась?

Запыхавшийся Дмитрий Степанович вышагивал по лесной заросшей тропе следом за господином управляющим, и сердито глядел тому в спину.

— Почто молчишь-то? Отвечай!

— Да я не знаю, что и сказать, — осторожно начал господин Мюллер аккуратно обходя колючий кустарник, выросший прямо посередине тропы, — отродясь такого не было, чтобы Стражи в деревенскую жизнь вмешивались. Они-то всё более у себя под землёю, по пещерам. Не чаю что и произошло…не спроста, видно Стражи Данилу из лесу не выпускают, да и что бы ему напасть на Фёдора?! Бог весть! Разбираться надобно…

— Ну, уж это ты, брат, шалишь! На моей земле изволь передо мной ответ держать, за свои поступки! Эдак каждый вообразит себя, каким ни есть стражем, да и начнёт моих людей в полон брать!

Оба путника вышагивали по густому лесу по едва заметной тропе в сторону жилища Слипунов, или Стражей, как они сами себя называли. Решение навестить необщительных селян созрело у Дмитрия Степановича сразу, как только услыхал он от своего кучера рассказ о странном поведении Слипов и о пленённом Даниле.

Генрих Карлович вначале воспротивился такому решению (признаться, он немного побаивался немногословных и загадочных Стражей!) но сражённый натиском разгневанного Дмитрия Степановича тотчас смирился и даже вызвался проводить до пещер короткою, давно позабытой жителями тропой.

Лесной дорогой, по которой уважаемый Генрих Карлович повёл Дмитрия Степановича, редко пользовались и к тому времени как оба путника ступили на неё, она несказанно заросла. Ветки так низко срослись над головой, что то и дело приходилось пригибаться, чтобы пройти по заросшему зелёному тоннелю. Нечего, было, и думать проехать по таким зарослям на лошадях,

оттого Дмитрий Степанович повелел оставить их на опушке.

— Эко, с лошадьми-то неладно получилось, надобно было хоть Сеньку взять с собой, присмотрел бы! — ворчал недовольный Перегудов, — стегани-ка их Генрих Карлович! Пущай домой бегут, а то неровен час, звери задерут, коли здесь оставим, чай доберутся, не пропадут…

Проследив взглядом за убегавшими лошадьми, путешественники ступили на тропу и вот уже час как шагали по густым зарослям, отмахиваясь от злобных кусачих насекомых.

Лес перед ними постоянно менялся. То дорога шла круто вверх, пролегая меж высоких зелёных сосен, то высокий подъём заканчивался, и тогда тропа проходила через густой, но светлый березняк, перемежавшийся небольшими солнечными лужайками. Порою лесная тропинка петляла среди корявых мощных дубов, с землёю, сплошь усыпанной желудями и изрытой маленькими крепкими следами кабаньих копыт. А временами спускалась в глубокие лощины, и лес там превращался в такие непролазные чащобы, что приходилось прокладывать себе путь, с трудом угадывая заросшую дорожку.

Выбираясь из очередного густо заросшего места, путники наткнулись на странное, необычное явление.

Перед ними раскинулась довольно широкая поляна с ровно очерченным круглым краем. Ни травы, ни цветов, ничего не росло на её гладкой, чёрной, будто выжженной поверхности. Посередине поляны стояло засохшее дерево. Когда-то могучее, с крепким, гладким стволом, сейчас оно было подобно гигантскому копью, устремившему в небо свой остро отточенный грозный наконечник. Ни одной ветки не осталось на его гладкой поверхности, ни одного сучка или неровности. Словно неведомый мастер с любовью и старанием полировал погибшему дереву побелевшие от времени бока.

— Эт-то что за диковина? — изумился Дмитрий Степанович? — гляди-ко ни листочка под стволом не растёт! Что за странная причуда в глухом лесу, мёртвые деревья кругом окапывать?

Перегудов решительно собирался ступить на поляну, с любопытством разглядывая загадочное место, однако не менее решительно ему помешал в этом бдительный Генрих Карлович.

— Помилуйте, Дмитрий Степанович! Куда же вы идёте?! — управляющий крепко ухватил возмущённо засопевшего Перегудова за лацкан сюртука, — и не думайте, барин! Стойте здесь и внимательно глядите!

Путники застыли на краю тёмного круга, вглядываясь в его правильные очертания, а Генрих Карлович тем временем

полушёпотом рассказывал Дмитрию Степановичу о странном месте.

— Это — Чёрная Плешь! Жили здесь давным-давно создания по прозванью Плешки. Давно жили, меня здесь ещё и в помине не было! Откуда они взялись, про то тоже не знаю, покойница Софья Михайловна дюже сердилась, когда её про Плешек кто спрашивал, а в чём причина не сказывала! Только перед самой смертью и призналась. Стояли мы с ней как-то возле озера, а она и говорит: Помнишь, Карлович, ты всё меня про Плешек пытал? Ну, я уши-то навострил: А то, как же не помнить-то, — говорю, — вестимо помню! Да только отругали вы меня тогда! Старая Барыня поморщилась, да и говорит: Виновата я, Генрих Карлович, сильно виновата, оттого и вспоминать не люблю… у нас ведь, у Видящих, Закон есть о переселении, свято его чтить надобно. Как решаешь какой вопрос, чтобы, значит, существо из одного мира в другой отправить, так изволь, согласие всех Видящих получи! Коли хоть один из Видящих на Совете воспротивиться, всё — нельзя!.. А я, видишь ли, Плешек этих сюда в Полянку привезла, Закон нарушила!

Неужто, Совета ослушались?

Хуже, Генрих Карлович. Я его и не спрашивала. Плешки-то из дикого мира, где и Видящих нет. Знала я, что на Совете нечего и заикаться, чтоб созданий из дикого мира в мир Видящих запустить, за такое можно сразу скипетра лишиться, потому и не спросила!

Да зачем же вам, матушка Плешки эти сдались, что вы на эдакое преступление пошли?

Пожалела. Заглянула я в их мир, а там мёртвое всё, неживое. Ни кусточка, ни деревца — всё погибло! И Плешки эти несчастные в пыли лежат, высохшие, как саранча, а двое живы ещё, ну я их с собой и забрала…

— Благое дело! — важно качнул седой головой Дмитрий Степанович, — как не помочь гибнущему!

— Благое, — согласился Генрих Карлович, только Плешки эти мир свой сами сгубили. Они, видите ли, Дмитрий Степанович, существа, впрочем, как и люди всеядные, да вот только работой себя утруждать, дабы пропитание сыскать, не станут.

— Чем же они промышляют?

— Чем промышляют? — повторил Генрих Карлович, — да вот, извольте — Чёрная Плешь! Это самое что ни есть Плешек творение. Выбирают они дерево в лесу и устраивают вокруг него ночные танцы. Первое-то время, сказывала Софья Михайловна, любила она смотреть, как Плешки при свете костра вокруг дерева

пляшут, а после стала примечать, что деревья те после ночных оргий погибали, да и всё живое вокруг дерева начисто вымирало! А Плешкам того и надо! Сядут они вокруг выжженной Плеши, да и ждут. Кто не пробежит, не пролетит ли через неё, всё живое та Плешь притягивает. А коли ступишь на её край, так жди беды, накатит на тебя такая тяжесть-истома, что не двинуть ни рукой, ни ногой. А Плешки тут как тут! Хватают добычу, да и рады — радёшеньки!

— Ну, так что же, — пожал плечами Дмитрий Степанович, — такой у них промысел, надо как-то и им жить!

— Это верно, — заметил Генрих Карлович, — да вот только сила у мёртвого дерева не навек. Постоит эдакое дерево-то да силушка его постепенно и иссякнет, не действует на живых существ! Тут Плешки вокруг другого дерева пляску заводят, готовят новую ловушку. А старая-то Плешь хоть и не лишает сил живых существ, да только и живое ничего на том месте не растёт. Никогда.

— Нешто они своими плясками свой мир в мёртвый превратили? — изумился Дмитрий Степанович.

— По всей видимости, так и есть, — подтвердил Генрих Карлович.

— И всегда-то я говорил, что от танцев один вред! — крякнул Дмитрий Степанович, — так что же Плешки-то? Куда подевались?

— Софья Михайловна, когда поняла, какой вред несут с собой ненасытные Плешки, старалась поначалу их уговорить, запрещала им губительством заниматься. Да только они уйдут в лес, да и опять за своё, поди, уследи за ними! И ведь не от недостатка или там от голода — нет! Нрав у них был такой.

— Что ж не могла Софья Михайловна справиться с негодными созданиями?!

— Щадила. Плешки силой огромной обладали. Они могли не только живое в мёртвое превратить, но и наоборот! Любой засохшей травиночке могли коварные Плешки своим дыханием жизнь подарить. Болезни могли одним взглядом лечить, прикосновением своим несчастных от слепоты навсегда избавить! Вот Софья Михайловна и надеялась, что удастся ей образумить наглых и беспечных Плешек, в нужное русло дар, богом данный направить, ан нет! Не желали Плешки силу свою растрачивать на добрые дела, скучно им это было, нерадостно… Старая Барыня долго жалела их… Так всё и продолжалось, пока на Чёрную Плешь мальчик не забрёл, пастушонок. Плешки-то ту поляну забросили, новую, колдовскими своими штучками расчистили, жадность их, вишь, одолела, хотелось побольше мёртвых ловушек иметь. Так мальчик тот с голоду на Чёрной Плеши и помер. С

места сдвинуться не смог. Родители того мальчугана, Плешек самолично изловили и в Яму сбросили. Вот так-то. С тем про Плешек и позабыли. Только Старая Барыня всю жизнь казнилась, всё простить себе не могла, что Закон нарушила, несчастье на свой мир навлекла.

— А чего же сейчас опасаться Чёрной Плеши? Чай, времени столько прошло, что давно она безвредна! — расхрабрился Дмитрий Степанович.

— Так кто его знает, — туманно отвечал господин Мюллер, — мёртвых Плешек никто не видел, а места здесь такие, что надобно всегда начеку быть… как знать…

Разговаривая, они внимательно наблюдали за тем, что происходит на Чёрной Плеши. Однако долгое время поляна была совершенно пустынна, живые существа избегали появляться на её тёмной, мертвой поверхности. Наконец на Плешь выскочил маленький серый бельчонок. Поворачивая в разные стороны усатую мордочку, он благополучно доскакал до середины и уставил свои чёрные глазки — бусинки на голый ствол сухого дерева. Понюхав белесую, лишённую коры поверхность, бельчонок смешно фыркнул и, задрав пушистый хвост, опрометью бросился прочь.

Путешественники облегчённо перевели дыхание.

— Видите, Генрих Карлович, — удовлетворённо промолвил Перегудов, — нет у Чёрной Плеши силы. Можно идти, а вы, уважаемый, боялись!

— Боялся, — виновато улыбнулся господин Мюллер, да и как не бояться! Уж лучше бы нам и сейчас поляну эту стороной обойти, от греха подальше!

С этим, Дмитрий Степанович, несмотря на свой воинственный вид, немедленно согласился, и путники отправились дальше, осторожно обходя мёртвое поле.

Вскоре Чёрная Плешь осталось позади, и Дмитрий Степанович вновь заговорил о делах насущных.

— Всё у меня из головы Данила нейдёт, да и Стражи эти… знал я, что проверить людишек надобно, поговорить, а всё недосуг! То одно вишь, то другое… вот народ и распоясался! — недовольно ворчал Перегудов, переживая о случившемся, — и ты, Генрих Карлович, не упредил меня, смолчал, что эдакий народ своевольный на наших землях обитает, а? Что думаешь-то?!

— Так мне право, Дмитрий Степанович и сказать то нечего было! Сколь в Полянке живу, а со Стражами знаться не доводилось, да ведь и то сказать, даже Старая Барыня не часто покой пещерных жителей нарушала. Сколь помню, только раза три и обращалась Софья Михайловна к нелюдимым селянам.

Последний раз аккурат перед самым пожаром. Так прямо одна, без прислуги, без провожатых к Слипунам и ходила. Долго у них пробыла, я уж и встревожился, было, но — ничего! Вернулась жива — невредима, да только уж больно задумчива. Я было с расспросом к ней: Что-то вы, Софья Михайловна, всё в думах пребываете, не случилось ли чего? А она только головой покачала: Займись, — говорит, — Генрих Карлович делом. Али тебе своих забот мало, что про мои-то думы знать хочется? Коли мало, так я это дело поправлю, так работой нагружу, дохнуть некогда будет! А потом приметила, что обидела меня грубостью своей, я-то ведь по доброте спросил, а не то чтобы в душу влезть хотел! Приметила и смягчилась: Ступай себе, друг мой, с богом, да не серчай на меня. Я-то знаю, что ты мне верой и правдой служишь, только сказать тебе всего не могу! Придёт время — сам всё узнаешь, а теперь тебе всё знать и не к чему. Слишком тяжкий крест, знание такое!

Некоторое время путники шли молча. Генрих Карлович, погружённый в воспоминания, а Дмитрий Степанович в собственные думы. Наконец Перегудов вздохнул, утирая пот со лба, и окликнул управляющего:

— Чего там, Генрих Карлович? Скоро ли хутор?

Не успев ответить, идущий впереди управляющий неловко отпустил тугую крепкую ветку, и она больно хлестнула Перегудова по щеке.

Тихо выругавшись потный, весь облепленный липкой паутиной Дмитрий Степанович на некоторое время замолчал, а затем гаркнул хрипло, набрав полную грудь воздуха, да так, что испуганный Генрих Карлович, подскочил на месте!

— Ну! Завёл, прости господи! Далёко ль ещё? Чай обещался короткой дорогой свести!

Виновато оглядываясь, Генрих Карлович зачастил несвойственной ему скороговоркой.

— Терпение, Дмитрий Степанович. Уж немного осталось! Вот сейчас повернём, а там и хутор…

Не успел он договорить, как лес неожиданно кончился, и прямо перед путниками раскинулась широкая, покрытая короткой изумрудного цвета травой поляна.

По другую её сторону возвышалась невысокая горная гряда, вся из красновато — бурого камня, поросшая редким причудливо изогнутым кустарником. По склону, из чернеющего отверстия, стекал стремительный водный поток, шириною примерно в десять локтей. Прозрачная вода с шумом и брызгами падала с высоты, разбиваясь о бурые камни, попадая в довольно обширный водоём, искусно выложенный человеческой рукой, и вытекала из него

тонким смирным ручейком, теряясь в густой траве.

Посередине поляны, разбросанные там и сям, стояли пять хижин, небрежно крытые почерневшей от времени соломой.

Ни людей, ни животных нигде не было видно. Хутор казался совершенно безжизненным и заброшенным, только толстая ленивая кошка презрительно сощурила на пришельцев круглые наглые глаза и тотчас отвернулась горделиво, нервно отмахнувшись от непрошенных гостей, как от назойливых насекомых, пушистым полосатым хвостом.

— Где народ-то? — первым нарушил молчание Дмитрий Степанович.

— Так кто ж их знает, — тревожно отозвался господин управляющий, — народец здесь странный обитает. Землю не пашут, скотину не держат, чем живут — непонятно! Я, Дмитрий Степанович, вот что думаю. Ну, как нам потихоньку к пещерам-то пробраться. Верно там они, Слипуны-то, где им ещё быть… а мы тихохонько подойдём, да и поглядим, чем это они там занимаются, а уж после и решим, что нам делать, да и как поступать…

— Чего это я в своей деревне хорониться буду, да выведывать?! — недовольно буркнул Дмитрий Степанович, в душе, однако, согласный с доводами управляющего.

— Так ведь, кто их знает, что у Слипов на уме! Напрямки спросить, так ведь не скажут! А самим всё высмотреть, глядишь, что и больше узнаем!

Поупрямившись для порядка, Дмитрий Степанович повернул снова в лес и разведчики молча принялись пробираться самым краем, двигаясь к горной гряде. Наконец они достигли пещеры — узкого тёмного отверстия в отвесной красноватого цвета скале.

Попеременно оглядываясь, и подталкивая друг друга локтями, Дмитрий Степанович и Генрих Карлович заглянули внутрь.

— Темно там, как в преисподней, — шепнул Перегудов, — не разглядеть ничего!

В ответ Генрих Карлович молча указал рукою на высокую стопку аккуратно уложенных полешек, которые Дмитрий Степанович сослепу принял за дрова, но, внимательно присмотревшись, увидел, что все поленца с одного конца обмотаны тщательно просмолённой паклей.

Обрадовано переглянувшись, путники набрали деревянных светильников, кто, сколько мог, и отважно шагнули в черноту пещеры.

В первые же минуты тьма и мрак поглотили всякие внешние

звуки. Только гулкие звуки шагов раздавались в кромешной тьме. Когда блёклый свет, исходящий от узкого отверстия перестал освещать дорогу, Генрих Карлович становился и зажёг приготовленный факел. Дмитрий Степанович последовал его примеру и вскоре яркий огонь затрепетал, освещая дорогу.

Проход, по которому шли путешественники, был довольно узок, впору разойтись лишь двум, от силы трём человекам. Стены пещеры имели такой же красноватый оттенок, как и скалы на поверхности и при свете факелов таинственно мерцали пурпурно-кровавым блеском.

Через некоторое время путь стал шире. Дмитрий Степанович внимательно следил, не разветвляется ли дорога, боясь заблудиться в темноте.

Вскоре проход вывел путников в большой каменный зал с причудливо свисавшими каменными сосульками. Отсюда в разные стороны выходило несколько дорог, и друзья остановились в раздумье.

— Ну что, господин Мюллер, — озадаченно вопрошал Дмитрий Степанович, — куда идти прикажете? Где они, эти ваши Стражи?

Генрих Карлович растерянно пожал плечами, оглядываясь по сторонам. Темнота и мрачное величие подземного царства так угнетали его, что бедный управляющий готов был отказаться от своего плана и поджидать загадочных Слипунов у входа в пещеру.

Однако у Перегудова напротив проснулся дух исследователя, и он с азартом заглядывал в чёрные отверстия, пытаясь разгадать, куда им отправиться.

— Бечёвку надобно, — озабоченно проговорил Дмитрий Степанович, направляясь к стоящему столбом управляющему, — один конец здесь закрепим и, потихонечку разматывая, по проходу пойдём. Коли никого не сыщем, по бечёвке той назад вернёмся. В пещерах все эдак делают!

Генрих Карлович нехотя вынул из кармана моток крепкой бечёвки, совершенно не разделяя Перегудовского энтузиазма.

— Ну, те-с! — Дмитрий Степанович энергично потёр ладошки, — с которого прохода начнём исследование? Предлагаю с того, что крайний справа! А после остальные, так справа налево всё и обойдём!

— Помилуйте, Дмитрий Степанович, — возразил ему управляющий, — из правого прохода мы только что вышли! Этот путь к выходу из пещеры ведёт!

— Да что вы тут мне толкуете, милейший! — вздёрнул косматые брови Дмитрий Степанович, — мы с вами вышли из того прохода, что слева! Уж я то помню!

Встревоженный Генрих Карлович умоляюще глянул на Перегудова.

— Ох, Дмитрий Степанович! Не заблудиться бы нам! Давайте хоть по верёвке этой, хоть по-другому как, да только назад пойдём! Уж больно здесь нехорошо, камни со всех сторон так и давят!

— Ну, полно вам, голубчик, — ласково попенял ему Дмитрий Степанович, — не пугайтесь вы так! Сейчас я вас на волю выведу, уж больно вы бледны, видно, что под землёю вам худо. Вы, стало быть, снаружи подождёте, авось углядите чего интересное. А я опять вниз спущусь, да с помощью этой бечёвки все ходы исследую! Так-то оно вернее будет…

Проговорив это, Перегудов решительно повернул в левый проход и уверенно зашагал, освещая ярким факелом себе дорогу.

— Дмитрий Степанович, — управляющий торопливо нагнал Перегудова, боясь отстать, — верно ли мы идём? Давайте хоть бечёвку размотаем!

— Да что это ты, Генрих Карлович? — недоумённо глянул на него Перегудов, — пути не узнаёшь? Ведь мы только здесь проходили!

Некоторое время Дмитрий Степанович с ехидной насмешкой распространялся о странностях человеческого характера, что пугаются собственной тени, припомнил управляющему и его страх перед Чёрной Плешью, но, внимательно взглянув на бледного Генриха Карловича умолк, и более не издевался над несчастным немцем, продолжая путь в совершеннейшем молчании и лишь изредка восклицая: Ну, уж немного осталось, Генрих Карлович, скоро и на свет божий выйдем!

Однако вскоре Генрих Карлович вновь заметил дрогнувшим голосом, изо всех сил стараясь говорить спокойно.

— Дмитрий Степанович! Гляньте-ка, новый проход в стене! Когда мы сюда шли, такого не было!

— Да верно не заметили спервоначалу! — отмахнулся Перегудов, но в душу его закралось первое сомнение.

Вскоре сомнение в правильности выбранного пути переросло в непоколебимую уверенность — выбранная дорога привела в ещё более широкий зал, посередине которого мерцало чёрной водой глубокое озеро.

— Вот так штука! — смущённый Дмитрий Степанович потёр ладонью потрёпанные бакенбарды, — ну да ничего! Повернём назад, да и вся недолга! Теперь уж, Генрих Карлович обещаю во всём вас слушаться!

Усталый и поникший управляющий стоял молча, не в силах произнести ни слова. В отличие от несколько легкомысленного

Дмитрия Степановича он много был наслышан о беспредельном коварстве Летохиной пещеры и потому не на шутку испугался. Да и Перегудов притих, оглядываясь по сторонам и прикидывая, как бы им выбраться наружу.

Горько пожалели путники, что так опрометчиво вступили во владение загадочных Стражей! Да и где им было тягаться с ними в этих бескрайних лабиринтах, что они хотели разузнать, неудачливые и неумелые разведчики! Холодно и страшно было вокруг! Величественные и мрачные стены давили на одиноких путников со всех сторон, тёмное озеро бесшумно простиралось перед ними, его неровные очертания терялись во мраке исполинской пещеры, сверкая гладкой поверхностью, и не единый звук не нарушал безмолвие подземного обиталища.

Внезапно невдалеке прямо над неподвижной поверхностью озера мелькнул яркий свет, озарив на мгновение высокие стены каменного зала. В тот же миг подул такой сильный ветер, что друзья не в силах удержаться на ногах прижались к холодному камню, обеими руками вцепившись в его влажную шероховатую поверхность. Упавшие светильники с гулким стуком покатились по неровным ступенькам вниз и с шипеньем и бульканьем в один миг погрузились в бездонное озеро. Тьма окутала подземное царство…

Глава 15
Встреча в развалинах

Отец Никон сидел у открытого окошка в своей избёнке и, прищуривая от удовольствия жёлтые глазки пил горячий, обжигающий чай, временами черпая серебряной ложкой густой тёмно-коричневый мёд из большой деревянной плошки.

Напротив сидела его супруга. Полная противоположность щуплого и юркого священника, матушка Евдокия была женщиной крупной, дородной, с густыми чёрными волосами, едва тронутыми сединой, маленькими чёрными усиками над полной верхней губой и густым, раскатистым басом. Она снисходительно смотрела на своего супруга и временами отгоняла тяжёлой рукой настырных мух, норовивших сесть на плошку с мёдом.

— Я вот, Дуняша, что тебе толкую, — важно растягивая щёки и дуя с присвистом в горячее блюдце, выговаривал ей отец Никон, — живёшь ты со мною, ровно у Христа за пазухой! Сидишь вот, чай пьёшь, да не абы как впустую воду гоняешь, тут тебе и медок, и прянички с белой муки испечённые! Всё у Никона есть! Всё имеется! И вся семья, заметь, в достатке! Захотелось тебе, к примеру, давеча платок шёлковый, изволь! И ведь просто так, не в праздник там или ещё как по случаю, по простоте душевной, да по широте души моей, всё тебе бесценная моя супружница!

Расчувствовавшись, отец Никон капнул слезою прямо в блюдце.

— А от тебя всю свою жизнь я и крохи хлебной не спросил! Я ведь каков? Супруге своей, да детишкам, портки последние сниму, да отдам! Вот я каков! А мне от вас и надо-то самую малость — немного чуткости душевной!

При последних словах матушка Евдокия насторожилась. Бесстрастное лицо её посуровело, и через широкий лоб пролегли две продольные морщины.

Тут надобно сказать была у отца Никона неистребимая страсть. Страстишка эта завелась у него года два назад и была бы вовсе безобидна, кабы не одно обстоятельство.

Проезжали как-то через Полянку по реке Верхнереченские мужики, и случись у одного из них с собою гармонь. Покрытая серым перламутром, с маленькими серебряными кнопками и мехами золотистого цвета, была та гармонь чудо как хороша! Да и гармонист попался знатный. Высокий, голубоглазый красавец-парень такие переливы на той гармони заворачивал, что девки Полянские прямо при первых звуках чувства теряли!

Увидал тогда отец Никон гармонь, да и потерял всякий покой. Пристал к гармонисту: продай, да продай! Ну, парень не больно и противился, как отказать слуге божьему? Скоро сговорились, и драгоценная вещица перешла в руки отца Никона.

Однако при первых же попытках извлечь из гармоники звуки, стало очевидно, что злополучный священник не обладает ни слухом, ни голосом. Это заметили все без исключения, но только упрямый отец Никон отказывался признавать очевидное!

Обладая от природы громким, пронзительным голосом (что немаловажно для служителя церкви) отец Никон свято верил, что этого достаточно для исполнения песен, а всякий извлекаемый из бедной гармоники звук почитал равным божественной мелодии, издаваемой ангелами в раю, нимало не заботясь такими мелочами, как мотив или нотная грамота.

Нетрудно догадаться, что при таком понимании музыки его исполнение сопровождалось дикой какофонией звуков, выдержать которую удавалось не всякому. Потому заслышав пронзительное пение и стенания несчастной гармоники, вся округа в ужасе разбегалась, затыкая руками уши. Сам же отец Никон мог часами, закатив самозабвенно глаза, наслаждаться собственным исполнением.

Не выдержав долго этакой пытки, матушка Евдокия поставила супругу условие, заниматься музыцированием только в саду, поодаль от дома, да и то тогда, когда поблизости никого не имелось, а то де от его музыки у коров молоко киснет.

Отец Никон разобиделся и стал уходить в сад, но как всякому настоящему артисту, ему требовалась публика, и временами он изматывал домочадцев просьбой прослушать его очередное исполнение.

Вот почему услышав издалека начатую речь про чуткость и понимание, матушка Евдокия сурово сдвинула свои неженские брови. Вид её стал так неприступен и строг, что несчастный отец Никон заёрзал на лавке под её тяжёлым взглядом.

— Ну, чего уж ты, Евдокиюшка, право… ну не хочется тебе музыки послушать, так не ходи… Что же насильно искусству не обучишь, коли душа к высокому не лежит!

Но матушка Евдокия неожиданно смягчилась, глядя на поникшего супруга и усмехаясь, тяжело поднялась с лавки.

— Ну, так пойдём уж, коли так… послушаем музыку-то твою! Можно и послушать…

Обрадованный отец Никон суетливо вскочил с лавки и бросился открывать тяжёлую кованую крышку сундука, доставая своё сокровище.

Но не успел он и шагу ступить, как в открытое окно

заглянула взлохмаченная чумазая мордочка маленького мальчика.

— Тятенька, гляньте-ка на двор! Там Костюшка с Полинкой коней барских привели! На них утром барин с управляющим в лес заехали в сторону Красных Горок, а теперича кони вернулись, а седоков-то и нет!

Взволнованный отец Никон бросился во двор. Там нетерпеливо переступая копытами, стояла барская кобылка Звёздочка и жеребец Зазнай, повзрослевший Звёздочкин сынок.

— Батюшки-святы! — всплеснула тучными руками за спиной отца Никона матушка Евдокия, — а где же вы милые мои, седоков-то своих растеряли?! Ох, отец Никон, неспроста кони-то одни вернулись, видно новая беда случилась в Полянке!

Дрожащими руками отец Никон принял поводья из рук своих детей.

— Ну-ка, ну-ка, цыц! Цыц, сказано! Раскудахталась! Мало ли чего произошло, а ты уж сразу и бога поминать! Нечего каркать раньше времени! Сиди вон, да за детьми приглядывай, а я пойду, коней отведу в усадьбу, да заодно и узнаю, что к чему…

Путаясь в полах длинной, чёрной рясы, отец Никон удерживая в руках поводья, едва поспевал за барскими лошадками, горделивой рысцой спешащих домой.

Возле самой усадьбы ему повстречался Николенька, задумчиво бредущий со стороны мельницы.

— Барин, Николай Дмитриевич! — окликнул его отец Никон, — не видали вы батюшку своего? Вернулся ли он?

— Право не знаю, — удивлённо вскинул брови Николенька, — я домой заходил лишь утром, а сейчас время к вечеру… уж не случилось ли чего? — встревожено добавил он, вглядываясь в расстроенное лицо отца Никона.

Но тот лишь отчаянно махнул рукой и крикнул подошедшему Сеньке:

— На-ка, лошадей прими! Да скажи, дома ли барин?

— Не возвращались, — солидно отвечал Сенька, беря в руки поводья, — как с утра с господином Мюллером уехать изволили, так по сию пору нет ни того, ни другого!

Волнение охватило Николеньку.

— А не на этих ли лошадях папенька с господином Мюллером на хутор отправились?

Сенька озадаченно оглядел лошадей.

— Эти и есть… сам лично запрягал Звёздочку для барина, а Ёра Семёнович, стало быть, Зазная…

Из окна высунулась Дарья Платоновна.

— Николя! А где же Дмитрий Степанович?

Николенька беспомощно пожал плечами и вместе с отцом Никоном поспешил в дом.

Через несколько минут всполошилась вся усадьба. Дарья Платоновна охала и хваталась за сердце, Николенька мерил стремительными шагами свободное пространство библиотеки, мучительно пытаясь сообразить, что же возможно предпринять в такой ситуации.

Отец Никон суетливо метался по комнатам, беспрестанно поглаживая по голове Настеньку и Володеньку, называя их бедными сиротками, чем запугал всех окончательно.

Вскоре прибежала встревоженная Анна, и волнение с новой силой охватило усадьбу.

Наконец Николенька решительно попросил тишины и объявил о своём намерении немедленно отправиться на поиски отца. Дарья Платоновна тотчас возразила ему, что в лес надобно отправить местных крестьян, лучше знающих окрестности, а самим дождаться, как разыщут они Дмитрия Степановича. На что Николенька резонно возразил, что местные жители ни за что не пойдут по своей воле к Стражам и потому на их помощь рассчитывать не приходится. Тогда Дарья Платоновна вызвалась идти самолично, отчаянно боясь отпускать на поиски младшего сына, но тут же была ехидно высмеяна отцом Никоном.

— Куда это вы, матушка, собрались? С вашими, позвольте сказать, телесами, в наших чащобах не пройти! Беспременно застрянете!

— Вот как? — холодно обронила Дарья Платоновна, — ну тогда вам, батюшка, прямая дорога в пещеры идти! Уж вам-то с вашей прыткостью да проворством, никакие дебри лесные не страшны!

Отец Никон понял, что сморозил страшную глупость, но отказаться было невозможно, ввиду отчаянного положения, и вопрос о том, кому идти на розыски пропавших, в одночасье был решён, хоть отец Никон в душе и ругал себя за несдержанность.

Вызвался, было, участвовать в поисках и Виктор, но на него так строго прицыкнул разом повзрослевший Николенька, что тот надулся и уж более своих услуг не предлагал.

Наскоро запрягли тарантас, усадили Сеньку за кучера и отправились на дальний хутор, прямиком к Красным горам.

Раздосадованная неделикатным замечанием отца Никона, Дарья Платоновна отправилась в библиотеку и долго придирчиво рассматривала себя в зеркало со всех сторон, приглушённо отпуская в адрес незадачливого священника нелестные эпитеты и временами сокрушённо вздыхая. Наконец она удовлетворилась осмотром и позвонила в колокольчик, подзывая горничную.

— Авдотья! А подай-ка мне белую шаль, ту, что мне Дмитрий Степанович из Оренбурга привёз! Что-то ночи стали холодны…

Закутавшись шалью с головы до ног, Дарья Платоновна наскоро нацепила на голову летнюю светлую шляпу с большими полями и осенённая новой мыслью, лихорадочно принялась обшаривать большой письменный стол. Она в нетерпении отбрасывала в сторону ненужные предметы, пока не собрала все, что сочла необходимым. Оглядев разложенные перед нею вещи, Дарья Платоновна изогнула губы в победной усмешке: то-то удивятся нерасторопные и недальновидные мужчины, когда она первая явится на хутор Слипов! А уж ехидный попик и вовсе будет сражён наповал! Но тут Дарья Платоновна вспомнила о пропавшем муже и тотчас устыдилась своих мыслей. Да что же это она, право! Ведь не затем ей к пещерам попасть следует, чтобы народ чудесами поразить! Дмитрия Степановича надобно выручать, да бедолагу управляющего, бог весть, в какую переделку без неё-то попали!

Дарья Платоновна привычным жестом втянула глубже воздух и нацепила на себя тесноватый в талии пояс-переместку. Разложила перед собою карту имения, и подслеповато щурясь, принялась тыкать пальцем в старинное полотно, разыскивая Красные Горы и отдалённый хутор. Подумав немного, Дарья Платоновна определилась с направлением и встала лицом к востоку. Сложнее было вычислить расстояние. Маленькие непонятные цифры сбоку и понизу карты ровно ничего не говорили озадаченной Дарье Платоновне, и она целиком решила положиться на интуицию. Однако, помня свой первый печальный опыт по перемещению и постыдное падение в Голубое озеро, Дарья Платоновна решила спервоначалу переместиться куда поближе, оглядеться на месте, прикинуть, что к чему и так мелкими шажками до места и добраться. Тише едешь, дальше будешь! — глубокомысленно проговорила Дарья Платоновна и приготовилась к прыжку.

В последнюю секунду взгляд её упал на тускло блеснувший холодным светом скипетр и не долго думая, Дарья Платоновна прихватила знак особого отличия Видящих с собой…

Знакомая сила в который раз вывернула её тело наизнанку, кожу опалило колющими, приятными огоньками, всего пару секунд прошло, как Дарья Платоновна оказалась в густом лесу. Самодовольно оглянувшись, она проверила, всё ли у неё в порядке: Шаль на плечах, шляпа, скипетр — всё на месте! Ей показалось, что в отдалении слышится стук копыт и негромкий разговор. Выглянув из-за деревьев, Дарья Платоновна и впрямь увидела силуэт проезжавшего тарантаса, но в наступивших

сумерках не смогла разглядеть седоков. Тем не менее, боясь, как бы её не опередили, снова взялась за пояс и принялась загибать пальцы, отсчитывая мили, и вновь кинулась в неизведанное.

В ту же секунду весь правый бок её весьма дородного тела ожгло страшной болью и, не сдержавшись, Дарья Платоновна издала оглушительный вопль! Приоткрыв зажмуренные доселе глаза, она увидела, что сидит в огромной, дурно пахнущей яме, стены которой теряются в темноте. Над головою виднелся кусок вечернего неба с одной-единственной звёздочкой и обломками не то крыши, не то пола, которые она проломила при падении.

Да что же это за невезение такое, право! — с досадой думала Дарья Платоновна, громко охая и с трудом поднимаясь с места, — уж кажется, до чего верен был расчёт!

При этом в голову почтенной дамы закралась мысль, что второй прыжок она второпях совершила наобум, не удосужившись даже проверить направление! Но даже самой себе она ни за что не хотела признаваться в совершённой глупости. Главное пояс при мне, — думалось её, — уж куда ни будь да выберусь!

Однако сейчас она не спешила применить магические свойства необычного пояска.

Оглядевшись вокруг, Дарья Платоновна приметила узкую, полуразрушенную лесенку, ведущую вверх, и решила выбраться из заточения самостоятельно, а заодно и выяснить, куда это она провалилась?

Не торопясь, поднималась мадам Перегудова по лестнице почти в полной темноте, ощупывая дорогу руками. Тусклый свет, исходивший сверху, от отверстия в проломе, едва позволял разглядеть лестничные ступени, и бедная Дарья Платоновна всякий раз боялась оступиться.

Наконец руки её упёрлись в стену, и почтенная дама терпеливо разыскивала во мраке что-то похожее на дверь. Вскоре её поиски удались, и под рукой оказалась обычная дверная ручка. Потолкавшись взад и вперёд, Дарья Платоновна скорее почувствовала, чем увидела, как медленно и трудно отворилась небольшая, узкая дверка. При этом в сумрачной тиши раздался такой душераздирающий скрип, что Дарья Платоновна невольно схватилась за сердце.

Вынеся за дверь своё крупное тела, Дарья Платоновна подобрала края, упавшей с плеч шали, и остановилась в задумчивости, глядя по сторонам.

— Однако, однако… надо же, не припомню этого места! Куда же вы попали, уважаемая?

* * *

Не только старшие члены семейства Перегудовых отправились на помощь несчастному Дмитрию Степановичу и его верному помощнику!

Юный Виктор, донельзя огорчённый пренебрежительным к нему отношением со стороны дяди Николая, тоже отправился в путь. Но в отличие от Дарьи Платоновны и Николеньки, Виктор не пошёл к странным и загадочным Стражам, а решил обойти старые развалины, сгоревшей барской усадьбы.

Зная, со слов Фёдора, что виновником странных событий в Полянке является Данила, и, помня, где тот прячется, Виктор решил выследить злодея и отдать его в руки правосудия!

Уж, небось, и на деда Дмитрия напал этот негодяй! — с ожесточением думал мальчик, — эх, что же это я раньше не сказал, где он прячется! Ну да ведь тогда его и не искал никто…

Захватив с собой краюху хлеба и отсыпав в карман горсть сахару из бабкиных запасов (благо некому было за ними присмотреть!), Виктор вышел в дорогу.

Один мальчик ни за что не решился бы пойти в страшные развалины и потому он сразу же направился к своему лучшему другу-товарищу — Матвею.

Виктор застал друга, деловито ползающего вокруг неровных, неказистых грядок с уныло подрастающей капустой. Время от времени Матвей осторожно лил воду из стоявшей поодаль деревянной бадейки, на чахлые растеньица и после сосредоточенно тыкал палкой в землю, наблюдая, как быстро впитывается влага.

Завидев Виктора, он вскочил с колен, отряхивая с себя землю, и обрадовано заулыбался.

— Вот смотри-ка! Мать велела в каждую грядку вылить по пять бадеек воды, а я вылил только одну, однако, заметь, разлил по всей длине! Как думаешь, догадается? — с надеждой глядя на друга, спросил Матвей.

— О чём? — не понял вопроса Виктор и отбросил ногою в сторону пустую бадью.

— Ох, Мотька, занимаешься ты тут ерундой! Кругом люди пропадают, а ты тут со своей капустой! Да кому она нужна будет твоя капуста, если всех поубивают?!

Тут голос Виктора дрогнул и неожиданно для себя самого слёзы брызнули из глаз мальчика, и он заревел в голос, захлёбываясь и подвывая.

Ошеломлённый Матвей со страхом смотрел на товарища.

— Кого поубивают? Эй, эй, да погоди ты плакать! Расскажи толком, что случилось?!

— Дед пропал! — сквозь слёзы едва вымолвил Виктор, —

утром Фёдор в себя пришёл, сказал, что его Данила — мельников сын, убить хотел, да и Макара, верно, он убил, больше некому! Дед искать его пошёл, к Слипунам отправился и тоже пропал! Кони сами домой пришли, а деда нет! А Данила в развалинах сидит — там его ловить надо!

— Постой-ка, встревожился Матвей, — ты говорил кому, что мы с тобой Данилу в развалинах видели?

— Нет, — утирая грязной ладонью слёзы, затряс головой Виктор.

— Вот это правильно! — облегчённо вздохнул рассудительный Матвей, — узнают, что мы в развалинах бывали — зашибут! А Данилу мы сами поймаем! И за деда не бойся! Чай не пропадёт…

Успокоенный Виктор с благодарностью слушал Матвея, шмыгая покрасневшим носом. Он уже стыдился своих недавних слёз и потому заговорил нарочито грубовато.

— Ну, так чего рассусоливать! Коли решили, так пойдём!

— Ребят надо кликнуть, — озабоченно почесал переносицу Матвей, — Андрейку и Кондрата. Вчетвером-то куда сподручнее!

Через несколько минут маленький отряд был собран и в сгущавшихся сумерках молча и осторожно пробирался по крутому склону к чернеющим на вершине холма грозным развалинам.

— Давно ли вы Данилку в развалинах видели? — первым нарушил молчание Кондрат.

— Намедни, — шёпотом отозвался Матвей, — мы с Витьшей тута проходили, а он, значит, в развалинах и сидит…

— Эх, Мотька, говорил я тебе — не лез бы ты в развалины! Нехорошо тут…

Кондрат неожиданно приостановился и зорко огляделся вокруг. Следом за ним остановились остальные.

— Что? — не выдержал гнетущего молчания Виктор.

— Да вроде ветром как подуло… — с сомнением произнёс Кондрат, вглядываясь в тёмную полосу дремучего леса чернеющего на востоке, — вот что, взлететь нам надо и сверху на развалины глянуть. Всё больше разглядим, чем по руинам в ночи шастать, да и безопаснее…

— А я? — пискнул взволнованно Виктор.

— Ты тоже. Одного не оставим. Андрейка, Мотька, берите его под руки и полетели!

Медленно поднялись они в воздух, слегка шевеля крыльями, и паря на волнах тёплого летнего ветерка. Молча широким кругом, раз за разом облетели сгоревшую усадьбу, но ни шевеления, ни огонька не заметили в чёрных мёртвых стенах. Наконец Кондрат дал знак спускаться и все четверо приземлились

на край высокой кирпичной стены, заглядывая внутрь обгоревшего здания.

— Может и здесь Данила прячется, да только не найти нам его в ночи, — шёпотом сказал Андрейка, тяжело дыша после трудного полёта, — здесь кругом потайных закоулков полно. Да ещё подземелье… ежели он в подземелье ушёл — нипочём не найти!

— Это верно, — подтвердил Кондрат, — ежели сам не выйдет — так не найдём…

— Так может выманить его? — загорячился Виктор, — как лису из норы выкуривают!

— Подумать надо, — осадил Виктора Кондрат, — а не то выкурим… неизвестно что! Сам будешь не рад!

Так они сидели, переговариваясь вполголоса, внимательно глядя по сторонам, как среди звенящей вечерней тишины раздался такой треск и грохот, что Летава тотчас вспорхнули ввысь, словно птицы, встревоженные выстрелом охотника!

Виктор остался на высокой стене один, прижавшись к грубой поверхности и не смея поднять голову. Не успело стихнуть эхо, как нечеловеческий вопль потряс древние стены, он был так ужасен, что несчастный Виктор чуть было, не скатился со стены вниз, едва успев упереться ногами в широкую трещину.

Рядом приземлился Кондрат. Лицо его было напугано и бледно.

— Не бойся, Витьша, не бросим! — дрожащим голосом заговорил он, — уходить отсюда надо, пока целы, зря и пришли!..

Андрейка и Матвей осторожно сложили рядом свои крылья.

— Цепляйся за нас, Витьша! Ну, его, Данилу-то! Утром, ежели что вернёмся!

Виктор ухватил братьев руками за плечи и тут же с ужасом почувствовал, что его башмак прочно застрял в расщелине между камнями и нипочём не выходит наружу! Виктор дёрнул ногу и так и эдак, но ничего не помогало — он прочно застрял в ловушке!

— Ну, чего ты? — нетерпеливо прошептал Матвей.

— Не могу! — простонал Виктор, — нога!

Мальчики тщетно пытались высвободить несчастного пленника, когда снизу раздались жалобные, леденящие душу стоны.

— Это покойники! — трясясь от страха, едва выговорил Матвей, — верно говорят — они из подземелья по ночам выходят и в развалинах бродят, ищут, кто их усадьбу поджёг! Ох, Витьша, вылезь ты, ради Христа!

— Да не могу я! — чуть не плача повторил Виктор, ужом извиваясь на стене и пытаясь вытащить ногу.

— Ботинок развяжи, — посоветовал Кондрат, — опосля ногу из ботинка вынешь и вся недолга!

Виктор лихорадочно принялся расшнуровывать ботинок, но невыносимый, режущий душу скрежет, заставил всех вновь замереть в тревожном ожидании. Мальчики застыли, не смея шелохнуться.

Матвей показал глазами вниз:

— Дверь… — едва шевеля губами, проговорил он.

Тут и все остальные увидали, откуда исходит жуткий скрип!

Прямо под ними, в заросшей диким виноградом и крапивой стене отворилась маленькая узкая дверь. Охая и стеная, оттуда медленно выбралось неземное существо, окутанное белым покрывалом. Существо остановилось, чуть покачиваясь, и принялось бормотать что-то, плавно покачивая головой.

— Старая Барыня! — замирая от ужаса, прошептал Матвей, — ох, пропали мы!

— Замри, — зашипел на него Кондрат, — ну-ка, Витьша, где там твоя нога?

Он висел над Виктором в воздухе, слегка пошевеливая крыльями, и лихорадочно царапал кирпичную кладку, пытаясь высвободить застрявшего мальчика. Остальные, ухватив пленника за плечи, тащили его из расщелины, рискуя каждую секунду быть обнаруженными.

В это время, зловещая тень Старой Барыни, прекратив читать свои страшные заклинания, подняла голову, привлечённая шумом, раздававшимся со стены. К несчастью бедным мальчикам некуда было скрыться от её пронзительного взгляда! Слишком отчётливо виднелись крылатые силуэты на фоне вечернего звёздного неба!

Увидев перепуганных летунов, привидение издало гортанный крик и, взмахнув белым саваном, завертелось в диком танце, завывая и хохоча.

В следующую секунду, обезумевшие от ужаса Летава, взмыли в воздух, громко хлопая крыльями. Одновременно нога Виктора выскользнула из предательского ботинка, и лишённый всяческой опоры он рухнул вниз, прямо под ноги жуткого призрака! От удара Виктор на некоторое время лишился способности двигаться и теперь лишь безучастно смотрел, какая битва разыгрывалась перед ним.

Злобно размахивая руками, привидение с угрожающим шипением приближалось к неподвижно лежащему Виктору. Белый саван развевался по ветру, вместо лица сияло только светлое тусклое пятно, седые длинные волосы падали на плечи призрака. Когда до Виктора осталось сделать лишь шаг, перед

Старой Барыней решительно встал дрожащий от ужаса, Матвей, с совершенно белым, лицом и горящими чёрными глазами:

— Прочь! — тонко закричал он, — убирайся прочь!

Привидение остановилось, вскинуло голову, лишённую лица и неожиданно совершенно отчётливо произнесло:

— Да помогите же мне снять эту шляпу, кто бы вы ни были!

Голос показался Виктору странно знакомым и пока Матвей помогал встать ему на ноги, он мучительно вглядывался в силуэт ночного пришельца. Рядом плечом к плечу встали Кондрат и Андрейка.

— Это не Старая Барыня, — вполголоса произнёс Кондрат, — это человек, смотрите! — и он указал пальцем на длинную тень, падавшую от дамы (по всей видимости, это была дама), освящённую яркой полной луной.

— Верно! — оживлённо подтвердил Матвей, от мертвецов тени не бывает!

Между тем, загадочная дама продолжала размахивать руками, делая странные, непонятные движения, пока не стало ясно, что её шляпа оказалась совершенно невероятным образом натянутой до самого подбородка!

Тотчас позабыв про страх, и зловредно хихикая, Матвей и Андрейка подошли к даме с двух сторон и разом сдёрнули с неё злополучную шляпу.

В тот же миг, изумлённый Виктор воскликнул, не веря своим глазам:

— Бабушка?!

Дарья Платоновна (уж конечно это была она!), растрёпанная, злая и донельзя напуганная всплеснула полными руками:

— Виктор, мальчик мой, да кто это с тобою?! Бесы?! Что это за место, господи помилуй?

После пережитого ужаса Виктору показалось, что никогда в жизни он не был так счастлив, и он тут же бросился к Дарье Платоновне в объятья, целуя её в морщинистые щёки.

— Бабушка, милая, это мои товарищи! Не пугайтесь их, они сами до смерти напуганы! Скажите лучше, как вы сюда попали?!

— Я попала, — невпопад подтвердила Дарья Платоновна, с огромным облегчением обнимая внука за худенькие плечи.

После она строго оглядела крылатую стаю и суровым тоном обратилась к разинувшему рот Матвею:

— Ты чей?

— Матвей Сорокин, — с трудом выговаривая слова, пробормотал тот, не сводя глаз с величественной, хотя немного помятой, Дарьи Платоновны.

— Вы? — ткнула она зажатым в руке металлическим

скипетром, в сторону остальных участников неудавшейся экспедиции.

К ней лёгкими шагами подошёл Кондрат, бесстрашно, глядя Дарье Платоновне прямо в лицо:

— Позвольте представиться, — церемонно наклонился он, — мы жители Нуагурии, первые из рода повелителей Вон, с благословения вашей досточтимой родственницы нашедшие пристанище в здешних краях и ваши вернейшие подданные, — он помолчал немного, давая Дарье Платоновне время опомниться, — на родине меня зовут Аатона-Вон — наследный принц Верхней Нуагурии и островов Серебряной Подковы. Здесь мне дали имя Кондрат, сами понимаете, что моё настоящее имя в деревне будет звучать несколько станно…

Далее Кондрат указал рукой на Андрейку, в свою очередь молчаливо склонившего голову:

— Мой брат, второй принц — Калита-Вон и, — (тут вперёд выступил смущённый и раскрасневшийся Матвей) мой брат — Винити-Вон.

Три крылатых мальчика молча стояли перед остолбеневшей Дарьей Платоновной, впервые в жизни не нашедшейся, что сказать, да право и не доводилось ей знаться на короткой ноге с людьми (а уж тем более не людьми!) царской-то крови! В свою очередь, не менее ошеломлённый Виктор с подозрением поглядывал на своих товарищей, уж не смеются ли они над его старой бабкой, да и над ним, Виктором заодно?

Но Кондрат и Андрейка были совершенно серьёзны, держали себя горделиво и с большим достоинством, только лишь Матвей смущённо улыбался и поглаживал рукою свои блестящие чёрные крылья.

— Замечательно… — наконец пробормотала Дарья Платоновна, — но что же делают здесь царственные особы в столь позднее время?! — тут же спохватилась она и обратилась к Виктору, — отвечай!

— Мы Данилу искали, — неохотно признался Виктор.

— Отчего именно здесь?

— А где же? — простодушно удивился мальчик, — развалины — единственное место, куда никто не ходит, где ж Даниле и прятаться, как не здесь?

При этих словах Матвей чуть заметно, одобрительно кивнул.

— Так что же, это развалины и есть? — запоздало удивилась Дарья Платоновна.

Мальчики растерянно переглянулись.

— Ну да, — осторожно подтвердил Виктор, — а вы что же,

бабушка, не знали, что в развалины пришли?!

— Да я как-то не заметила, — слукавила Дарья Платоновна, — шла себе, знаешь ли, дружочек, задумалась о бедном Дмитрии Степановиче, вот и забрела… о, господи! — всполошилась она, вспомнив о несчастном супруге — да как же мне теперь попасть к Красным Горам?! Вы меня совершенно запутали! — гневно заключила почтенная дама.

— Госпожа Видящая желает отправиться к пещерам? — галантно осведомился Кондрат, старательно не замечая растерянного вида Дарьи Платоновны.

— Исключительно желаю! — поджала губы Дарья Платоновна, — да только что с того?! Теперь я даже не могу определить, в какой стороне находятся эти горы!

Летава коротко переглянулись, и в следующую секунду Матвей почти вертикально взмыл в воздух, ввинчиваясь всем узеньким телом в звёздное ночное небо.

— Подождём, — пояснил Кондрат, — мой брат соберёт остальных Летава и возьмёт с собой Королевский Паланкин. Мы и отнесём вас к пещерам.

— Надеюсь это не опасно? — недоверчиво осведомилась Дарья Платоновна.

— Не думаю, — с улыбкой ответил Кондрат, — по крайней мере, не опаснее, чем поздним вечером одной бродить по развалинам, — и добавил, заметив, что Дарья Платоновна обидчиво поджала губы, — да вы не сомневайтесь, госпожа Видящая, доберётесь самым наилучшим образом. Старая Барыня часто ездила в Паланкине, особенно, когда посещала другие миры, а её храбрость, несомненно, меркнет перед вашей!

Дарья Платоновна подозрительно глянула на Кондрата, но мальчик смотрел так искренно, что она никак не могла определить, серьёзен он или подшучивает над своей барыней? Однако его слова возымели должное воздействие, и Дарья Платоновна живо представила себе, как спускается с неба на крылатой колеснице, гордо стоя в Королевском Паланкине (или сидя? Кстати, что такое этот Королевский Паланкин?) этого Дарья Платоновна решительно не знала, но сочла, что в любом случае эдакое появление будет поэффектнее Пояса-переместки! С этим Поясом-то ещё непонятно, в какую дыру угодить можно! Некоторое сомнение у Дарьи Платоновны вызывало нежелательное участие в таком опасном приключении её внука Виктора. Уж куда бы спокойнее было отвезти его домой, но на это совершенно не было времени! Поэтому Дарья Платоновна решила взять его с собой, рассудив, что уж с ней-то мальчик будет в полной безопасности! и на том вопрос был решён.

Пока Дарья Платоновна терзалась догадками и сомнениями, Виктор донимал своих друзей дотошными расспросами.

— Отчего же вы раньше не говорили, что вы принцы?

— Принц — я, — отрезал Кондрат, — второй принц — Андрей, он займёт трон в том случае, если я погибну, остальные — только братья.

— Отчего же остальные не могут быть принцами?

— Королевский род должен доказывать свою стойкость. Если род не способен уберечь своих принцев, он не вправе управлять страной, и будет изгнан, оттого и нет смысла называть младших братьев принцами — они ими никогда не станут!

— А почему вы не живёте в Нуагурии? Кто сейчас управляет страной?

— Наш отец был королём Верхней Нуагурии и островов Серебряной Подковы и главой королевского рода Вон. Однажды на охоте на него вероломно напали враги из рода Рекк и убили его и его друзей. Видящая Нуагурии — Арайя, помогла нашей семье перебраться в ваш мир. Только так нам удалось выжить. Это случилось давно, за два месяца до большого пожара здесь, в усадьбе.

— Неужели вы никогда не вернётесь назад?

— Мы не теряем надежда. Пока живы принцы — жив род, но сейчас мы не знаем, что происходит в нашей стране, пропала Абуджайская Шаль, без неё нам не вернуться назад, не связаться с нашими друзьями!..

* * *

Закрывая лунный свет, с неба спустилась шумная стая беспокойных летунов, несущих с собой исключительно хрупкое с виду сооружение.

— Что это? — с опаской молвила Дарья Платоновна, трогая пальцем изящную конструкцию.

— Паланкин! — весело пискнул маленький Епишка (он вместе с сёстрами Алёнкой и Лизанькой прибыл на помощь Дарье Платоновне и Виктору).

— И что, это не развалиться в воздухе?

Епишка весело рассмеялся и его задорный звонкий смех так коротко и быстро прозвучал среди мрачных руин, словно испуганное громким голосом эхо не посмело повторить его полностью.

— Не волнуйтесь, Госпожа Видящая! — строго погрозив неугомонному Епишке кулаком, отвечал Кондрат, — Королевский

Паланкин очень прочный. Он изготовлен из легчайшего материала и оттого кажется хрупким на вид, но в его надёжности вы можете не сомневаться!

Стараясь не выказывать охватившей её паники, Дарья Платоновна с Виктором осторожно уселись в летучую повозку, несколько похожую на карету без колёс с обрезанною крышей. Летава дружно взялись за лёгкие, тонкие брусья, выступавшие по бокам паланкина, и летающая колесница медленно и торжественно взмыла в воздух.

Глава 16
Ползучая топь

— Поворотить бы нам, отроче, правее, — озабоченно вглядываясь в вечерний, сумрачный лес, проговорил отец Никон, при этом, чуть не целиком вываливаясь из тарантаса.

— Отчего правее? — удивился Николенька, — нам по дороге надобно, как же мы на тарантасе по лесу-то поедем?

— Как бы нас эта дорога в трясину не увела… ну-ка, Сенька, придержи лошадей!

Тарантас остановился и отец Никон, подобрав полы длинной рясы, проворно прыгнул на землю. Под его ногами звучно чавкнула болотная жижа.

— Ишь, Ползун шастает по округе взад вперёд! Не к добру… раньше бывало, годами на месте лежал! — ворчал отец Никон, деловито рыская вокруг повозки и что-то напряжённо высматривая. Наконец, удовлетворённый осмотром он вернулся на место, перемазанный чёрной дурно пахнущей грязью и сокрушённо сообщил:

— Возвращаться надо, отроче, Ползучая Топь дорогу загородила — к Красным Горам не пройти!

— Должны пройти, — упрямо сдвинул брови Николенька, — через дорогу не проедем, так в обход отправимся, а отца в беде одного не оставим!

— Ну да, ну да, — охотно закивал головой отец Никон, — весьма похвально, вьюноша, эдак о близких своих сродственниках заботиться! Да и папенька бы одобрил… не знаю, только чему он больше обрадуется, оттого ли, что вы в болоте утопнете или в лесу заблудитесь, его выручая! Да собственно, какая и разница? Главное, заботу сыновнюю проявите! Богоугодное дело…

Насупившись, Николенька угрюмо глянул на отца Никона:

— В деревню без отца не вернусь!

С этими словами молодой человек соскочил с коляски, сразу по щиколотку потонув в вязкой грязи. Вокруг, сколько хватало сил разглядеть дорогу в наступившей темноте, сверкала, переливаясь в лунном свете, антрацитным блеском болотная топкая лужа.

— Откати-ка тарантас! — крикнул Сеньке, встревоженный неприятным обстоятельством Николенька, — не то не выберемся!

Подождав, пока повозка натужно скрипя, не развернулась, и не съехала с опасно топкого участка дороги, Николенька пошёл далее, с трудом выдирая сапоги из чёрной грязи, в надежде снова

выйти на твёрдый путь.

Однако дорога не становилась лучше. С каждым шагом густая и плотная мгла всё более окутывала Николеньку со всех сторон так, что, вскоре оглянувшись, он не смог разглядеть оставленный неподалёку тарантас.

— Отец Никон! — попытался позвать Николенька, но голос его увяз в непроглядной тьме.

Не на шутку перепуганный, Николенька двинулся, было назад, но тотчас остановился, не будучи уверен, что идёт в нужную сторону.

Пока он стоял, в растерянности гадая, куда ему направиться, наполненный болотными испарениями воздух становился всё тяжелее. Он забивал лёгкие, не давая вздохнуть свободно, и Николенька поспешно расстегнул ворот лёгкого по летнему времени сюртука. Внизу под ногами громко лопались чёрные блестящие пузыри, и Николенька всякий раз вздрагивал от пугающе-резких звуков.

— Эге-гей! — снова крикнул Николенька неверным голосом. Ответом ему было лишь молчание.

Напряжённо вслушиваясь в каждый шорох, Николенька скорее почувствовал, чем увидел чьё-то незримое присутствие. Ему живо представилось, какие опасные чудища, могут прятаться в этом болотном мраке, и он отпрянул в сторону, охваченный животным ужасом. Прыжок его оказался неудачен. Николенька зацепился ногой за торчащий из земли пень и со всего маху плюхнулся в вонючую, болотную жижу.

— Ударил в грязь лицом! — с удовольствием констатировал знакомый ехидный голосок.

— Отец Никон! — облегчённо выдохнул Николенька, вставая на ноги и безуспешно пытаясь привести себя в порядок.

— Он самый! И куда вас, отроче, понесло? Гляжу, шагу не успели от коляски отойти и пропали! Будто сама преисподняя вас поглотила! Пришлось вослед устремиться, ну, как и, правда, адские силы на вас напали, противу них божий крест — первое дело!

Отец Никон истово перекрестился и достал из-за ворота тяжёлый золочёный крест, с каким обычно проводил церковные службы. Торжественно выставив крест перед собой, он застыл в напряжённом ожидании, беспрерывно шевеля губами — читал молитвы.

— Ну, так что, — обескуражено почёсывая крестом нестриженный затылок, проговорил отец Никон через некоторое время, — нейдут адские силы, то ли креста боятся, а то ли нету их здесь…

В ответ Николенька молча указал ему рукою на болотистую поверхность. Она более не была спокойной и не пузырилась лениво чёрными лопающимися волдырями. Раскачиваясь медленными волнами, всё болото пришло в движение. Доселе ровная поверхность вздыбилась и поднялась почти вертикально, смыкаясь вокруг незадачливых путешественников.

— Пропали мы, отроче! — охнул отец Никон, — заметил нас Большой Ползун!

Он заметался вокруг, пытаясь найти выход и не найдя принялся нелепо размахивать руками, грозя неведомо кому сухим костлявым кулачком. Меж тем стены вокруг пленников всё более сжимались и скоро они оказались полностью отрезанными от внешнего мира, заключённые в огромный грязевой мешок.

— Ох, грешен я перед богом и людьми и грехи мои тяжкие! — плаксиво завопил отец Никон, испуганно обхватив дрожащего Николеньку за плечи, — вот и пришёл мой смертный час! Воистину говориться: из земли человек родится, в землю и уходит! Только и тут справедливости нет! Кто в землю, а кто в жижу болотную! Ох, Дуняша, кабы знать, что вот эдак помирать придётся! Я ведь, отроче, обижал её Дуняшу-то мою! Обижал, отроче, и прощенья попросить не могу перед смертью, вот как помираю-то! Хоть ты меня прости, за ради Христа, барин Николай Дмитриевич! За все прегрешения мои, что творил я тебе, но не по злобе, а по малодушию своему, ибо слаб человек!

— Зачем мне вас прощать? Вы передо мной ни в чём не виноваты! — сумел, наконец, вставить слово Николенька, среди страстного плача отца Никона, отдирая при этом цепкие пальцы священнослужителя от своего плеча.

— Виноват! Как есть — виноват! Я ведь и происхождения низкого — из мещан! И образование у меня — так, тьфу, а не образование! Ничтожный человек! А почтения должного к вашей милости всяко не выказывал! Насмехаться изволил, шутки дурацкие шутить…

— Да полно вам, батюшка убиваться! — невольно раздражаясь на отца Никона, прервал его Николенька, — не сержусь я вовсе!..

— Ох, ангелы-хранители, — не умолкая ни на секунду, продолжал отец Никон, — Отец наш небесный и мать пресвятая Богородица! Нешто допустите вы, чтобы сгинул слуга ваш верный в эдаком смраде и зловонии адском!

И тут же испуганно поправился, беспрестанно осеняя себя крестным знамением:

— Не в обиду сказал я о зловонии! Так, к слову пришлось, потому и человек есть существо смердящее! — и, наклонившись к

Николеньке, прошептал, — ну как слышит нас, Ползун-то! Наговоришь тут с три короба, а он возьмёт, да разобидится!

Неожиданно Николенька спиной почувствовал свежее дуновение ветра. Он оглянулся, пытаясь разглядеть, откуда повеяло свежестью, и тотчас увидел, как мрачные стены их недолгой темницы разомкнулись, и за ними показалось, такое звёздное ясное небо, что у бедного юноши от счастья захватило дух.

Не успел он шевельнуться, как тугая чёрная волна, бывшая только что надёжной преградой ему, ко всему живому, бережно подхватила Николеньку в свои объятия и мягко вынесла наружу, осторожно опуская на траву. Следом, словно подброшенный, вылетел отец Никон и при этом Николенька мог поклясться, что услышал со стороны болотистой массы короткий презрительный смешок. После этого чёрная антрацитовая жижа бесшумно отступила, теряясь среди деревьев и оставляя после себя капельки мутной, прохладной влаги…

— Ну, уберёг господь! — потирая ушибленный зад, радостно воскликнул отец Никон (нимало не смущаясь способу, коим был выдворен из болотного мешка!), и, указывая рукой между деревьев, удивлённо добавил, — глянь-ка, отроче! Ползун-то нас, прямиком к Красным Горам вынес! Вон, вишь огоньки-то средь деревьев мелькают? Это-то хутор Стражей и есть!

* * *

Посередине большой поляны, на которой расположились жилища нелюдимых Слипунов, горел большой костёр. Вокруг него сидели Стражи в длинных белых одеяниях с неизменными посохами в руках и тихо переговаривались между собой. Ни ребятишек, ни баб не было видно между них, на что с удивлением указал отцу Никону Николенька.

— Да какие бабы?! — с досадой плюнул в сторону Стражей, отец Никон, — рази в эти пещеры, хоть одна девка пойдёт по доброй воле жить? Хотя правду сказать, им видно и не нужен никто! Я вот, сколько живу, Слипунов раза два и видал, первый раз случайно набрёл, а уж потом с визитом на хутор направился, божье слово хотел нехристям привнести! Да только как же, привнесёшь им, выгнали, да и вся недолга! Даже слушать не стали! Как бы они нас тоже…того… не вышвырнули!

— Не вышвырнут! — сурово промолвил Николенька и решительно шагнул на поляну.

Отец Никон засеменил за ним, подобрав полы перепачканной

рясы и не отставая ни на шаг.

Появление путников было встречено настороженным молчанием. Наконец от толпы Стражей отделился высокий старик с кудрявой, совершенно белой головой и громким голосом произнёс:

— Да ведь это отец Никон! Давненько не виделись! Что, отец, опять решил сокровища подземные поискать?!

— Да какие там сокровища… — сконфузился отец Никон, суетливо бегая глазками, — так только заглянул раз, любопытство ради, ибо…

— Слаб человек! — со смехом подхватил его собеседник, — знаем, знаем! А это кто с тобой? — и старик указал посохом на Николеньку, внимательно глянув маленькими острыми глазками.

Юноша ступил вперёд, одёргивая перепачканный грязью сюртук.

— Николай Дмитриевич Перегудов, сын хозяина этого имения и вашего хутора в том числе!

— Ну-у?! — усмехнулся старик, оглядываясь на своих соплеменников, тоже приглашая их повеселиться, — стало быть — барин?! И чего же это вашей милости понадобилось в нашем богом забытом уголке?

— Мне известно, — стараясь придать своему голосу твёрдость, проговорил Николенька, что вы насильно держите у себя нашего крестьянина Данилу!

— Держим, — согласился старик, — да только на то у нас причина есть!

— Вот как! Это какая же, позвольте спросить?!

Но Николенькин вопрос остался без ответа. Один из Стражей, с рыжеватой, коротко остриженной бородой сурово одёрнул молодого человека.

— Вот что, мальчик, — сказал он, пронзительно глядя на Николеньку, — мы сюда поставлены, чтобы в имении папеньки вашего, порядок блюсти! И коли что решили, значит, так тому и быть! Отчёт держать перед людьми не станем! Потому, уходи отседова, пока цел и отца Никона с собой прихвати, пса блудливого, а не то!..

— Да вы права не имеете! — голос Николеньки от обиды сорвался до тонкого пронзительного визга.

— Ну, права-то наши давно установлены, — снова вмешался белокудрый, — а твоих прав мы пока что не знаем… эдак, каждый может из болота вылезти, да Перегудовым назваться и заявлять, что он-де здесь главный! Нет, паря, главенство своё, его ещё доказать надо!

Неожиданно сидящие у костра Стражи заволновались и

поочерёдно принялись поднимать головы к небу, разглядывая что-то в звёздной ночной вышине. Рыжебородый в тревоге указал посохом на небо, после чего, все, как один, в том числе и Николенька с отцом Никоном подняли головы вверх.

Над самыми верхушками высоких вековых сосен, окружавших Красные горы, показалась летучая повозка, запряжённая крылатыми двуногими существами. Она медленно и величаво кружила по небу, освещённая ярким лунным светом, описывая над хутором Стражей ровные круги. Наконец летучая колесница принялась снижаться, и стало возможно рассмотреть окружающих её существ. Николенька, ни разу не видавший Полянских летунов, открыл в изумлении рот, дивясь на небывалый кортеж. Рядом мелко похихикивал отец Никон:

— Ох, чую, не обошлось без вашей матушки! — ведь это верно она в паланкине-то сидит!

И впрямь, после того, как Летава осторожно спустили паланкин на землю, в нём оказалась Дарья Платоновна, собственной персоной гордо восседавшая посреди крылатой повозки. Сей величественный приезд, был немного испорчен самою почтенной дамой, отчего-то задом выбравшейся из паланкина, но как только кругленькая фигурка Дарьи Платоновны очутилась на твёрдой земле, она весьма бодро огляделась вокруг.

— Приветствую вас, господа! — победно размахивая скипетром, Дарья Платоновна приблизилась к Николеньке и отцу Никону.

— Бог мой, Николя, что за вид! Вас, верно, купали в грязной луже?! А вы-то, отец Никон?! Право же это неприлично, ходить в эдаком грязном платье, в вашем-то положении священнослужителя! Боже, какой стыд!

Пригвоздив незадачливых спасателей к позорному столбу, Дарья Платоновна строго оглядела примолкнувших Стражей и решительно ткнула скипетром в белокудрого, показавшегося ей самым симпатичным.

— Ну, любезный, сказывай, где мой супруг?

— Что, Госпожа Видящая имеет в виду? — недоумённо спросил белокудрый, несколько растерявшись от такого напора.

— Моего супруга зовут Дмитрий Степанович Перегудов, — процедила Дарья Платоновна сквозь зубы, — не далее, как сегодня утром он отправился на ваш хутор с управляющим господином Мюллером и до сей поры, не вернулся! Где он?!

— Но мы не видели вашего супруга, госпожа Видящая! — запротестовали Стражи нестройным хором.

— Однако он должен быть здесь! — упорствовала Дарья

Платоновна.

— Может в лесу заплутали? — предположил совсем молодой хуторянин с невероятно веснушчатым лицом.

— Или в пещере, — проницательно добавил рыжебородый, — ну-ка, Тимоша, поди, глянь, не навещал ли кто нынче жилище подземное?

Веснушчатый страж бросился к пещере, а рыжебородый учтиво обратился к Дарье Платоновне, поглядывая на тускло сверкающий скипетр.

— Позвольте поздравить вас, Госпожа с принятием высокого сана!

Дарья Платоновна неопределённо передёрнула плечами.

— Я, ежели вам угодно, здешний староста, зовут Савелий…

— Благодарю, любезный, — небрежно отвечала Дарья Платоновна, — а скажи-ка, Савелий, что эти ваши пещеры-то — опасны?

— Всё в этом мире таит в себе скрытую угрозу, — невозмутимо отвечал Савелий, — однако живёт человек и процветает… а давно ли Совет вам вручил Скипетр?

— Да не так чтобы очень… — уклончиво отвечала Дарья Платоновна, — а что, голубчик опасного может таиться в ваших пещерах? Верно, там не трудно заблудиться?

Ответить дотошный Савелий не успел, его прервали возбуждённые выкрики веснушчатого Тимоши:

— Там они! У входа все светильники разобраны, и следы прямиком к Мутному озеру ведут!

— Зачем им озеро? — не поняла Дарья Платоновна, — и отчего они весь день сидят в этих ужасных пещерах? Уж не случилось ли с ними беды?!

— Не волнуйтесь, Госпожа Видящая, — склонился перед ней в почтительном поклоне Тимофей, — мы их беспременно сыщем!

Тотчас бородатые Стражи отправились на поиски, а встревоженные родственники и отец Никон с маленькими летунами уселись возле ярко горевшего огня — ждать.

* * *

Дмитрий Степанович потерял счёт времени, сидя в мрачном, беспросветном подземелье. Бедный Генрих Карлович задремал, положив голову ему на плечо, тяжело и болезненно вздыхая во сне. Он тяжелее Перегудова переносил невольное заточение, хотя изо всех сил старался не показывать виду.

— Ничего, Генрих Карлович, — в который раз шептал

Перегудов, бессильно прислоняясь к влажной каменной стене, — чай не останемся здесь, хватится народ, искать пойдут… огня только нет, худо без огня, ну да ничего! Ничего…

Первое время, как погасли светильники, они пытались разыскать хоть один, безуспешно обшаривая обрывистый берег холодного озера. Дмитрий Степанович даже влез в воду, пытаясь отыскать пропажу, но рука его в воде наткнулась на скользкое упругое тело, и он поспешно выскочил на берег, напуганный неожиданным прикосновением.

— Да ну их, — в досаде говорил Перегудов, передёргиваясь от гадливости, — что толку доставать, всё одно намокли!

Следующей попыткой его было пройти по бечёвке до конца коридора. Но бечёвка была слишком коротка, а коридор бесконечно длинен и потому несчастным путникам не оставалось ничего другого, как терпеливо ждать подмоги.

Вскоре их начали мучить голод и жажда. Жажда донимала тем сильнее, что тёмные воды подземного озера простирались от них в двух шагах, но никто не решался приблизиться к воде, откуда временами раздавались всплески и хлопанье крупного животного. Наконец, мучимый нестерпимой жаждой Генрих Карлович не выдержал и поддерживаемый Перегудовым спустился к воде, зачерпнул полный картуз и поспешно вернулся назад. Друзья напились, но теперь их всё сильнее доставал голод. Чтобы отвлечься, путники разговаривали, перебирая вполголоса все известные им темы, но вскоре иссякли и они. Утомлённый Генрих Карлович задремал, а Перегудов сидел молча, бессмысленно тараща глаза в полной темноте.

Наконец и Дмитрий Степанович прикрыл усталые глаза, не переставая чутко вслушиваться в гулкие звуки, время от времени раздававшиеся в тишине со стороны озера. Незаметно для себя задремал и он, зябко кутаясь в короткий летний сюртук.

Что произошло далее, не Дмитрий Степанович, ни его любезный товарищ Генрих Карлович, долгое время не могли вспоминать без внутреннего содрогания!

Внезапно вся огромная пещера озарилась яркими вспышками и огласилась громкими выкриками, которые раздавались со всех сторон. Всюду, на сколько хватало глаз, по озеру двигались узкие юркие лодчонки. Люди сидевшие в них громко смеялись, переговаривались и протягивали друг другу руки.

Обрадованный Дмитрий Степанович хотел, было встать со своего места, и броситься навстречу, появившимся из ниоткуда людям, но что-то в их облике заставило его насторожиться, и он не сдвинулся с места.

Вскоре лодки причалили к берегу и люди сошли на твёрдую

землю, неподалёку от затаившихся друзей. На берегу их поведение странным образом изменилось. Мужчины и женщины, старики и молодые суетливо передвигались по земле, временами натыкаясь друг на друга, и не замечая этого, продолжали исступлённо нестись в безумном марафоне. Голоса их раздавались всё глуше, звонкие выкрики женщин стали хриплыми, силы оставили их тела, а они всё неслись в бесконечном беге по каменистым берегам притихшего озера, спотыкаясь и жалобно плача. Наконец обессиленные они сели в свои лодки и поплыли к другому берегу. Снова их лица приобрели осмысленное выражение, они тянулись друг к другу, выкрикивая имена, но их утлые судёнышки неслись одна мимо другой, постепенно теряясь во мраке.

— Что это было? — потрясённо спросил Дмитрий Степанович.

— Не знаю… — задумчиво отвечал Генрих Карлович, — но что-то мне подсказывает — мы правильно поступили, не показавшись им на глаза, к тому же я увидел среди них одну знакомую особу. Встреча с этой дамой и на поверхности не сулит ничего хорошего, а уж здесь под землёй… нет, Дмитрий Степанович, будем ждать других спасителей!

Не успел Генрих Карлович произнести свою речь, как из бокового прохода вновь послышались громкие голоса. Друзья вновь затаились, с недоверием относясь ко всяким неожиданным встречам в коварном подземном царстве, но вскоре к своему глубочайшему облегчению услыхали, как выкликают их имена.

— Дмитрий Степанович! — надрывался веснушчатый Тимошка, стоя в нескольких шагах от притихшего Перегудова, — Генрих Карлович, где вы? Отзовитесь!

Наконец, удостоверившись, что перед ними обычные деревенские жители (если только жителей Полянки вообще можно назвать обычными!) Дмитрий Степанович и Генрих Карлович выбрались из своего убежища и были радостно встречены взволнованными их пропажей Слипунами.

Глава 17
Стражи

— Ох, и напугали же вы нас, душа моя! — выговаривала Дарья Платоновна своему супругу, в то время как он вместе с Генрихом Карловичем, самозабвенно поглощал аппетитные яства, коими уставили широкий деревянный стол, доселе столь нелюбезные Стражи.

Отец Никон, Виктор и компания летунов, находились там же, с усердием воздавая должное богатому угощению. Несмотря на спартанский образ жизни, который преимущественно вели Слипуна, гостей своих они кормили на славу, стараясь угодить новым хозяевам. Посредине стола стояло огромное блюдо с выложенными на нём кусками сочного, поджаренного на костре бараньего мяса, от которого в воздухе стоял необыкновенно дивный аромат! В миске поменьше янтарные ломти вяленой рыбы (жир с неё капал тонкой струйкой и нежное мягкое мясо таяло во рту не вызывая необходимости работать зубами!). Жареная форель, украшенная красной, кисловатой на вкус ягодой, толстые колбаски, с подрумяненными бочками, чашки, полные лесных орехов и ягод стояли возле каждого гостя, мёд светлый и тёмный в больших деревянных плошках и в довершение ко всему пенистое сладко-кислое вино!

Подождав, когда гости утолят первый голод, рыжебородый Савелий начал разговор.

— Мы вас, Дмитрий Степанович, уж не один год в гости-то ждём! — задумчиво барабаня пальцами по столу, начал он, — дела запущены, народец от рук отбивается… вот вы, скажите-ка мне, — перегнулся Савелий через стол, — бывали вы на Совете?

— Нет, — пожал плечами Дмитрий Степанович, примериваясь к новому куску золотистой, поджаренной рыбы.

— Я так и думал! — откинулся назад Савелий, — а отчего же, позвольте спросить?

Что-то в его голосе заставило Перегудова насторожиться.

— Так не время ещё, — хитро сощурив глазки, отвечал он, — вот управлюсь с делами, тогда перед Советом и показаться не стыдно! А пока что обожду…

— Что за дела такие? — насмешливо спросил Савелий, — уж не поиски ли Абуджайской Шали? Поговаривают, что потерялась она, а новые Видящие, дескать, обойтись без неё не могут! Видящие, которые не видят! Так ли?

Дмитрий Степанович насупился, отложил в сторону

недоеденный кусок и аккуратно вытер руки чистой тряпицей.

— А дела мои такие, староста, — тихим голосом начал Перегудов, — что тебе и знать бы ни к чему, не по чину вопрос задаёшь! А вот я к тебе вопрос имею!

Дмитрий Степанович упёрся крупными руками в стол, наклоняясь вперёд всем своим большим грузным телом.

— Где человек мой, Данила?!

За столом разом стало тихо.

Савелий привстал со своего места и прошипел, глядя Перегудову прямо в глаза.

— Мы сами решим его судьбу! Наличие скипетра ещё не всё! Вы не можете быть Видящим, пока вас не назначит Совет! — Савелий раздражённо отмахнулся от белокудрого, который пытался его остановить, — вот только без Шали вам на Совет не попасть! И кто вы есть?! Простые смертные! Что вы здесь можете решать?! Ничего!

— Уж будто? — с нарочитым спокойствием усомнился Дмитрий Степанович, теребя пушистые бакенбарды, — так, стало быть, ты тут начальство? — голос Перегудова, вначале тихий окреп и угрожающе зазвенел, — какие заслуги приписал ты себе, деревенский староста, что мне, хозяину своему указывать вздумал?!

Огромный, волосатый кулак Дмитрия Степановича с грохотом опустился на стол.

— В имении моём?! — голос Перегудова уже звучал подобно львиному рыку грозно и беспощадно, — на страже, чьих интересов поставлен ты, смерд?! Моих?! Так изволь ответ держать за бесчинства, что творятся в деревне! А может, ты свои интересы блюдёшь? Так напомню, что не для того ты вызван сюда! Утвердит меня Совет или нет, да только, — Дмитрий Степанович помахал перед лицом остолбеневшего Савелия толстым крепким пальцем с желтоватым, прокуренным ногтем, — ты мне верой и правдой на моей земле служить обязан! Ты и все соплеменники твои!

Перегудов грозно обвёл глазами притихших Стражей.

— А кто считает, что это не так, — добавил он, как ни в чём не бывало, наливая себе из кувшина красного вина, — так я не держу! Как там, бишь, называется ваша страна? Синегория? Вот и ступайте себе в свою Синегорию…

Дмитрий Степанович отпил из бокала и аккуратно промокнул чистой тряпицей пушистые усы.

— Где Данила? — повторил он вопрос, крепко сжимая в руке опустевший сосуд.

Через несколько минут томительного молчания отозвался

белокудрый.

— Данила сам пришёл к нам… мы не держим его силой!

— Враки! — рубанул Перегудов, — мой кучер видел, что вы вели его как пленника, прокрался вслед за вами и слышал, что вы готовили ему смертную казнь! Мальчика держали в яме, возле этой самой пещеры! И Фёдор помог ему бежать!

— Это верно, — согласился белокудрый, — но с тех пор кое-что изменилось и наше отношение к Даниле тоже. Он вернулся к нам, отдался на наш суд и мы разрешили Даниле жить среди Стражей.

— Да что здесь, чёрт возьми, происходит?! — выругался в нетерпении Дмитрий Степанович, чем заслужил крайне неодобрительный взгляд супруги.

— Это долгая история, — отвечал белокудрый (Слипуны называли его Яков), — и, началась она очень давно…

— А нам торопиться некуда, — пробурчал Дмитрий Степанович, набивая табаком трубку, — а коли так, так и сказывайте, а мы послушаем!

Затаив дыхание, слушатели молча внимали рассказчику, с каждым новым словом всё, более узнавая мрачную тайну Данилиного (а вернее сказать, Фролушкиного) рождения.

Николеньке, в отличие от остальных, эта часть рассказа была известна, но и он слушал с неослабным вниманием, ничем не выдавая своей осведомлённости.

— Люди считают, что все мороки одинаково злобны и бессердечны, да и как иначе, если губят они души чужие? — говорил меж тем Яков, — на самом деле это не так. Не стоит забывать, что морок рождается от человеческой женщины! И ему присущи многие человеческие черты. Среди них, как и среди людей случаются всякие характеры, вот Антип-конюх, тот был жестоким и коварным существом, а сын его Данила (имя Фролушки давно позабыто!), напротив застенчивый и тихий. Его мать Пелагея всеми силами оберегала мальчика от влияния родного отца, да разве убережёшь! Всё одно, вскоре Данила узнал, какими возможностями обладают мороки. Узнал и запомнил. Но пока мальчик был юн, чужие тела его не прельщали, а в силу свое природной незлобивости и некоторой лености характера, подчинять себе других людей, используя свою силу, Данила не хотел. Хотя тому можно дать и другое объяснение: такое свойство мороки обычно используют после рождения ребёнка, для того, чтобы окружить своего единственного малыша безропотной и послушной охраной. Как бы то ни было, Данила тихо и мирно прожил среди ничего не подозревающих жителей Полянки двадцать лет. И неизвестно,

сколько прожил бы ещё, ежели бы не попался на глаза одному из Стражей, а Стражи, как известно способны отличить морока от обычного человека…

— Мы его, как первый раз увидали, так глазам не поверили, — встрял в рассказ веснушчатый Тимошка, — думали, нет больше мороков в Полянке, уничтожены все!

— А много ль их было?! — ахнула Дарья Платоновна.

— Да морок-то был всего один, — ответил молчавший доселе Савелий, — Антип-конюх. Вот только он-то свою силу использовал с размахом! Завладел разумом всех людей, что в услуженье у Старой Барыни состояли, видно и к самой Софье Михайловне подбирался, да орешек оказался не по зубам, почуяла барыня неладное. А как почуяла, Зеркало Сути взяла, на людей своих через Зеркало взглянула!

— Прибежала, помнится сюда сама не своя, — поддержал рассказчика Яков, — дрожит вся, как лист осиновый, а в глазах тоска смертельная и ужас мертвящий! Страшно стало, как узнала, что её столько времени не живые люди окружали, а бездушные порождения ада, касались её ледяными своими руками и смотрели пустыми глазницами мёртвых глаз!

Дарья Платоновна прижалась теснее к тёплому, такому родному боку своего супруга.

— Что же стало с этими ужасными существами?! — дрожащим голоском спросила она.

— То же что и со Старой Барыней, — тихо покачивая головой, отвечал Савелий, — мы могли ей помочь, очистить землю от поганых существ, но она по-другому всё решила… говорила: Я виновата, что злобный морок людей моих погубил. Недоглядела, упустила, ведь не за один день эдакое случилось, а я не видела ничего, а должна была, на то здесь и поставлена! Эти люди по моей вине погибли, не искупить мне вины своей и оттого, — говорит, должна я их участь разделить! И до того это ей в голову втемяшилось, что и не отговорить! А в ночь глядим, над усадьбой зарево поднимается, тогда и поняли мы, какую участь Софья Михайловна себе уготовила!

— Неужто это она сама усадьбу подожгла?! — ахнули слушатели наперебой, жадно поедая глазами рассказчика.

— Она! — торжественно кивнул головой Савелий, — мученическую смерть приняла, скорбя сердцем своим о загубленных душах!

Отец Никон при этих словах перекрестился, сурово глядя на яркий огонь, и против обыкновения промолчал, при этом подвижное лицо его было необычно серьёзно и даже грустно.

Собравшиеся молчали, думая каждый о своём, но когда

веснушчатый Тимошка подбросил в огонь хворосту и яркий свет озарил задумчивые лица, все несколько оживились и повеселели.

— А что же Данила? — нетерпеливо спросил Николенька, движимый жгучим любопытством.

— Данила? — откликнулся Яков, — увидев его впервые, решение наше было однозначно — уничтожить без всякой пощады, дабы никогда не омрачать эти чудесные места присутствием злобных и коварных мороков! Свежа ещё в памяти страшная смерть Старой Барыни и оттого суд наш был скор и суровый приговор Даниле вынесли безо всякого сожаления. Но тут случился кучер ваш, — Яков усмехнулся в бороду, вспоминая пьяненького, перепуганного мужичонку, — Фёдор помог Даниле выбраться из ямы, куда мы его посадили и вдвоём они покинули наш хутор…

— И что же дальше? — заворожено глядя на Якова, прошептала Дарья Платоновна, не в силах вынести затянувшуюся паузу.

— Дальнейшее мы знаем только со слов самого Данилы, — задумчиво отвечал Яков, подкидывая сухое полено в догоравший огонь.

— И что же этот шельмец вам тут рассказывал? — нахмурился Дмитрий Степанович.

— Выбравшись из плена, Данила смекнул, что деваться ему, в общем-то, некуда. Имение — территория для пришельников закрытая, и поскольку тайна его стала известна, найти Данилу не представит никакого труда, это лишь вопрос времени. К тому же мальчик понимал, что, узнав, кто он есть на самом деле, вряд ли найдётся у него союзник среди односельчан, и тогда Данила решился на страшное. Времени на раздумье у юноши не было, кроме ничего не подозревающего Фёдора рядом никого не оказалось, и Данила напал на него, собираясь наградить несчастного кучера смертельным поцелуем и тем самым спастись самому!

— И что же?! — звонко выкрикнул Виктор, сам, испугавшись своего громкого голоса.

Яков поворошил тлеющие угли костра.

— Он не смог. Когда оглушённый Фёдор беззащитный лежал перед Данилой, бедный юноша, обливаясь слезами, перевязал его рану и отнёс неподвижного кучера к Ползучей топи, дождался, пока того обнаружат, а сам ушёл в развалины, проклиная свою горькую участь. В развалинах Данила просидел два дня без воды и без пищи, и жизнь больше не казалась ему слишком привлекательной. Он сам пришёл к нам на хутор, оборванный, грязный и голодный и просил только скорой смерти для себя,

потому что жизнь для него потеряла всякий смысл…

Долгое время все молчали, глядя на сверкающие искорки гаснущего костра, наконец, Дмитрий Степанович спросил, откашливаясь и кутаясь от ночной прохлады в полы длинного сюртука.

— Отчего же вы переменили своё решение? Почему не уничтожили его, едва он вернулся на ваш хутор?

— Данила доказал, что тоже имеет право на жизнь. Умение сострадать, делает его более похожим на человека, чем кого бы то ни было… ну а мы, в свою очередь, присмотрим, чтобы впредь у юноши не возникало искушения использовать свою силу морока. Он будет жить здесь и проживёт тот срок, что был отпущен когда-то бедному мальчику по имени Данила…

Эпилог

Время перевалило за полдень, когда сонные обитатели усадьбы, зевая и потягиваясь, покинули свои спальни. После визита к пещерным жителям, Перегудовы вернулись под утро и потому проспали до самого обеда.

День выдался солнечный, но не жаркий. Лёгкий прохладный ветерок принёс такой бодрящий запах свежести с реки, что решено было накрыть стол на летней открытой террасе.

Вскоре пришёл Генрих Карлович, а следом за ним присеменил вездесущий отец Никон. Нечего и говорить, что они тотчас были приглашены к столу, и вскоре вся компания наслаждалась горячим чаем, свежими булочками и покоем.

На зелёной лужайке, раскинувшейся возле дома, Виктор играл с Настенькой и Володенькой, всякий раз, терпеливо подавая им набитый тряпицами кожаный мяч, который неизменно выскальзывал из маленьких неуклюжих ручек малышей, вызывая громкий весёлый смех всех игроков. На скамейке поодаль за ними с улыбкой наблюдали Катенька и мисс Флинт, время от времени бросая детям подбадривающие реплики.

Возле неудавшейся клумбы с цветами, посадкой которых столь энергично руководила Дарья Платоновна, вздыхая, бродила бабка Пелагея. Она выкапывала засохшие черенки, высаживала новые растения, словом делала всё, чтобы клумба стала действительно походить на клумбу, а не на разрытые раскопки старинного захоронения.

— Денёк-то какой! — благодушно произнёс Дмитрий Степанович, лениво окидывая взглядом окрестности.

— Славный, правда, — поддержала его Дарья Платоновна и все единодушно кивнули.

Разговор не клеился. Николенька лениво прихлёбывал чай, щуря глаза от яркого солнца, Генрих Карлович задумчиво катал хлебный мякиш по краю стола, а отец Никон деловито примерялся к румяным пышным булочкам, стараясь выбрать ту, где было поболее изюму.

Наконец, Дарья Платоновна вспомнила свои обязанности хозяйки дома и начала светский разговор.

— Вот ведь, хочу заметить, и недели не прошло, как мы в Полянке живём, а кажется, будто целая жизнь прожита! Столько всего приключилось и не упомнить! Неужто, Генрих Карлович, в Полянке всякое время такая жизнь? Ведь это же карусель какая-то, а не жизнь!

— Ну что вы, Дарья Платоновна, — с мягкой улыбкой отвечал

управляющий, — это только спервоначалу так кажется, да и к тому же, должен заметить, убийство в деревне — явление исключительно редкое!

На солнце набежало тёмное облачко, затмевая ласковый свет и ветер, тотчас подул сердито, клоня кроны деревьев к самой земле, словно нечаянно оборонённое страшное слово смутило нежный и покойный мирок.

Дмитрий Степанович при этих словах досадливо крякнул и потянулся за трубкой, а Дарья Платоновна сердито поджала губы.

— Вольно же вам было, Генрих Карлович, разговор испортить, — недовольно попеняла она управляющему, — уж так не хотелось в эдакой денёк погожий о плохом думать!

— Но помилуйте, Дарья Платоновна, — расстроился господин Мюллер, — мы не можем об этом не думать, зная, что убийца по-прежнему среди нас!

— Это верно! — поддержал его отец Никон, — как не гони дурные мысли, а они сами в голову так и лезут! Я то, признаться, как узнал, что Данила напал на Фёдора, думал, что и Макара он, того… а теперь уж и не знаю, что и думать!

— А что тут думать, — неожиданно подал голос, молчавший доселе Николенька, — кажется и так всё яснее ясного!

— Да уж, нам известно, какой вы, Николай Дмитриевич, великий сыщик! — хихикнул отец Никон, — помнится, насилу ушёл от вашего преследования! — и он рассмеялся от души, обнажая в улыбке маленькие редкие зубки.

— Вот как?! — запальчиво отвечал Николенька, краснея от досады, — а вот, поглядим! — и обернувшись кругом, он прокричал, складывая ладони рупором.

— Пелагея Михайловна!

Старая женщина вздрогнула от неожиданности и, распрямляя колени, посмотрела, подслеповато щурясь, в сторону зовущего.

— Извольте подойти сюда! — Николенька махнул рукой, подзывая старуху, и тут же сбежал по ступеням крыльца, помогая бабке Пелагее подняться на террасу.

Вся компания с любопытством наблюдала за ними.

— Что это он ещё задумал? — с тревогой спросила Дарья Платоновна у своего супруга, но тот в ответ лишь недоумённо пожал плечами.

Повинуясь любезному приглашению Дарьи Платоновны, старуха осторожно присела на край деревянного стула с высокой резной спинкой и сложила перед собой большие натруженные руки.

Взволнованный Николенька стоял рядом, потирая внезапно вспотевшие руки.

— Скажите, Пелагея Михайловна, — обратился он к старухе, — известно вам, что ваш Фролушка будет теперь жить среди Стражей?

— Да уж, известно, — немногословно отвечала старуха, поджимая в скорбной гримасе блёклые губы.

— Так что же, уважаемая? — тихо спросил её Николенька, — кажется, вам скрывать больше нечего? Может, расскажете правду про Макара и про…

— Нечего мне больше рассказывать, — сердито перебила его старуха, — ни к чему и пытать!

— Хорошо, — медленно отводя от Пелагеи взгляд, согласился Николенька, — тогда я сам расскажу!

Присев на стул, Николенька задумчиво пощипал рукой несуществующие бакенбарды и начал рассказ.

— Я, признаться, всё это время думал о тех загадочных событиях, что происходили в деревне.

— Мы все об этом думали! — вставил отец Никон, но на него сердито шикнули.

Николенька кивнул рассеянно головой и продолжал.

— О многом я догадывался, но многое и не понимал. Но вчера, когда я узнал, что Софья Михайловна сама явилась виновницей пожара, многие мои догадки получили логическое завершение.

Николенька удобнее примостился на стуле.

— Помните, Генрих Карлович, вы рассказывали, что перед смертью, Софья Михайловна велела перенести во флигель семейную библиотеку? Перенесли туда также другие вещи, в том числе старинные часы, в которых хранился скипетр. Словом во флигель заранее было снесено всё самое необходимое! Это доказывает, что Софья Михайловна готовилась к пожару и не желала, чтобы бесследно пропали бесценные вещи. Можно предположить, что, воспользовавшись Зеркалом Сути, для того чтобы взглянуть на истинную сущность окружающих её людей, Софья Михайловна, охваченная ужасом, бросила ценный предмет, где его тотчас прибрал к рукам пронырливый мальчишка. Но Шаль?! Все очевидцы в один голос утверждают, что Шаль Старая Барыня всегда носила на своих плечах. Так неужели, задумав поджог, и пытаясь сохранить дорогие её сердцу вещи от пожара, она забыла про Шаль?! Тысячу раз нет!

Николенька придвинул к себе пустой бокал, куда услужливая Дарья Платоновна тотчас налила холодного компоту. Николенька выпил, утирая салфеткой губы, и вдохновенно продолжал.

— Шаль она передала в руки по настоящему доверенному лицу — Пелагее!

— С чего бы это?! — взвилась со своего места старуха, — а почему бы не управляющему? Или вот отцу Никону?! — она ткнула пальцем в подскочившего от неожиданности священника.

— Нет, — покачал головой Николенька, — и в доказательство тому есть два факта! Первое — Шалью пользовались! Уже после смерти Старой Барыни двери в иные миры не раз бывали открыты, а кто мог это сделать кроме вас, Пелагея Михайловна?

— Верно! — хлопнул себя по лбу Дмитрий Степанович, — ведь в письме Софьи Михайловны говорилось о том, что Пелагея внебрачная дочь Михаила Даниловича! Стало быть, Шаль послушна и в её руках! Но как же она могла отыскать Двери без Зеркала Сути? Ведь Зеркало в то время уже находилось у Кондрата?!

— Глаза, — коротко ответил Николенька, — помнится вы Генрих Карлович, изучали необычные глаза Шалаков. Что вы о них скажете?

— Что скажу? Скажу, что многое, скрытое от человеческих глаз, не является тайной за семью замками для Шалаков. В том числе и Двери…

— Прекрасно! — удовлетворённо кивнул Николенька, — таким образом можно предположить, что в поисках Двери Пелагее помогал её сын Фролушка. Обладая телом Шалака, он вполне мог это сделать!

— Но позвольте, — возразил ему Генрих Карлович, — с чего вы взяли, что Двери вообще открывались? Откуда?!

— А где, по-вашему, находился все эти годы Макар? — вопросом на вопрос отвечал Николенька, — теория отца Никона, о том, что Макар явился на землю в образе ангела небесного, конечно интересна, — пустил шпильку в сторону отца Никона Николенька, — но безосновательна! Да к тому же, смею заметить, возвращение Макара в Полянку наблюдали несколько свидетелей!

— Но кто?! — выкрикнули все хором, даже безмолвно сидевшая бабка Пелагея с интересом подняла голову.

— Первый, — Николенька загнул палец, — наш Володенька! А второй свидетель — Марья! Данила, конечно, не в счёт. Думаю, что он всегда присутствовал на сеансах открытия Дверей, не так ли бабушка Пелагея?

Но старуха по-прежнему хранила твёрдое молчание.

Не дождавшись от бабки Пелагеи ответа, Николенька продолжал.

— Володя случайно увидел, как открываются Двери, но был при этом слишком несдержан, за что и поплатился! Любимица Пелагеи Марья тоже присутствовала там, охраняя свою опекуншу

от назойливых глаз. Марья, одинокое нелюбимое никем существо — внучка полубезумной ведьмы, слишком привязана к Пелагее, и ни за что не допустит, чтобы тайна баки Пелагеи была раскрыта. Скажу более, она не остановится ни перед чем! — Николенька примолкнул на секунду, вспоминая страшные часы, проведённые в плену у злобной красавицы.

— Марья не виновата, — глухо подала голос бабка Пелагея, — я и знать не знала, что девка-то рядом… безумная она, что с неё взять!

Старуха прикрыла старческие сморщенные веки, переносясь мыслями в прошлое.

— Я когда Шаль от Софьи Михайловны получила, домой пошла, а по дороге в конюшни заглянула, сыночка Макарушку проведать, он Антипу за лошадьми ухаживать помогал. Зашла я туда, Макарушка мой в деннике убирает, старается сердешный, а Антип рядышком сидит и так злобно на сыночка моего поглядывает, что у меня сердце захолонуло.

Тогда и решила я Макарушку своего в другой мир отправить! Когда, думаю, ещё такой случай удачный выпадет, а здесь непременно Антип Макарушку моего изведёт. В тот же вечер мы с Фролушкой его в Монкалина и отправили. Помню, как прощались мы с ним. Обнимаю я его, а он прямо весь огнём горит и только всё шепчет, как в лихорадке: Мама, мама… Сердце моё на части рвалось, будто чуяло, что видимся в последний раз… Давно я хотела всё рассказать, ещё в тот день, как пришли вы ко мне с Дарёнкой, да вот… смолчала… — старуха заплакала тихо, утирая слёзы концом выгоревшего чёрного платка.

— Но что же случилось, когда Макар вернулся? — участливо наклоняясь к бабке Пелагее, спросила Дарья Платоновна, но старуха только помотала головой, рыдая ещё горше.

— Он не вернулся, матушка, — печально отвечал за неё Николенька, — Макар действительно погиб в тот день, когда случился пожар, но не от огня… его погубил Антип, прикоснулся к нему смертельным поцелуем.

— Господи, воля твоя! — ахнула Дарья Платоновна, — но откуда же ты и это знаешь?!

— Догадался, — пожал плечами Николенька, — на эту мысль навела меня книга Михаила Даниловича Перегудова, там подробно описан образ жизни мороков. И одна из особенностей их существования состоит в том, что в последнем перевоплощении тело жертвы перестаёт развиваться. Не изменившийся за много лет облик мальчика Макара, натолкнул меня на мысль, что это никто иной, как злобный морок Антип!

— Он отомстил мне! — горько воскликнула бабка Пелагея, —

мне и моему сыну! За мою нелюбовь к нему, за рождение Макарушки! Если бы я получила Шаль днём раньше, мой бедный мальчик был бы жив!

— Позвольте, — холодея от страшной догадки, произнёс Дмитрий Степанович, — но там, в лесу… кто же убил Макара, то, бишь, Антипа?!

Бабка Пелагея подняла на присутствующих сверкнувшие холодным гневом глаза.

— Убила! И ещё тысячу раз убила бы злодея! И в том не раскаюсь никогда ни перед богом, ни перед людьми!

Долго в тягостном молчании сидели собравшиеся, не смея поднять на старуху глаза. Каждый думал о своём, сражённый признанием бабки Пелагеи и невольно спрашивая себя, как бы он поступил, случись с ним такое?

Дмитрий Степанович, терялся в догадках, отчего не пришла со своей бедой Пелагея к своей сестре Софье Михайловне? Неужто та не помогла бы ей, не спасла её несчастного мальчика? И тут же ему вспомнился случай из собственной жизни, когда пришёл к нему, разбогатевшему и успешному с поклоном его дальний родственник по батюшке — просить денег. И он Перегудов, важно развалясь в мягком удобном кресле читал маленькому жалкому человечку в стареньком заштопанном мундире, долгую нудную нотацию о трудолюбии и пользе экономии, а потом конечно дал денег, ведь не плохой он человек, Дмитрий Степанович Перегудов! А этот жалкий человечек отчего-то не взял. Мелко кланяясь и глуповато хихикая, он отказался от протянутой ассигнации, и ушёл, хотя весь вид его говорил, что деньги ему и впрямь нужны! Более Дмитрий Степанович его никогда не встречал, но иногда, вот как сейчас, вспоминая об этом случае, ему почему-то всегда становилось стыдно. И вздохнув, он не стал допытывать несчастную старуху, отчего она не попросила помощи у влиятельной и могущественной Софьи Михайловны.

Дарья Платоновна, расчувствовавшись и роняя обильные слёзы, всё глядела на своего ненаглядного Николеньку, с ужасом представляя себе, что это мог быть и не Николенька вовсе, а вообще неизвестно что такое! И от эдаких мыслей бедной Дарье Платоновне чуть не сделалось дурно.

Более привычные ко всяким необычным жизненным перипетиям Генрих Карлович и отец Никон тоже терзались мыслями, но несколько иного рода, которые, наконец, решился высказать вслух господин управляющий.

— Отчего вы не вернули Шаль законным хозяевам, Пелагея Михайловна? — спросил Генрих Карлович, не поднимая глаз.

Старуха тяжело вздохнула.

— Как Перегудовы то сюда въехали, так сначала хотела, а после всё пошло кувырком. Когда поняла, что Макара больше нет, думала хоть Фролушку спасу. Сколько лет изо дня в день только и боялась, что раскроется страшная тайна, и погубят жестокие люди сыночка моего, кровиночку единственную. Когда узнала, что Стражи взяли его под свою защиту, то снова хотела Шаль Абуджайскую отдать, да не знала, как, всё боялась расспросов про Макара, да про Антипа… а теперь что ж… более мне действительно скрывать нечего!

Старуха развязала тугой узел своего бессменного чёрного линялого платка и положила его на стол, рукой сдвинув в стороны ненужную посуду.

Полежав немного, старенький платок, вдруг пришёл в необыкновенное движение, начал расти в размерах, растягиваясь в разные стороны, и, сначала тускло, а потом всё ярче и ярче расцветать необычайно цветными, дивными красками. По краям колышущейся шали появилась пушистая бахрома, с вплетённой в неё золотистой нитью, в каждом углу вырос крупный цветок, невиданной формы и благоухающий, как сотня роз. Вокруг цветов, появилась роспись из мелких, красочных вензелей, затейливо переплетённых и теряющихся в разнообразных красках благородного полотна.

— Ах, какое чудо! — восторженно всплеснула руками Дарья Платоновна.

И с её утверждением невозможно было не согласиться!

Привлечённые удивлёнными и восторженными возгласами, к столу подбежали дети.

— Ой, какой красивый, — хором завизжали малыши, пытаясь дотронуться хотя бы пальцем, до роскошной шали. Словно почувствовав их желание, расписные уголки колыхнулись, и сами потянулся к их маленьким, нетерпеливым ручонкам, ласково обвивая их маленькие пальчики.

— Ой, он живой! — взвизгнула Настенька.

И тут же каждый попытался прикоснуться к шелковистой, тёплой на ощупь поверхности платка.

Никто и не заметил, как, воспользовавшись суматохой, старая бабка Пелагея поднялась со своего места и незаметно выскользнула наружу, торопливо покидая шумное сборище.

Один только Николенька спохватился, и запоздало глянул вслед сгорбленной фигуре с седыми развевающимися по ветру волосами. Он хотел, было окликнуть её, но его остановил предупреждающий взгляд отца. И пока остальные восторгались

необычайной, живой и ласковой шалью, отец и сын задумчиво смотрели вслед несчастной старухе, до тех пор, пока она совсем не скрылась из виду.

— Ну что ж! — бодро воскликнул Генрих Карлович, оглядывая ликующее собрание, — все загадки разрешены, волшебные предметы найдены, а виновные понесли заслуженное наказание! Хотя… — тут он лукаво улыбнулся, — если вы Николай, Дмитриевич, ответите мне на один, последний вопрос, поистине моё уважение к вашей проницательности будет безграничным!

— Что за вопрос? — очнувшись от невесёлых мыслей, спросил Николенька, смущённо улыбаясь.

— Когда мы с вашим батюшкой находились в пещере, то наблюдали весьма странное явление, помните, Дмитрий Степанович?

— Как не помнить! — откликнулся Перегудов, подкручивая рукою роскошные седые усы, — по сию пору душа в пятки уходит!

— И что такое вы видели, Генрих Карлович? — с любопытством спросил неугомонный отец Никон, — подземных чудищ или легендарного разбойника Летоху?

— Совершенно достоверно утверждать, видел я или нет сего знаменитого господина — не берусь, поелику не был знаком с ним ранее. Хотя вполне вероятно, что в огромной толпе народу, коей заполнена была обширная зала в пещере, этот господин и присутствовал…

— Огромная толпа народу? В пещере? — недоверчиво переспросила Дарья Платоновна, — да полно вам Генрих Карлович, возможно ли такое?!

— Тем не менее, это так, матушка! — подтвердил слова управляющего Дмитрий Степанович, милейший Генрих Карлович был там не один, мне тоже довелось видеть это престранное зрелище!

И он вкратце рассказал о том происшествии, что случилось с ними в глубине Летохиной пещеры, на берегу Мутного озера.

Когда затихли изумлённые аханья и восторженные вздохи, Николенька снова обратился к Генриху Карловичу, повторяя прежний вопрос.

— Так что же вы хотели, узнать, уважаемый Генрих Карлович?

— Среди многочисленных людей я с удивлением увидел одну знакомую мне особу… и по сию пору ломаю голову над той загадкой, что происходило тогда в пещере и откуда взялись эти люди? А ключиком к разгадке, полагаю, может послужить имя таинственной особы — бабка Агафья! Местная ведьма, живущая у

Звенящего родника!

— Ох! — от неожиданности Николенька раскрыл рот и беспомощно сложил на груди скрещенные руки, — ох, Генрих Карлович, батюшка! Бабка Агафья никак не могла быть в тот вечер в пещере!

— Отчего нет? — удивился Дмитрий Степанович.

— Не могла! — твёрдо ответил Николенька, отчаянно качая головой, — ведь она накануне того дня упала в Яму и погибла! Я сам видел…